

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Шатохина Софья Александровна

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА:
ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРО-
СТРАНСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л.В. Куликова

Красноярск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЖЕСТОВЫЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ И СИНХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ.....	11
1.1. Жестовый язык как естественная знаковая система	11
1.2. Формирование и развитие жестовых языков в транснациональном контексте	18
1.3. Становление русского жестового языка в исторической перспективе.....	23
1.4. Зарубежные традиции теоретической институализации жестовых языков: жестовые языки как объект лингвистического анализа	28
1.5. Исследование русского жестового языка как лингвистическое направление	33
1.6. Понятие жеста в современной лингвистической теории и его компоненты.....	38
1.7. Особенности жестовых языков в контексте описания вариативности	46
1.8. Исследования вариативности в жестовых языках разных культурно-языковых ареалов	50
1.8.1. Фонологическая вариативность	52
1.8.2. Лексическая вариативность.....	55
1.8.3. Трудности разграничения фонологической и лексической вариативности.....	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	63
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	66
2.1. Социолингвистическое описание современного состояния	

и диахронических аспектов функционирования русского жестового языка: коммуникативное пространство Восточной Сибири	66
2.2. Опыт формирования мультисемиотической платформы региональных вариантов РЖЯ	69
2.3. Региональные особенности лексики русского жестового языка в сопоставительном аспекте	73
2.3.1. Тематическая группа «Внешность»	74
2.3.2. Тематическая группа «Вопросительные жесты»	77
2.3.3. Тематическая группа «Время»	82
2.3.4. Тематическая группа «Действия и состояния»	91
2.3.5. Тематическая группа «Дом и обстановка»	101
2.3.6. Тематическая группа «Досуг»	109
2.3.7. Тематическая группа «Магазин и покупки»	114
2.3.8. Тематическая группа «Одежда и обувь»	116
2.3.9. Тематическая группа «Природа и погода»	119
2.3.10. Тематическая группа «Продукты и питание»	123
2.3.11. Тематическая группа «Профессии»	138
2.3.12. Тематическая группа «Семья и люди»	142
2.3.13. Тематическая группа «Фауна»	146
2.3.14. Тематическая группа «Цвета»	153
2.3.15. Тематическая группа «Фразы и слова для общения»	155
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	166
ПРИЛОЖЕНИЕ	186

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению различий в вариантах лексики русского жестового языка (РЖЯ), контактирующих в пределах крупного региона, а именно на примере коммуникативного пространства Восточной Сибири.

Сфера изучения жестовых языков и междисциплинарной прикладной разработки интерактивных ресурсов для носителей особого знакового кода становится в последние десятилетия объектом пристального внимания лингвистов разных стран мира. Повышенный научно-академический интерес к этому аспекту коммуникации отражает создание профильных институций, кафедр, лабораторий в рамках крупных университетов США, Германии, Австрии, Швейцарии, Китая и других стран. При этом можно констатировать достаточно невысокий уровень разработанности данной проблематики в отечественном языкознании в отношении русского жестового языка.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется следующими факторами:

- общим интересом современной семиотики и лингвистики к жестовым языкам, относительно недавно признанным во всем мире полноценными естественными знаковыми системами;
- выбором русского жестового языка в качестве объекта исследования и необходимостью теоретического и практического вклада в систематизацию знаний о жестовом языке национальной лингвокультуры;
- недостаточной и фрагментарной изученностью вопроса о вариативности русского жестового языка в корреляции с региональной спецификой;
- значимостью лингвоструктурной институализации русского жестового языка в аспекте инклюзивных, социально-интеграционных процессов современного общества.

Объектом исследования является региональная вариативность жестовых языков.

Предмет диссертационного исследования – фонологическая и лексическая

вариативность лексики региолектов русского жестового языка на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири.

В качестве **гипотезы** выдвигается предположение о том, что в разных регионах Восточной Сибири (по аналогии с зафиксированным территориальным варьированием жестовых языков во многих странах) используются варианты жестов, которые в значительной степени отличаются друг от друга.

Цель исследования заключается в выявлении и описании региональной лексической и фонологической вариативности жестов РЖЯ в контексте его функционирования на территории Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Республика Хакасия и Республика Тыва).

Достижение поставленной цели обуславливает решение следующих **задач**:

1) изучение зарубежных и отечественных работ, проблематизирующих историю становления, развития и современного этапа функционирования жестовых языков (ЖЯ);

2) выделение основных параметрических и терминологических единиц, характеризующих системы жестовых языков в аспекте естественных знаковых систем в корреляции со звуковыми языками;

3) анализ исследований, посвященных описанию территориальной, социокультурной и лингвистической вариативности, которые были проведены на материале разных жестовых языков;

4) формирование тезауруса наиболее частотных лексических единиц по бытовым социальным сферам в рамках выбранных тематических групп для последующей жестовой верификации;

5) сбор эмпирических жестовых данных в формате социолингвистических экспедиций;

6) систематизация выделенной лексики русского жестового языка с дифференцированием по территориальному признаку;

7) выявление региональных различий в разных территориях Восточной Сибири на основе сопоставительного анализа русского жестового языка.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые исследуется

вариативность лексических единиц русского жестового языка в контексте четырех регионов Восточной Сибири; выявляются тематические группы, демонстрирующие наибольшую и наименьшую степени вариативности; собранный эмпирический материал становится доступным для научного сообщества в формате современного мультисемиотического ресурса.

Материалом для выявления и изучения региональных особенностей РЖЯ по территориальному признаку послужили теоретико-эмпирические данные, собранные в результате интервьюирования 24 носителей русского жестового языка, проживающих на территории Восточной Сибири. Общий объем составленного тематического тезауруса для исследования включал 376 вербальных лексических единиц. Суммарное количество собранных и проанализированных жестовых единиц – 9 000. Итоговая длительность видеозаписей составляет 49 часов. Сбор эмпирического материала осуществлялся в 2019–2021 гг.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется вкладом в развитие лингвистики жестовых языков и системную представленность эмпирических данных о вариативности русского жестового языка в разных регионах страны. В частности, в работе представлены жестовые эквиваленты наиболее частотных лексических единиц, объединенных в тематические группы, отображающие основные сферы бытового общения. Также полученные данные могут быть использованы при проведении лексико-статистических сопоставлений и в диахронических исследованиях лексики русского жестового языка. Теоретически значимыми представляются выводы о степени вариативности тематических групп и корреляции между иконичностью и лексической вариативностью жестов.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные эмпирические данные представляют интерес для переводчиков русского жестового языка. Кроме того, результаты исследования могут быть включены в теоретический курс по лингвистике жестовых языков и использованы в рамках преподавания общего курса по языкознанию.

Методологической базой исследования послужили труды отечественных и

зарубежных специалистов по лингвистике жестовых языков [Буркова и др., 2019; Зайцева, 2000; Королькова, 2022; Кюсева, 2018; Прозорова, 2009; Филимонова, 2015; Aronof et al., 2005; Nyst, 2012; Klima, Bellugi, 1979; Liddel, 2003; Pfau, Quer, 2007; Stokoe, Kuschel, 1979; Zeshan, 2004 и др.], истории становления жестовых языков [Басова, Егоров, 1984; Лаговский, 1914; Moores, 2009; McBurney, 2012; Padden, 2011; Takashi et al., 1976; Woodward, 1976, 1978 и др.] и жестовой вариативности [Bickford, 2005; De Vos et al., 2018; Isma, 2012; Fenlon et al., 2013; Kimmelman et al, 2022; Lucas et al, 2001; McKee, McKee, 2011; Parkhurst, Parkhurst, 2001; Schermer, 2004; Vasishta et al., 1978; Yau, 1977 и др.].

Методы исследования. В работе применяются общенаучные методы наблюдения и описания, включая специальные приемы сравнения, интерпретации и классификации, в сочетании с методом контекстного анализа языкового материала. Для сбора эмпирических данных использовались социолингвистические методы интервьюирования. Сопоставление параметров жестов осуществлялось посредством применения метода дифференциального анализа. Наряду с вышеперечисленными методами широко применялся метод статистической обработки лингвистических данных.

Достоверность полученных результатов обеспечивается адекватностью и системностью теоретико-методологических подходов, положенных в основу исследования, его цели и решаемых задач, репрезентативностью собранного эмпирического материала, а также открытой фиксацией полученных данных в формате мультимодальной электронной платформы <https://zhestysibiri.ru>, прошедшей успешную апробацию в рамках научного проекта РФФИ.

Результаты проведенного исследования нашли отражение в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. Становление, развитие и функционирование жестовых языков как естественных знаковых систем в исторической перспективе обусловлено влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Первые характеризуются использованием носителями жестовых языков визуальной модальности и отличных от звуковых языков артикуляторов. Спектр экстралингвистических

факторов включает существование жестовых языков в контексте доминирования звуковых языков, различие способов овладения жестовыми языками в зависимости от аудиального статуса других членов семьи и существующих образовательных стратегий, степень поддержки жестовых языков на государственном уровне и наличие среды, позволяющей членам сообщества неслышащих коммуницировать.

2. Русский жестовый язык используется глухими и слабослышащими носителями, проживающими на территории Восточной Сибири, в качестве одного из главных средств коммуникации. В Регионе функционируют специализированные учебные заведения и Региональные отделения Всероссийского общества глухих. Унифицированная стратегия применения РЖЯ в обучении отсутствует. Изолированность школ-интернатов является вероятным фактором появления вариантов жестов.

3. Жестовые языки как полноценные естественные знаковые системы демонстрируют лексическую и фонологическую вариативность, которая в том числе соотносится с универсальными свойствами любого языка. В современном состоянии региональные варианты русского жестового языка (по результатам исследования крупного субрегиона России) демонстрируют наличие вариативности у 38 % лексических единиц выделенного базового словника. Наиболее частотной является фонологическая вариативность. Из четырех сопоставляемых параметров жеста (локализация, конфигурация, ориентация ладони и характер движения) более подвержен изменениям параметр «конфигурация».

4. Наибольшую степень вариативности демонстрируют такие тематические группы, как «Вопросительные жесты», «Фауна», «Продукты и питание» и «Семья». В рамках указанных групп вариативность региональных жестов РЖЯ достигает 60 %. Наименьшее количество вариантов зафиксировано в тематической группе «Фразы для общения». Данная группа включает в себя 31 лексическую единицу, вариативны три. Также невысока степень вариативности жестов тематических групп «Магазин и покупки» и «Действия и состояния».

5. Отмечается зависимость лексической вариативности и степени

иконичности. Наибольшее количество лексических вариантов жестов выявлено в тематических группах «Фауна» и «Продукты и питание» – 83,3 % в обеих группах по сравнению с другими тематическими группами. В вышеназванных группах заметно количественное преобладание лексических вариантов, отличающихся высокой степенью иконичности. В среднем вариативный жест в данных группах представлен тремя иконичными лексическими вариантами.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации были сделаны доклады на XXX Международном Конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (2019 г., СПбГУ, г. Санкт-Петербург), Междисциплинарном научном семинаре с международным участием «Современные жестовые языки: теоретические и прикладные аспекты» (2020 г., СФУ, г. Красноярск), III Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация» (2020 г., МГУ, г. Москва), II Международном Форуме языков и культур, СФУ (2021 г., СФУ, г. Красноярск). По теме диссертационного исследования опубликовано пять статей. Три статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК; одна в издании, индексируемом в зарубежной базе данных Scopus; одна статья в РИНЦ; подготовлен раздел в коллективной монографии «Жестовые языки: Лингвистика и социальная инклюзия». Работа прошла апробацию в рамках грантового проекта РФФИ № 20-012-00321 А «Региональные жестовые языки: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)».

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка литературы и приложения. Общий объем работы составляет 186 страниц, библиографический список включает 218 источников.

Первая глава «Жестовые языки как объект социолингвистического исследования в диахроническом и синхроническом аспектах» посвящена описанию истории становления и развития жестовых языков и традиции их институализации. Также в рамках данной главы приводятся данные о

диахронических аспектах развития русского жестового языка и его лингвистическом изучении. Рассматриваются модели описания жеста, обосновывается выбор описательной модели, которая используется в работе. Систематизируются типы вариативности в контексте исследований, проведенных на материале ряда жестовых языков мира. Анализируются актуальные данные о трудностях разграничения двух видов жестовой вариативности.

Вторая глава «Специфика региональной локализации русского жестового языка на территории Восточной Сибири» включает в себя описание диахронических и синхронических аспектов функционирования русского жестового языка на территории Восточной Сибири. Также в главе систематизируется опыт составления тезауруса, документирования эмпирических данных и создания мультисемиотической платформы региональных вариантов РЖЯ, дается описание вариативных единиц в контексте их принадлежности к тематическим группам, анализируются лексические и фонологические варианты жестов и возможное влияние социолингвистических факторов на вариативность жестовых единиц.

В выводах и заключении обобщаются основные результаты проведенного исследования. В приложении приводятся данные об информантах.

ГЛАВА 1. ЖЕСТОВЫЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ И СИНХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

1.1. Жестовый язык как естественная знаковая система

Признание жестовых языков естественными знаковыми системами произошло относительно недавно – в 60-х гг. XX в. До возникновения лингвистики жестовых языков как научного направления было распространено мнение о том, что жесты «глухонемых... при рассмотрении оказываются производными от языка» [Bloomfield, 1933, p. 144]. Среди ряда особенностей, характерных для человеческого языка (на контрасте с коммуникативными системами животных), Ч. Хоккет первой приводит самую, по его мнению, очевидную, согласно которой язык ограничивается речью и слухом [Hockett, 1960, p. 89].

Следует отметить, что изучение жестовых языков в рамках современного языкознания доказывает существование как минимум двух языковых модальностей: слухо-речевой и визуально-жестовой [Battison 1978; Klima, Bellugi, 1979; Stokoe, 1960; Supalla, Newport, 1978]. В литературе по лингвистике жестовых языков распространен ряд номинаций, которые используются в качестве синонимов: визуальная модальность, визуально-жестовая модальность, мануально-визуальная модальность. Подтверждением естественной природы ЖЯ является тот факт, что они возникают спонтанно при условии, если глухие получают возможность регулярно коммуницировать [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 3]. Исследования показали, что, как и в случае со звуковыми языками, в процессе порождения и восприятия жестовой речи задействуется главным образом левое полушарие мозга [Neville et al., 1998; Poizner et al., 1987]. Аналогичные результаты демонстрируют также исследования оптимального возраста овладения ЖЯ, который соответствует возрасту овладения звуковыми языками [Newport, 1990].

У. Беллуджи и С. Фишер [Bellugi, Fischer, 1972] провели эксперимент, целью

которого ставилось выявление и сопоставление скорости артикуляции слов и жестов. Для этого были записаны рассказы билингвальных слышащих детей глухих родителей (CODA) на американском жестовом языке (ASL) и на звуковом английском языке. После была рассчитана скорость порождения речи без учета пауз хезитации. Результаты показали, что скорость артикуляции слов почти вдвое превышает скорость артикуляции жестов, однако общая скорость порождения предложений оказалась одинаковой. Авторы пришли к выводу, что в ЖЯ наблюдается тенденция к опущению второстепенных элементов (например, артиклей, флексий, предлогов) для сглаживания разницы между скоростями артикуляции. Данная тенденция может объяснять существование ошибочного суждения о том, что жестовые языки не обладают грамматикой. Кроме того, при увеличении скорости передачи информации успешное усвоение ухудшается приблизительно в три раза в обоих языках. Данный факт свидетельствует о том, что в основе языков с разной модальностью лежит одна когнитивная система [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 4].

В работе [Meier, 2002], представляющей исследование влияния модальности на ЖЯ обобщены свойства, характерные как для жестовых, так и звуковых языков:

- 1) наличие означающего и означаемого;
- 2) двойственность паттернов;
- 3) продуктивность (заимствование, деривационная морфология, словосложение);
- 4) синтаксическая структура (части речи, порядок слов, согласование);
- 5) схожие алгоритмы овладения языком;
- 6) латерализация (левое полушарие) [Meier, 2002, p. 3].

Кроме того, в этой работе подчеркивается, что признание жестовых языков естественными знаковыми системами является одним из самых важных эмпирических открытий в лингвистике за последние несколько десятилетий [Там же, с. 4].

Проводились сопоставительные исследования жестовых и звуковых языков на уровне фонологии [Lane et al., 1976], морфологии [Berent et al., 1976; Fischer,

1973; Supalla, 1982; Supalla, Newport, 1978], синтаксиса [Liddell, 1980]. Как и в звуковых, в жестовых языках на фонологическом уровне выделяются минимальные пары, отличные по одному параметру [Occhino, Wilcox, 2017, p. 4]. На морфологическом уровне также обнаруживаются сопоставимые процессы и явления. Так, было проведено исследование редупликации в американском жестовом языке (ASL) и иврите, в результате которого были выявлены одинаковые паттерны [Berent et al., 2013]. Ряд авторов выдвигают гипотезу о том, что редупликация представляет собой наиболее продуктивную стратегию словообразования как в звуковых, так и в жестовых языках [Supalla, Newport, 1978; Occhino, Wilcox, 2017]. На синтаксическом уровне сопоставлялись так называемые pro-drop языки [Chomsky, 1981] и некоторые жестовые языки. Данные исследования, проведенные в русле генеративной лингвистики, показали, что анализируемые явления распространены и в звуковых, и в жестовых языках [Glück, Pfau, 2000; Quadros, 2003].

Несмотря на наличие общих фундаментальных свойств, звуковые и жестовые языки демонстрируют отличия, обусловленные использованием разных модальностей. Наиболее очевидное отличие – размер и видимость артикуляторов. В исследованиях влияния модальности указывается, что для преодоления инерции во время перемещения рук в пространстве требуется больше усилий, поэтому скорость воспроизведения жестов ниже скорости воспроизведения речи. Отмечается, что низкая скорость воспроизведения препятствует возникновению в ЖЯ последовательной аффиксации и способствует «наслоению» на морфологическом уровне [Klima, Bellugi, 1979]. Данный факт может объяснять неконкатенативность морфологии ЖЯ. Кроме того, мануальные артикуляторы, в отличие от оральных, представляют собой пары, благодаря чему недоминантная рука может быть непосредственно артикулятором, местом артикуляции и средством выражения [Meier, 2002, p. 580]. Парность артикуляторов и использование пространства позволяют носителям ЖЯ одновременно изображать объект и указывать на него. Системы восприятия также зависят от модальности. Исследователи описывают артикуляционные и перцептивные характеристики

визуально-жестовой модальности в контексте возможности использования четырех измерений пространства и времени [McBurney, 2002]. В работе, посвященной морфологии ЖЯ, авторы приводят данные о том, что иконический потенциал визуально-жестовой модальности позволяет жестовым языкам быстро формировать и развивать морфологические системы [Aronoff et al., 2005].

С иконичностью жестовых языков и их модальностью связаны сложности, которые возникают при описании и изучении так называемых классификаторных конструкций. Изначально данные конструкции рассматривались как пантомимические изображения [Mandel, 1977], однако в последующем они стали рассматриваться в качестве морфологически сложных жестов [Brentari, 1995; Supalla, 1982, 1986; Schick 1990]. В качестве примера классификаторной конструкции приводится изображение (рис. 1), на котором носитель американского жестового языка показывает классификаторную конструкцию, примерно означающую «человек идет вперед, волоча за собой извивающуюся собаку».

Рис. 1. Классификаторная конструкция
«Человек идет вперед, волоча за собой извивающуюся собаку»
[Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 17]

Визуальная модальность позволяет использовать один жест-классификатор, который при описании посредством звукового языка может занимать несколько фраз [Aronoff et al., 2003] и, наоборот, может быть сложен морфологически, но фонологически тождественен односложному слову [Brentari, 1995]. Наличие классификаторных конструкций обнаружено практически во всех жестовых

языках. В лингвистических исследованиях, посвященных данному аспекту функционирования ЖЯ, отмечается, что чаще всего классификаторы сочетаются с глаголами, которые указывают на движение референта в пространстве, изменение местоположения или его пребывание в определенной точке пространства [Schembri, 2001; Supalla, 1982; Tang, 2003]. Согласно одной из описательных моделей морфологической структуры данной конструкции, глагол-классификатор представляет собой подмножество корней глагола, которые могут сочетаться с большим количеством аффиксов [Supalla, 1986]. Отмечается, что природа классификаторных конструкций одновременно иконична, пантомимична и лингвистична, что делает их сложными объектами для анализа и описания [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 17].

Использование визуальной модальности характерно не только для носителей жестовых языков. Жестовое сопровождение речи также предполагает использование данной модальности. Несмотря на внешнее сходство, жестовое сопровождение речи не является первичной системой коммуникации. В рамках невербальной семиотики жестовое поведение людей рассматривается как изменчивое и недискретное [Крейдлин, 2002, с. 50]. Обобщая данные о жестовом сопровождении речи, можно выделить ряд его отличительных характеристик: дублирует актуальную информацию; дополняет речь в смысловом отношении; может подчеркивать и усиливать некий компонент речи [Там же, с. 61–63]. Таким образом, жестовое сопровождение речи представляет собой интегрированную систему, в то время как жестовые языки являются первичными знаковыми системами. В. Сандлер и Д. Лилло-Мартин определяют жестовый язык как конвенциональную коммуникативную систему, спонтанно возникающую в сообществах глухих [Sandler, Lillo-Martin, 2006]. Однако следует отметить, что в невербальной семиотике присутствуют жесты-эмблемы, которые являются невербальными аналогами слов или речевых высказываний [Baker et al., 2016, p. 10]. В лингвистических исследованиях, посвященных сопоставлению данного типа невербальной коммуникации и жестов ЖЯ, наличествуют противоположные точки зрения. Согласно первой, жест-эмблема и жест ЖЯ представляют собой

единицы одной общности, которые могут систематически структурироваться из рекомбинируемых элементов [Kendon, 1988, p. 134]. В рамках данной теории жесты рассматриваются как лексикализованные кинетические формы [Kendon, 2004; Janzen, 2012; Wilcox, 2005]. Согласно второй точке зрения, следует отграничивать жестовые и устные языковые формы от невербальной семиотики [Goldin-Meadow, Brentari, 2017].

Степень тождественности жестов-эмблем и жестов ЖЯ была проанализирована на материале британского жестового языка (BSL) [Fenlon et al., 2019]. Авторы исследования сравнили указательные жесты BSL с сопоставимыми жестами-эмблемами, которые используют носители английского языка. Результаты показали, что, несмотря на некоторое внешнее сходство, данные формы имеют важные отличия. Во-первых, жесты ЖЯ более последовательны и редуцированы. Во-вторых, жесты ЖЯ более интегрированы в просодическую структуру, чем указательные жесты-эмблемы. В работе [Ozyurek, 2000] анализируются жесты, которые используют носители жестового и звукового языка для описания пространственных отношений в зависимости от местонахождения адресата. Было установлено, что носители звукового языка перемещают руки по оси вперед-назад в случае, если адресат находится перед говорящим, и перемещают руки в сторону, если адресат находится сбоку. Носители же американского жестового языка (ASL) не меняли направления движения в зависимости от локализации адресата, если жест не являлся указанием на конкретный объект.

Жестовые языки как естественные знаковые системы следует дифференцировать с гибридными структурами, которые широко распространены в разных странах мира. Данные структуры являются искусственно сконструированными средствами обучения и представляют собой смесь звукового и жестового языков. В лингвистических исследованиях среди отличительных особенностей описываемых систем выделяются следующие:

- они не используются спонтанно;
- они не передаются из поколения в поколение;
- они не отображают полную грамматическую систему ни одного из двух

языков [Petitto, 1994].

В качестве примера можно привести русский жестовый язык (РЖЯ) и калькирующую жестовую речь (КЖР). На рисунке 2 представлено изображение, на котором носитель русского жестового языка показывает фразу звукового русского языка «над стулом торшер». Правая рука демонстрирует жест ТОРШЕР, левая одновременно показывает жест СТУЛ.

Рис. 2. «Над стулом торшер» (РЖЯ)
[Зайцева, 2000, с. 32]

Калькирующая жестовая речь предполагает последовательное артикулирование жестов, релевантных фразам звукового языка. Порядок жестов аналогичен порядку слов. При использовании калькирующей жестовой речи данная фраза будет выглядеть следующим образом:

русский: Над стулом торшер

КЖР: НАД СТУЛ ТОРШЕР [Там же].

Таким образом, признание жестовых языков полноценными естественными знаковыми системами в значительной степени расширяет понимание природы языка. Такие универсальные свойства, как двойственность паттернов и продуктивность языкового знака, не являются свойствами конкретной модальности, а присущи всем человеческим языкам. Неконкатенативная морфология и высокая степень иконичности объясняются функционированием жестовых языков в визуально-жестовой модальности, которая влияет на все системные уровни ЖЯ. Принципиальным отличием жестовых языков от

невербальной семиотики является вторичная природа последней, так как жестовое сопровождение речи только дублирует либо подчеркивает актуальную информацию.

1.2. Формирование и развитие жестовых языков в транснациональном контексте

В настоящее время установлено существование как минимум 150 жестовых языков (согласно ресурсу ethnologue.com), распространенных в разных странах мира. В течение долгого времени, вплоть до 60-х гг. XX в., жестовые языки не рассматривались в качестве полноценных знаковых систем, следствием чего является практически полное отсутствие данных о грамматических и лексических аспектах функционирования ЖЯ в исторической ретроспективе. Однако существует ряд документальных источников, в которых представлены сведения, подтверждающие факт использования жестовых языков еще до нашей эры.

К одним из ранних упоминаний ЖЯ относится фраза из египетских иератических текстов, датируемых приблизительно 1200 г. до н. э. В разделе предупреждений для праздного писца магистрат говорит следующее: «Ты – тот, кто глух и не слышит, которому люди делают (знаки) рукой» [McBurney, 2012, p. 912]. Еще одним ранним письменным упоминанием жестового языка и глухих является вопрос Сократа в диалоге Платона «Кратил», который восходит к IV в. до н. э.: «Если бы у нас не было ни голоса, ни языка, а мы захотели бы объяснить другим окружающие предметы, не стали бы мы разве обозначать все с помощью рук, головы и вообще всего тела, как делают это немые» [Платон, 1990]. Позднее, в 77 г. до н.э., Плиний Старший в «Естественной истории» упоминает Квинта Педия, глухого сына римского консула, который стал известным художником [Laes, 2008, p. 107]. Историк М. Майлз в своем исследовании описывает жестовый язык глухих людей, служивших при турецком османском дворе с XV по XX в. Их язык был довольно распространен и регулярно использовался другими людьми, включая слышащих последователей султана, и был способен выражать идеи

любой сложности [Miles, 2000].

Исследования последних лет демонстрируют тенденцию к разделению жестовых языков на «деревенские» и «городские» [De Vos, Nyst, 2018; Jepson, 1991; Marsaja, 2008; Zeshan, De Vos, 2012]. К «деревенским» относят языки, которые естественным образом возникли и существовали в рамках сообществ, где частотны случаи наследственной глухоты. Одним из главных факторов, обуславливающих существование данных языков, является наличие большого количества глухих и слабослышащих на определенной территории, где жестовым языком владеют как глухие, так и слышащие члены сообщества [Nyst, 2012, p. 569]. В качестве примера можно привести жестовый язык аль-сайидских бедуинов в Негеве. На протяжении веков на Ближнем Востоке заключались браки в демографически изолированных деревнях, следствием подобной эндогамии стала частотность возникновения генетической глухоты. В экзогамных обществах приблизительно один младенец из тысячи рождается с нарушением слуха, в то время как в регионах, где распространено кровное родство, процент детей с наследственным нарушением слуха составляет 1,7 [Shahin et al., 2002, p. 284]. В отличие от экзогамных обществ, где витальность жестового языка напрямую зависит от возможности глухих контактировать друг с другом, в эндогенных сообществах жестовый язык меньше подвержен риску исчезновения, поскольку передается из поколения в поколение. В Негеве распространены кровные браки и наблюдается потеря слуха у 3% населения из-за генетически рецессивных признаков глубокой предъязычной нейросенсорной глухоты, в этой деревне жестовый язык используется и слышащими [Kisch, 2004]. Кроме того, известен жестовый язык Ката Колок, который появился в результате внезапного увеличения случаев наследственной глухоты пять поколений назад. Ката Колок используется глухими и слышащими жителями фермерской деревни на севере Бали в районе Булеленг [De Vos, 2016, p. 206]. Еще одним классическим примером является жестовый язык американского острова Мартас-Винъярд, где к середине XIX в. примерно половина населения была глухой. Известно, что глухие члены сообщества были настолько интегрированы в жизнь острова, что жестовый язык

использовался в школе и на ЖЯ проводились городские собрания. Более того, жестовый язык регулярно применялся для общения не только в ситуациях, когда коммуницировали глухие и слышащие, но и слышащими членами сообщества между собой [Groce, 1985, p. 15]. Следует отметить, что в англоязычной литературе существует ряд терминов для обозначения данных сообществ: ассимилированные сообщества (assimilative societies) [Lane et al., 2000], интегрированные сообщества (integrated communities) [Woll, Ladd, 2003], совместно использующее ЖЯ сообщество (shared signing community) [Kisch, 2008]. Данные номинации отражают характерную особенность деревенских ЖЯ – применение жестового языка всеми членами сообщества. Деревенские жестовые языки демонстрируют характеристики, которые не присущи городским ЖЯ, например, ограниченное использование классификаторных конструкций [Nyst, 2012, p. 565]

Одним из главных факторов, стимулирующих развитие «городских ЖЯ», стало создание специализированных школ для глухих, что способствовало стабилизации данных языков и их распространению [Su, Tai, 2009, p. 150]. Подтверждением тезиса о том, что ключевую роль в формировании и становлении многих жестовых языков сыграли специализированные школы, где изолированные ранее друг от друга глухие получили возможность контактировать, тем самым заложив фундамент для развития жестовых языков, что подтверждает ситуация, наблюдаемая в Никарагуа. Никарагуанский жестовый язык начал свое существование в 70-е гг., когда была открыта первая школа для глухих детей. Обучение включало в себя тренировку навыков чтения по губам и говорения по-испански, однако детям было позволено общаться с помощью жестов в автобусах и на школьных площадках. Как следствие, никарагуанский жестовый язык быстро развился и в настоящий момент не демонстрирует никаких корреляций ни с испанским языком, на котором говорят в регионе, ни с американским жестовым языком, который распространен в большинстве стран Северной Америки [Senghas, Coppola, 2001, p. 324].

Создание первых специализированных учебных заведений сыграло

ключевую роль в становлении многих национальных ЖЯ. Во-первых, в школах глухие и слабослышащие ученики получили возможность контактировать и естественным образом развивать языки. Во-вторых, выпускники первых школ оказывали содействие при открытии подобных образовательных организаций в других странах. Впоследствии в работах по определению принадлежности ЖЯ к одной языковой семье основанием для сопоставления предполагаемого родства стали исторические данные о первых школах и учителях [Deuchar, 1984; Lucas et al., 2001; Vanhecke, Weerdt, 2004; Leeson, Grehan, 2004; Quinn, 2010; McKee et al., 2011]. Основателем одной из первых школ для обучения глухих детей стал аббат Шарль-Мишель де Л'Эпе в Париже в начале 60-х гг. XVIII в. [Napier, Leeson, 2016, p. 45]. Известно, что Л'Эпе во время благотворительной работы с бедными встретил двух молодых глухих сестер, которые общались, используя жестовый язык (вероятно, старофранцузский жестовый язык, распространенный в тот период во Франции), и разработал собственную методику обучения [McBurney, 2012, p. 915]. Первую школу для глухих в Соединенных Штатах Америки открыл Эдвард Майнер Галлоде, который посетил школу Л'Эпе и нанял в качестве преподавателя одного из ее выпускников. Школа для глухих располагалась в Хартфорде, штат Коннектикут [Там же, с. 917]. В настоящее время в честь Эдварда Майнера Галлоде назван университет, специализирующийся на обучении глухих и слабослышащих студентов. Галлодетский университет находится в Вашингтоне и является одним признанных мировых лидеров в области исследований, связанных с разными аспектами глухоты. Многие европейские жестовые языки, а также американский жестовый язык и некоторые южноамериканские жестовые языки появились благодаря диаспоре учителей и выпускников первой школы для глухих и слабослышащих в Париже [Fisher, 1973, p. 446]. Определяющим событием, которое повлияло на методику обучения глухих детей и, как следствие, на статус и распространение ЖЯ, считается Миланский конгресс 1880 г, итогом которого стало решение о повсеместной интеграции устного метода обучения, предполагающего полный запрет на использование жестов [Lane et al., 1996, p. 61].

Помимо создания специализированных учебных заведений и иммиграции как учителей, так и выпускников школ для глухих, значительное влияние на историю развития ряда жестовых языков оказали политические факторы. Например, становление и развитие жестовых языков Тайваня и Кореи непосредственно связаны с японской оккупацией. Первая школа для глухих в Тайване была основана японцами в 1915 г. в Тайнани, а вторая – два года спустя в Тайпее. Учителя для первой школы прибыли из Осаки, для тайпейской школы – из Токио. Данный факт объясняет наличие двух диалектов жестового языка Тайваня, дублирующих соответствующие диалекты японского жестового языка. [Tai, Tsay, 2015, p. 771–772]. Аналогичным образом новозеландский жестовый язык связан с британским из-за истории колонизации британцами данных территорий [Powell, 2013, p. 2]. Схожая ситуация наблюдается и в истории развития африканских жестовых языков, которая коррелирует с историей колонизации континента. На территории Африки были распространены местные «деревенские» жестовые языки, а открытие специализированных учебных заведений миссиями разных стран и конфессий привело к креолизации местных жестовых языков. Последствия наблюдаются и по сей день, например, в Ботсване распространены американский, датский и немецкий жестовые языки, в Гамбии – датский и финский, в Танзании – американский, шведский и финский [Fenlon, Wilkinson, 2015, p. 11].

Таким образом, ЖЯ, функционируя в условиях доминирования звуковых языков, зависят от ряда факторов, связанных с экстралингвистическими аспектами. Процессы становления и формирования ЖЯ варьируются в зависимости от их принадлежности к одной из двух групп – «деревенским» или «городским». Анализ исторических данных позволяет выявить факт, что одним из ключевых условий становления жестового языка и его витальности является наличие у глухих возможности коммуницировать, в то время как изолированность жестового языка может привести к его исчезновению. Кроме того, существенно влияют политическая ситуация, культурные и социальные нормы, а также степень поддержки жестового языка государством. Сходные процессы и закономерности прослеживаются и в истории развития русского жестового языка.

1.3. Становление русского жестового языка в исторической перспективе

Изучение профильных работ, посвященных русскому жестовому языку, позволяет сделать вывод, что практически полностью отсутствуют какие-либо сведения о том, как коммуницировали глухие на территории России до момента основания первой школы для глухонемых в начале XIX в. В книге «История сурдопедагогики» [Басова, Егоров, 1984] в качестве косвенного доказательства того, что на Руси в старые времена имелись некоторые представления о глухоте, приводится семантический и этимологический анализ слов и словосочетаний, связанных с глухотой, – «глухобезмолвные», «оглушенные», «глухие», «постепенно гложущие» и «только что оглохшие» [Там же, с. 109]. Там же приводится отрывок из полного собрания Законов Российской империи 1669 г.: «А глухих и немых и бесных и которые в малых летах, а не в возрасте, в обыск (т.е. в свидетели) не брать» [Там же, с. 110]. Таким образом, юридически глухие приравнивались к детям и людям, страдающим ментальными расстройствами. Традиционно в России существовала практика «призрения», согласно которой церковь опекала и глухих. В соборном уложении 1649 г. утверждалось право глухих наследовать имущество [Карпова, 2008, с. 134], что может свидетельствовать о двойном отношении к глухим.

Немногочисленные сведения об истории развития русского жестового языка можно найти в основном в книгах о сурдопедагогике. Однако поскольку сурдопедагогика исторически была ориентирована на освоение глухими и слабослышащими словесной речи, данные о функционировании жестового языка крайне редки и эпизодичны. Возникновение в России интереса к природе глухоты связано с общемировыми тенденциями. В XVIII в. несколько докладов в Российской Академии наук в той или иной мере были связаны с глухотой и каналами восприятия. Например, в 1742 г. профессором теоретической и экспериментальной физики Г. В. Крафтом был сделан доклад под названием «Могут ли цветы, известным, некоторым образом расположенные, произвести в

глазах глухого человека согласиём своим такое увеселение, какое мы чувствуем ушами из пропорционального расположения тонов в музыке». Приблизительно в то же время в журнале «Экономический магазин» были напечатаны переводные материалы о природе глухоты, ее степенях и лечебных средствах [Басова, Егоров, 1984, с. 113–115]. Важную роль сыграли идеи А. Н. Радищева, который в своем трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» рассуждает о методе обучения Л'Эпе, критически рассматривая необходимость применять для обучения жесты [Радищев, 1941].

Первым учебным заведением, где были предприняты попытки обучения глухих детей, стала частная школа, основанная тифлопедагогом Валентином Гайюи, которого пригласил в Россию Александр I. Данная школа просуществовала с 1806 по 1810 г., так как источником финансирования были пожертвования [Басова, Егоров, 1984, с. 120]. История возникновения другого училища, также открытого в 1806 г., связана с именем императрицы Марии Федоровны [Лаговский, 1914, с. 9]. В некоторых источниках в качестве одного из факторов, повлиявших на решение Марии Федоровны, приводятся данные о том, что Александр I, сын императрицы, с детства страдал тугоухостью [Карпова, 2008, с. 135]. Первым учителем стал прибывший из Польши профессор А. Сигизмунд, который применял для обучения как письменную и устную речь, так и жесты [Басова, Егоров, 1984, с. 120]. В первый год было принято 9 учеников. Впоследствии, в 1810 г., училище перевели в Санкт-Петербург, а в результате переписки Марии Федоровны с аббатом Сикаром, директором института глухих в Париже, был прислан его ученик Жан Батист Жоффре, возглавивший учебное заведение [Микиртичан, 2013, с. 118]. В 1817 г. в училище в качестве преподавателя французского языка был приглашен Виктор Иванович Флери, который в 1837 г. стал его директором и в настоящее время известен как основатель русской сурдопедагогики [Басова, Егоров, 1984, с. 120]. В своих работах В. И. Флери признавал жестовую речь как первоначальное средство обучения. В его книге «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе» [Флери,

1835] приводятся описания того, как нужно показывать различные жесты. Это первый словарь русского жестового языка, который сейчас представляет собой важнейший источник исторических данных не только о лексическом составе РЖЯ, но и о методах обучения глухих и слабослышащих, психолингвистических аспектах и специализированных учебных заведениях для глухих и слабослышащих того периода.

Признавая важность использования жестов, В. И. Флери подчеркивал, что главной задачей остается обучение глухих произношению и чтению с губ. Одним из первых он обратил внимание на то, что у некоторых воспитанников присутствует остаточный слух, и предложил создать специальное отделение для «полуглухих». В вышеназванной книге В. И. Флери, наряду с обширной теоретической частью, включающей в себя различные темы, связанные с глухотой, и частью с описаниями жестов, приводит статистические данные об учебных заведениях для глухих в Европе, Азии и Америке. В сводной таблице автор указывает такие сведения, как страна, город, год основания, имя директора, количество воспитанников, их гендерная принадлежность и т. д.

После смерти Жоффре его преемником на посту директора училища стал Г. А. Гурцов, который, во многом сходясь во взглядах с В. И. Флери, расходился с ним в одном принципиальном вопросе – использовании жестового языка в процессе обучения. В. И. Флери отводил жестам вспомогательную роль на начальных этапах обучения, Г. А. Гурцов же ратовал за использование «переводного метода». Данный метод основан на первоначальном овладении жестовым языком с последующей грамматикализацией за счет условных обозначений и переводом жестов в письменную речь [Басова, Егоров, 1984, с. 130]. В его книге «Энциклопедический курс методических и практических уроков, составленных из кратких назидательных фраз, приспособленных к мимическому языку, относящихся к человеку, житейским нуждам, познаниям и ко всем обязанностям в обществе» приводится, помимо прочего, дактильная азбука, наиболее приближенная к современному варианту. Использование дактильной азбуки в обучении глухих к тому времени было признанным методом. Первая же

русская дактильная азбука опубликована в книге В. И. Флери. Она представляет собой модифицированные французские дактилемы, заимствованные по принципу графического соответствия (рис. 3).

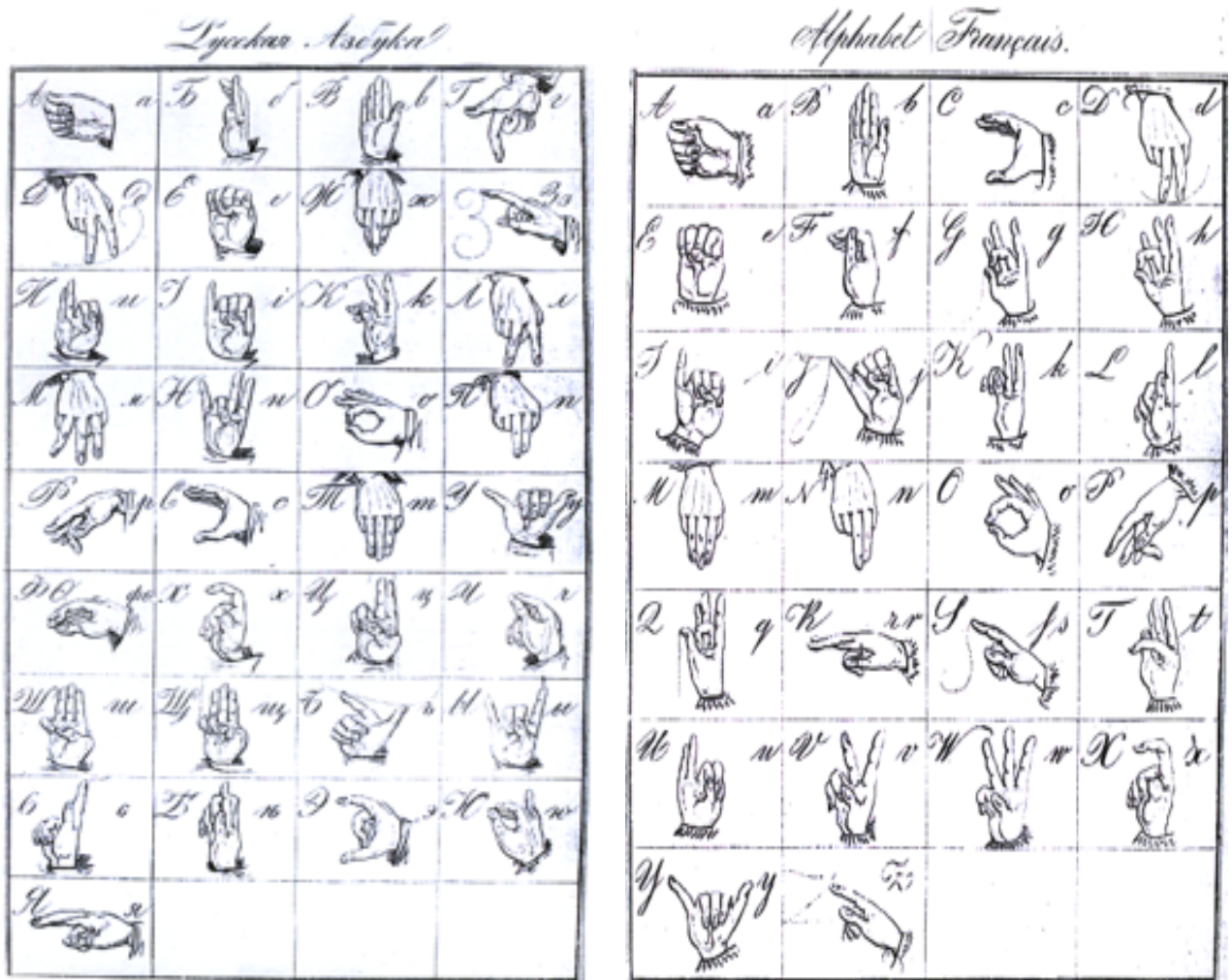

Рис. 3. Русский и французский дактильные алфавиты [Флери, 1835]

С середины XIX в. роль жестового языка в обучении глухих и слабослышащих становится менее важной, а с 80-х гг. происходит полная перестройка системы образования глухих и жестовый язык провозглашается табуированным практически во всех учебных заведениях. Исключением стало одно из первых московских училищ для глухих, основанное в 1860 г. Иваном Карловичем Арнольдом, глухим художником, выпускником Академии художеств. Вопреки господствовавшему методу он сохранял независимую позицию и принимал на работу глухих учителей [Карпова, 2008, 137]. Естественным

следствием стало то, что русский жестовый язык, который тайно использовали учащиеся и который был под запретом, практически не документировался и не становился объектом исследований. После 1860 г. стало появляться все больше специализированных училищ, к 1922 г. количество таких школ достигло 69, общая численность учеников составляла 2 214. В 1930 г. было введено обязательное начальное образование, и в результате активных действий специального отдела количество школ для глухих и слабослышащих к 1940 г. составило 264 [Басова, Егоров, 1984, с. 211, с. 246], а главным принципом стало сближение методов обучения глухих и слышащих. В 1938 г. состоялось Всероссийское совещание по вопросам обучения и воспитания глухих детей, в ходе которого высказывалась критика в адрес «устного» метода, и в результате было разрешено использование дактиля, но не жестового языка [Харламенков, 2016]. Однако само наличие специализированных учебных заведений создает благоприятные условия для формирования и развития жестовых языков, поскольку возможность коммуницировать позволяет глухим и слабослышащим естественным образом обучать друг друга.

Таким образом, история русского жестового языка неразрывно связана с историей глухих, наличием и количеством специализированных школ, методами преподавания и влиянием политических факторов. Длительный период, предшествующий возникновению интереса к РЖЯ со стороны лингвистов, характеризуется восприятием языка не как естественной и полноценной знаковой системы, а в качестве инструмента обучения в рамках сурдопедагогики.

1.4. Зарубежные традиции теоретической институализации жестовых языков: жестовые языки как объект лингвистического анализа

Становление лингвистики жестовых языков как научного направления связано с публикацией фундаментального исследования У. Стоке «Структура жестового языка: обзор систем визуальной коммуникации глухих американцев» [Stokoe, 1960]. Будучи преподавателем в Галлодетском колледже, У. Стоке обратил внимание на то, что жестовый язык, который используют его глухие студенты, представляет собой полноценную знаковую систему с уровневой организацией. Одним из наиболее значимых открытий, сделанных Стоке, стало то, что он выделил в жесте структурные единицы, примерно эквивалентные фонемам в звуковых языках. У. Стоке назвал эти единицы «хиремами» (от греческого *kheiros* – «рука», «кисть») и определил, что они подразделяются на три класса – форма руки, местоположение и движение. Позднее эти единицы стали называться параметрами жеста. После публикации данной работы интерес к лингвистике жестовых языков значительно вырос, и уже в 1965 г. вышел словарь американского жестового языка [Stokoe et al., 1965], а в 70-х гг. появились различные исследования исторических связей между жестовыми языками [Erting, Woodward, 1975; Woodward, 1978; Woodward, 1976], синтаксиса американского жестового языка [Chinchor, 1978; Ingram, 1978; Maxwell, 1983] и его морфологии [Dyer, 1976; Fischer, 1973; Supalla, Newport, 1978].

В данный период практически все работы по лингвистике жестовых языков начинались с кратких объяснений их природы, приводились данные о том, что различия между языками жестовыми и звуковыми обусловлены использованием разных каналов передачи информации, что не делает жестовые языки вторичными и неполноценными. Такие объяснения были необходимы, поскольку большинство людей продолжали придерживаться противоположного мнения [Liddell, 2003, p. 4–5]. В 1970 г. в Институте биологических исследований им. Солка в Сан-Диего была создана Лаборатория изучения языка и когнитивных функций (LLCS) под

руководством Урсулы Беллуги, в течение нескольких лет в этой лаборатории проводились исследования грамматики американского жестового языка [McBurney, 2012, p. 923]. В Калифорнийском университете также изучались различные аспекты функционирования американского жестового языка. На базе университета в 1988 г. была опубликована одна из фундаментальных работ по морфосинтаксису ЖЯ [Padden, 1983]. С 1971 по 1984 г. в Галлодетском колледже существовала Лаборатория лингвистических исследований под руководством У. Стоке, результатом работы которой стало ежеквартальное издание журнала, где публиковались работы, посвященные жестовым языкам.

Параллельно в различных странах Европы также возрастал интерес к жестовым языкам. Первой докторской диссертацией, связанной с лингвистикой жестовых языков, стало исследование жестов, которые использовали глухие дети в Нидерландах [Tervoort, 1953]. Первый международный симпозиум, посвященный изучению жестовых языков, состоялся в 1979 г. в Швеции, доклады были опубликованы в сборнике [Ahlgren, Bergman, 1980]. Из 20 представленных в сборнике работ 8 посвящены американскому жестовому языку, 5 – британскому, остальные – скандинавским. В большинстве статей не только содержались лингвистические данные, но и рассматривались вопросы методологии исследований жестовых языков. В Институте лингвистики Стокгольмского университета в 70-х гг. стали проводиться исследования шведского жестового языка. В течение нескольких лет появились работы по лингвистике датского жестового языка [Engberg-Pedersen, 1981; Sørensen, 1975], норвежского жестового языка [Vogt-Svendsen, 1983], финского жестового языка [Rissanen 1986]. С конца 70-х годов началось активное изучение британского жестового языка [Deuchar, 1978; Brennan, Colville, 1979; Brennan, Hayhurst, 1980], итальянского жестового языка [Radutzky, 1989; Volterra, 1987], швейцарского жестового языка [Maye et al, 1987]. В Германии на базе Гамбургского университета в 1987 г. создан институт жестовых языков [McBurney, 2012, p. 926], одним из значительных достижений стала разработка системы нотации HamNoSys, созданная на основе традиционной фонетической системы Стоке.

В странах Азиатско-Тихоокеанского региона активную работу по исследованию жестовых языков ведет Центр жестовых языков при Гонконгском университете, основанный в 2003 г. Однако первые работы по жестовым языкам региона были написаны гораздо раньше. В 1973 году Японской ассоциацией глухих выпущен четырехтомный словарь японского жестового языка, проводились исследования различных аспектов функционирования жестового языка [Nakamura, 1995; Takashi, Peng, 1976]. Китайский жестовый язык также стал предметом лингвистических исследований в конце 70-х гг. Ученые описывали такие аспекты, как лексику языка, глагольное согласование, фонологию [Pu, Miu, 1986; Yau, 1977; Wen, 1986]. В этот же период были предприняты первые попытки лингвистического описания индийского жестового языка [Vasishta et al., 1978].

С 80-х гг. наблюдается возрастание интереса к характерным особенностям жестовых языков, в частности использованию немануальных маркеров [Liddell, 1986; Stokoe, 1981; Valli, Lucas, 1995] и жестового пространства [Adamo et al., 1999; Engberg-Pederson, 1993; Emmorey, Casey, 1995]. В этот же период исследователи искали правильный подход к описанию жестовых языков. Поднимался вопрос о правомерности применения классических методов анализа. В литературе данного периода присутствуют работы, включающие рассуждения об уникальной природе ЖЯ и, как следствие, невозможности их лингвистического описания по аналогии со звуковыми языками [Cuxac, 1987; Karlsson, 1984]. Кроме того, продолжали публиковаться разного рода грамматические описания [Bellugi, Newkirk 1981; Green, 1984; Penn, Reagan, 1994; Sandler, 1986; Supalla, 1991; Zeshan, 1996]. Как следствие, к концу XX в. было накоплено относительно большое количество эмпирических данных, что позволило выявить ряд языковых универсалий [Aarons, Morgan, 2003; Crasborn, 2007; Perniss et al., 2015; Zeshan, 2004]. Данные универсалии делятся на присущие как звуковым, так и жестовым языкам и на те, которые характерны только для жестовых языков. Отмечается, что универсальное свойство всех человеческих языков – их уровневая организация, которая проявляется на всех языковых уровнях вне зависимости от канала передачи информации [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p., 145]. Кроме того, в

некоторых исследованиях анализируются средства увеличения лексикона ЖЯ, которые сопоставимы с аналогичными процессами, наблюдаемыми в звуковых языках. Данные средства включают в себя заимствования, деривационную морфологию и словосложение [Klima, Bellugi, 1979; Padden, 1998; Supalla, Newport, 1978].

Наличие универсалий, выявленных при анализе ЖЯ, объясняется использованием визуально-мануальной модальности, которая оказывает влияние на порождение и восприятие жестовой речи. Согласно исследованиям, данные универсалии включают в себя одновременность, иконичность и использование пространства [Meier, 2012]. Постулирование одновременности в качестве одного из основных свойств жеста встречается еще в ранних работах У. Стоке [Stokoe, 1960]. В более поздних публикациях одновременность анализируется в контексте более детального анализа способов кодирования информации с учетом визуально-мануальной природы ЖЯ [Miller, 1994; Pinsonneault, Lelièvre, 1994]. Так, описывается использование доминантной и недоминантной рук, когда доминантная рука рассматривается как более приоритетная для передачи первичной информации либо главной идеи [Miller, 1994; Engberg-Pedersen, 1994]. Иконичность жеста в ЖЯ может быть соотнесена с мотивированностью языкового знака в звуковых языках. Природа языкового знака в звуковых языках становилась предметом дискуссий с самых ранних этапов зарождения лингвистики. Положение о произвольности языкового знака было выдвинуто Ф. де Соссюром [Соссюр, 1999], позднее абсолютная произвольность языкового знака была подвергнута сомнению из-за наличия в языках иконических знаков [Якобсон, 1983]. Также в лингвистических работах анализировалась иконичность оноματοпоэтических слов, которые встречаются во всех звуковых языках [Скаличка, 1967; Горелов, 1987]. Более высокая степень иконичности жестов по сравнению со словами звуковых языков квалифицируется как универсальная характеристика, присущая ЖЯ, и объясняется ограниченными репрезентативными возможностями речевой модальности [Meier, 2012, p. 585]. В ряде исследований неродственных жестовых языков было выявлено наличие довольно большого

количества одинаковых жестов [Kyle, Woll, 1985; Padden, 2011]. Данный факт может служить еще одним доказательством того, что иконичность присуща всем жестовым языкам. Кроме того, некоторыми лингвистами отмечается тот факт, что иконичность пространственной модальности приводит к гомогенизации пространственной структуры [Aronoff et al., 2005; Talmy, 2003].

Модальность ЖЯ предопределяет использование так называемого жестового пространства, в котором артикуляторы (т.е. руки) производят жесты. В работах по лингвистике ЖЯ в качестве основного принципа использования жестового пространства приводится связь референта и локализации в пространстве [Klima, Bellugi, 1979; Liddell, 1990; Meir, 2002; Padden, 1990; Sandler, Lillo-Martin, 2006]. При производстве жестов, в которых необходимо указание на референт, направление движения в жестовом пространстве может варьироваться. Как отмечают исследователи жестового пространства, значимыми факторами являются контекст, перцептивная и концептуальная значимость референта и местоположение референта [Fauconnier, 1994; van Hoek, 1992; Liddell, 1995]. Примечательно, что «деревенские» жестовые языки зачастую отличаются от «городских» ЖЯ и демонстрируют иные закономерности [Zeshan, de Vos, 2012].

Техническое развитие и создание специализированных программ способствовали появлению баз данных и корпусов жестовых языков [Crasborn, 2010; Ebling et al. 2012; Johnston, 2008; Pedersen et al., 2009; Wähl et al., 2018]. Например, в рамках реализации проекта EASIER (Intelligent Automatic Sign Language Translation), целью которого является проектирование, разработка и проверка полной многоязычной системы машинного перевода, которая будет служить основой для безбарьерного общения между глухими и слышащими людьми, в 2021 г. опубликован список доступных корпусов европейских жестовых языков и лексических ресурсов (лексические базы данных и словари), а также их характеристики [Kopf et al., 2021]. В документе описаны 26 корпусов и 40 лексических ресурсов, а также 26 часто используемых практических способов сбора данных. Первым в мире проектом по созданию аннотированного корпуса австралийского жестового языка стал Auslan Corpus Project на материале

австралийского жестового языка [Johnston, 2008, 2010]. Рекомендации по созданию и аннотированию подобных корпусов в той или иной мере используются практически во всех схожих проектах.

Обобщая сказанное, можно заключить, что зарубежная традиция лингвистического изучения ЖЯ, зародившись лишь в 60-х гг. прошлого века, развивается быстро и успешно, что доказывает актуальность данного направления. Широко представлены работы, посвященные различным аспектам функционирования ЖЯ, проводятся обширные кросс-лингвистические исследования. Также в настоящее время наблюдается возрастание интереса к междисциплинарным исследованиям. Однако следует отметить наличие значительного дисбаланса в степени изученности разных жестовых языков в пользу американского жестового языка и европейских ЖЯ.

1.5. Исследование русского жестового языка как лингвистическое направление

Первые попытки описания грамматических аспектов функционирования русского жестового языка можно обнаружить еще в работе В. И. Флери «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе» [Флери, 1835], где автор приводит данные о выражении временных отношений и имплицитно выделяет немануальные маркеры как значимые компоненты жестов. Столетие спустя в книге «О развитии мимической речи» [Боскис, Морозова, 1939] утверждается, что жестовый язык обладает грамматикой. Исследованием, положившим начало лингвистическому изучению РЖЯ, стала диссертация Г. Л. Зайцевой на соискание степени кандидата педагогических наук «Выражение пространственных отношений в мимико-жестикуляторной речи глухих» (1969). В своей работе автор опровергла мнение о том, что жестовый язык примитивен, и аргументированно доказала, что он должен считаться полноценной знаковой системой, не уступающей звуковому языку. В книгах и статьях Г. Л. Зайцевой освещаются

вопросы грамматики, лексики и статуса русского жестового языка. Автор систематизирует данные о языке, выделяя две системы, которые функционируют параллельно – непосредственно русский жестовый язык («русская жестовая речь» – в терминологии Г. Л. Зайцевой) и калькирующую жестовую речь, которая представляет собой вторичную систему общения, так как дублирует грамматические конструкции русского звукового языка [Зайцева, 2000]. Кроме того, автор приводит данные о выражении аспектуальности, множественности и временных отношений в РЖЯ.

Существует несколько описаний грамматической структуры РЖЯ, которые, однако, нельзя назвать полными. Одно из них представляет собой краткий очерк [Давиденко, Комарова, 2006], второе – обзорную статью на английском языке [Grenoble, 1992]. В статье Л. Гренобль представлены данные о таких особенностях РЖЯ, как отсутствие грамматического рода, способах образования множественного числа, грамматические категории глагола, а также некоторые модели порядка слов. Следует отметить, что, по замечанию автора, в работе «поднято больше вопросов, чем дано ответов» [Там же, с. 332]. Кроме того, в статье упоминается наличие в РЖЯ как минимум двух диалектов – московского и Санкт-Петербургского [Там же, с. 324]. Еще одна англоязычная статья содержит информацию о словарях, диалектах и грамматике РЖЯ и тоже является скорее обзорной, поскольку в ней представлены обобщенные данные некоторых исследований [Kagirav et al., 2019].

Грамматические аспекты русского жестового языка освещаются в нескольких специализированных учебных пособиях. Одной из самых известных работ на русском языке, посвященных различным аспектам функционирования жестовых языков, является учебник «Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык», где, помимо общей теории лингвистики жестовых языков, рассматриваются и некоторые особенности РЖЯ [Буркова и др., 2019]. В учебнике приводятся исторические и социолингвистические данные, описание параметров жеста, морфологии, синтаксиса и дискурса в контексте функционирования ЖЯ. Коллективом авторов под руководством С.И. Бурковой

был создан аннотированный корпус РЖЯ (www.rsl.nstu.ru), который включает в себя 230 видеотекстов от 43 носителей. На материале данного корпуса проводятся различные исследования РЖЯ (например Батенева, 2020; Бородулина, 2012; Душкина, 2015; Задорожная, 2020; Копылова, 2016; Приставко, 2016;).

По лингвистике русского жестового языка были подготовлены четыре диссертации. Первая из них, «Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке» [Прозорова, 2009], посвящена описанию и анализу средств маркирования границ дискурсивных единиц в РЖЯ, которые представляют собой особые пограничные движения головой. Кроме того, автором было выделено два типа дискурсивных элементов жестовой речи – наиболее частотные элементарные дискурсивные единицы и супер-дискурсивные единицы, которые характеризуются просодической оформленностью и тематической связностью. В исследовании «Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands» [Kimmelman, 2014], выполненном на материале русского и нидерландского ЖЯ, исследуется информационная структура двух языков, оцениваются эффекты модальности и специфические аспекты, обусловленные данной модальностью. Автор приходит к выводу, что чаще всего в исследуемых языках наблюдается использование стратегий, схожих со стратегиями, применяемым в звуковых языках. В диссертационном исследовании «Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке» [Филимонова, 2015] описываются и анализируются средства выражения аспектуальной семантики в РЖЯ. Результат анализа показал, что, несмотря на наличие особенностей, обусловленных модальностью, способы выражения аспектуальности в РЖЯ обнаруживают типологическое сходство с аналогичными в звуковых языках. В диссертации «Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении» [Кюсева, 2018] автор проводит анализ семи признаков полей лексики РЖЯ и приходит к выводу, что лексика РЖЯ сопоставима с лексикой звуковых языков.

Вариативность русского жестового языка является одной из наименее разработанных областей в рамках общей лингвистики РЖЯ и описывается лишь в

нескольких работах. Д. Бикфордом было проведено исследование по сопоставлению базовой лексики ЖЯ стран Восточной Европы. Автор также приводит данные о количестве расхождений в рамках одной страны. Для России процент расхождений базовой лексики составил 24 % [Bickford, 2005, p. 29]. Сопоставление вариативности жестов московского и новосибирского вариантов РЖЯ было осуществлено на материале изданных словарей, онлайн-словаря <https://spreadthesign.com> и данных, полученных от носителей новосибирского варианта РЖЯ. В результате выявлено наличие наибольшего количества расхождений в тематических группах «Временной интервал», «Животные», «Профессии», «Названия стран и городов», «Родственные отношения» [Буркова, Варинова, 2006]. Авторы установили, что наиболее частотны расхождения по одному из параметров, а также обозначили значимость возрастного фактора в выборе варианта жеста. Также О.О. Корольковой было проведено исследование лексики русского жестового языка, в рамках которого определяется ее объем и приводятся описания вариативных жестов [Королькова, 2022]. Кроме того, в 2020 г. отделом инклюзивных программ музея «Гараж» инициировано создание лаборатории лингвистики русского жестового языка для исследования вариативности жестов и диалектов РЖЯ. В исследовании приняли участие 279 человек, большинство из которых были носителями РЖЯ. Полученные результаты доступны на сайте, что позволяет использовать данный эмпирический материал в исследованиях вариативности РЖЯ.

На материале русского жестового языка сформировано несколько корпусов и лексических баз данных:

- 1) словарь русского жестового языка RuSLED (Russian Sign Language Explanatory Dictionary). В словаре представлены жесты, используемые в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Частично представленные в словаре жесты совпадают с жестами, используемыми в Москве, но в целом расхождения достаточно велики, что дало повод назвать данную работу «Петербургский диалект». Видеоряд словаря составлен на основе видеокурса, изданного Межрегиональным центром реабилитации (МЦР), г. Павловск. Распространяется

на DVD;

2) материалы портала «Город Жестов» по изучению русского языка жестов. Ресурс ориентирован в основном на жителей Москвы и Московской области (<https://jestov.net/help/about/>);

3) видеословарь православной лексики русского жестового языка. Для составления словаря были использованы данные 9 регионов (Москва, Санкт-Петербург, Красноярский край, Нижегородская, Томская, Свердловская, Кировская, Новосибирская и Иркутская области), создатели словаря подчеркивают вариативность лексики разных регионов;

4) аннотированный корпус видеотекстов (Новосибирский государственный технологический университет);

5) видеофрагменты с лексикой русского жестового языка (московский вариант) на сайте <https://spreadthesign.com>, где собраны варианты жестов разных жестовых языков всего мира;

6) онлайн-словарь (<http://surdoserver.ru>), видеоматериалы для которого предоставлены сообществом сурдопереводчиков «Сурдоцентр» (московский вариант русского жестового языка);

7) база данных лексической вариативности русского жестового языка лаборатории лингвистики РЖЯ музея «Гараж» (<https://rsl-research-explore.garagemca.org>);

8) электронный словарь «Электронная обучающая система (ЭОС) «Русский жестовый язык» в CD-формате.

Помимо онлайн-словарей, существует ряд изданных словарей русского жестового языка. Самым репрезентативным по количеству описываемых жестов является пятитомный словарь 1975 года «Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика», составленный И. Ф. Гейльманом [Гейльман, 1975]. Также в 2001 году в Москве вышел в свет словарь М. Н. Фрадкиной «Тематический словарь «Говорящие руки» (20 тем – 1480 слов) [Фрадкина, 2001]. В данном словаре представлены варианты жестов, однако отсутствуют комментарии о контексте использования конкретных жестов. В словаре

В. З. Базоева, Г. Н. Гавриловой, И. А. Егоровой, В. В. Ежовой, Т. П. Давыденко, Н. А. Чаушьян «Словарь русского жестового языка» 2009 года представлено 497 слов [Базоев и др., 2009]. В Донецке в 2004 году была издана «Книга жестов для неслышающих людей» Р. Г. Марининой [Маринина, 2004]. Самым новым на данный момент словарем является словарь 2021 г. Д. Драги «Русский жестовый язык с дополненной реальностью» [Драга, 2021]. Книга содержит 3 500 жестов, каждый из которых снабжен QR-кодом. Жест воспроизводится в видеоформате в специальном приложении. Помимо вышеперечисленных словарей существует также словарь В. И. Флери [Флери, 1835], который представляет интерес главным образом в качестве объекта для сравнительно-исторических исследований русского жестового языка. В более старых жестовых словарях зафиксированы в основном жесты, общие для калькирующей жестовой речи и русского жестового языка, а также жесты, принадлежащие только калькирующей жестовой речи. Более того, некоторые жесты уже утратили свою актуальность, выйдя из активного употребления.

Таким образом, несмотря на то, что в России существуют центры лингвистического изучения РЖЯ, до сих пор отсутствует полное описание системных отношений в русском жестовом языке, недостаточно исследована региональная вариативность как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Фрагментарность имеющихся на данный момент сведений затрудняет составление целостного лингвистического описания грамматической структуры. Несмотря на это наблюдается значительное возрастание интереса к РЖЯ, созданы онлайн-словари и аннотированный корпус, проводятся исследования различных лингвистических аспектов функционирования языка.

1.6. Понятие жеста в современной лингвистической теории и его компоненты

В лингвистике жестовых языков жесты дифференцируются на мануальные (исполняемые руками), немануальные (выражение лица, артикуляция, движение

частей тела) и комбинированные [Meier, 2012, p. 579]. Отмечается, что немануальные жесты в чистом виде встречаются редко, наиболее частотный тип жестов – мануальные. В свою очередь мануальные жесты разделяются на одноручные и двуручные. Например, жест ПОНЕДЕЛЬНИК – одноручный, ПОЛНЫЙ – двуручный, рис. 4. Двуручные жесты могут выполняться синхронно, в обратном случае одна рука является доминантной, а вторая – недоминантной (пассивной). Важным открытием стало то, что недоминантная рука всегда в определенной степени подчинена другим структурным элементам на фонологическом уровне [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 182].

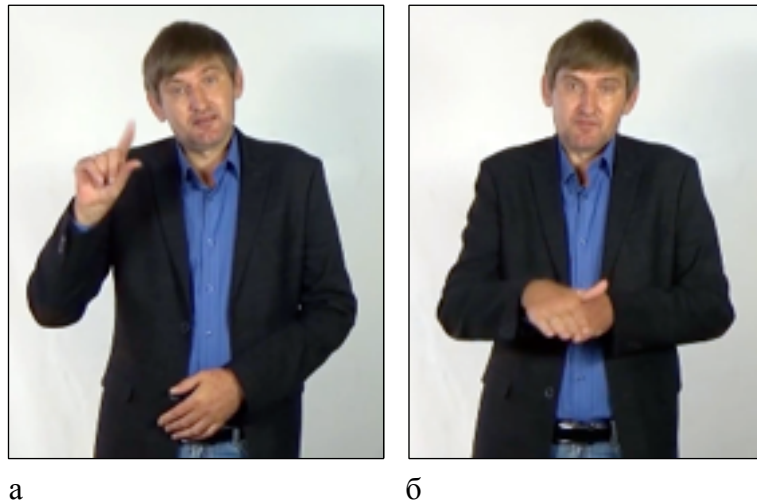

Рис. 4¹. РЖЯ: ПОНЕДЕЛЬНИК (а); ПОЛНЫЙ (б)

Жест считался неделимой единицей до того времени, пока У. Стоке по аналогии со звуковыми языками, как уже упоминалось, не выделил три главных параметра, из которых состоит жест, – конфигурация, локализация и движение [Stokoe, 1960]. Автор рассматривает жест как набор минимальных единиц языка, которые в совокупности могут образовывать значимые элементы. Данная модель жеста получила широкое распространение. В рамках модели выделяется фонологический уровень ЖЯ и доказывается наличие двойственности паттернов, присущей всем человеческим языкам [Meir et al., 2007]. Позднее исследователи выделили такие параметры, как ориентация [Battison, 1978] и немануальные

¹ Здесь и далее используется авторский материал (если не указано обратное).

маркеры [Sutton-Spence, Woll, 2007].

В период зарождения лингвистики жестовых языков исследователи подчеркивали, что уникальность ЖЯ состоит в том, что жест непоследователен. В более поздних работах тот факт, что одновременность является главной характеристикой жеста, был пересмотрен. С. Лиделл и Р. Джонсон [Liddel, Jonson, 1989] в модели жеста «Move-Hold Model» отказались от двух фундаментальных положений, обозначенных У. Стоке – трех параметров жеста и принципа одновременности. Несмотря на наличие параметров, которые, несомненно, реализуются одновременно, неоспоримо также и присутствие последовательной структуры в параметре «движение». Данный факт привел к идее о том, что основным организующим принципом жеста является наличие сегментов «движение» (Movement) и «удержание» (Hold). Если рука или руки производят движение, то данный сегмент обозначается как М (Movement), в то время как рука, которая не участвует в продуцировании жеста, является сегментом удержания Н (Hold). Важно отметить, что данная модель рассматривает форму руки, движение, местоположение и ориентацию как набор признаков, определяющих сегмент. Еще одна модель получила название Hand Tier Model и была разработана В. Сэндлер [Sandler, 1989]. Hand Tier Model представляет собой синтез первых двух моделей и охватывает как последовательные, так и одновременные аспекты жеста. Несмотря на то, что центральное место продолжают занимать последовательные сегменты, одновременность также признается основополагающим свойством жеста. Наряду с Hand Tier Model просодическая модель Д. Brentari [Brentari, 1998] также объединяет последовательный и одновременный характер жеста. Просодическая модель предполагает наличие имманентных (inherent) и просодических (prosodic) элементов, разница между которыми заключается в их роли в базовой структуре жеста.

Следует отметить, что в рамках настоящей работы для описания и сопоставления жестов используются такие параметры, как конфигурация, локализация, ориентация и характер движения. Данный выбор обусловлен

спецификой эмпирического материала и поставленными задачами. Кроме того, сопоставление указанных параметров для выявления вариативности является классическим методом и используется большим количеством исследователей [Aldersson, McEntee-Atalianis, 2009; Currie et al., 2002; Johnston, 2003; Lucas et al., 2001; McKee, Kennedy, 2000; McKee et al., 2002; Padden et al., 2011 и т.д., Schembri et al., 2009; Woodward, 1978].

В лингвистических работах, посвященных параметрам жеста, отмечается, что конфигурация представляет собой наиболее сложный параметр, поскольку артикуляционный диапазон использования рук очень широк [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 144]. Конфигурация рассматривается в контексте расположения кисти руки и пальцев в одноручных жестах и их взаиморасположения в жестах двухручных. Для описания конфигурации широко используются соответствующие дактилемы дактильных алфавитов, однако отмечается, что для РЖЯ отсутствует единая терминологическая база [Королькова, 2020, с. 67]. Как и другие параметры жеста, конфигурация может быть проиллюстрирована жестами, отличающимися только данным параметром. Например, в жестах ВКУСНЫЙ и ЖЕНЩИНА место, ориентация и движение совпадают, но в жесте ВКУСНЫЙ используется конфигурация «1» (то есть форма руки, которая соответствует жесту ОДИН), а в ЖЕНЩИНА – конфигурация «В» (рис. 5).

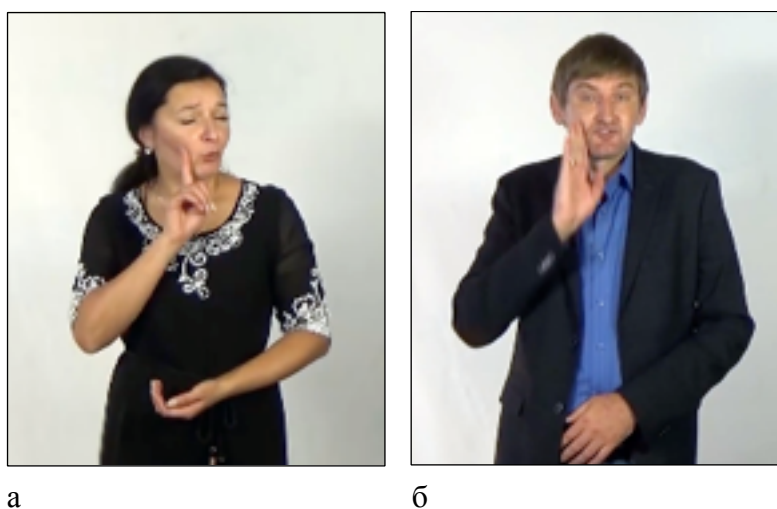

Рис. 5. РЖЯ: ВКУСНЫЙ (а); ЖЕНЩИНА (б)

В настоящее время конфигурацию определяют как совокупность дифференциальных признаков. Конфигурация характеризуется наличием таких признаков, как выбор пальцев (finger selection) и позиция пальцев (finger position) [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 145]. Выбор пальцев зависит от реализации конкретного жеста, в зависимости от того, как именно показывается жест, пальцы могут быть выбранными (selected) и невыбранными (unselected). Невыбранные пальцы не меняют своего положения, выбранные – изменяют [Буркова и др., 2019, с. 123]. Например, на рис. 6 показаны формы кисти руки, где выбраны все пальцы.

Позиция пальцев представляет собой конфигурацию суставов кисти руки. Для описания позиции пальцев суставы разделяют на базовые и небазовые (рис. 7). Лингвистом Д. Brentari были выделены следующие позиции пальцев:

- 1) полностью открытая: палец полностью выпрямлен;
 - 2) изогнутая (закрытая): согнуты только небазовые суставы;
 - 3) плоско-открытая: базовые суставы согнуты меньше, чем на 90 градусов;
 - 4) плоско-закрытая: базовые суставы согнуты на 90 градусов;
 - 5) согнутая открытая: базовые и небазовые суставы согнуты без контакта пальцев;
 - 6) согнутая закрытая: базовые и небазовые суставы согнуты с контактом;
 - 7) полностью закрытая: базовые и небазовые суставы полностью согнуты
- [Brentari, 1998, 2011, цит. По: Буркова и др., 2019, с. 124].

Рис. 6. Формы кисти руки
[Sandler, Lillo-Martin, 2006, с. 153]

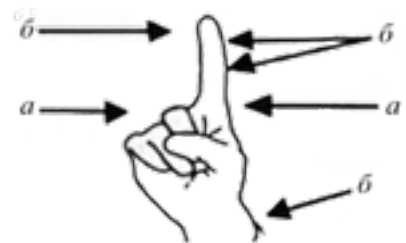

Рис. 7. Суставы кисти руки: базовые (а), небазовые (б) [Буркова и др., 2019, с. 124]

В то время как выбранные пальцы занимают одну из перечисленных позиций, невыбранные могут находиться только в полностью открытой либо полностью закрытой позиции. Следует отметить, что исполнение некоторых жестов предполагает изменение конфигурации. Также конфигурации классифицируются на маркированные и не маркированные по признаку простоты исполнения. Отмечается, что не маркированные конфигурации являются базовыми и они наиболее частотны, а маркированные более сложны в исполнении. В качестве примеров маркированных конфигураций в РЖЯ можно привести «Б», «Ы», «Я», «У», «Н», «И» [Буркова и др., 2019, с. 129].

Некоторые лингвисты придерживаются мнения, что месторасположение жеста может быть соотнесено с месторасположением нелингвистических жестов [Johnston, 1991; Liddell, 1995], однако подобная взаимосвязь является предметом споров [Supalla, 1982; Singleton et al., 1995]. Локализация жеста характеризуется двумя параметрами – местом исполнения и сеттингом, которые соотносятся как общее (например, жесты, исполняемые в районе головы, груди или в нейтральном жестовом пространстве без привязки к части корпуса) и частное (лоб, подбородок, нос в случае, если местом исполнения является голова) [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 175]. Например, в жесте СЛУХОВОЙ.АППАРАТ локализация – голова, сеттинг – ухо (рис. 8). Локализацию связывают с жестовым пространством, которое естественным образом (за редким исключением) ограничивается по критерию доступности и комфорта для локуторов. Таким образом, лицо и верхняя часть туловища являются центром жестового пространства. Также было замечено, что со временем место артикуляции жестов имеет тенденцию смещаться к центру жестового пространства [Frishberg, 1975; Radutzky, 1989]

Рис. 8. РЖЯ: СЛУХОВОЙ.АППАРАТ

В теоретических работах авторы определяют ориентацию как положение кистей рук по отношению к говорящему и друг к другу. Существует два основных подхода к описанию ориентации, в рамках первого подхода ориентация – один из параметров жеста [Battison, 1978], согласно второму подходу ориентация рассматривается как подкатегория конфигурации [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 156]. В качестве обоснования второго подхода приводится тот факт, что количество минимальных пар в рамках ориентации ограничено [Brentari, 2012]. В настоящей работе ориентация рассматривается как отдельный параметр жеста, поскольку в РЖЯ присутствуют минимальные пары жестов, которые отличаются только ориентацией. Примеры подобных жестов представлены на рис. 9.

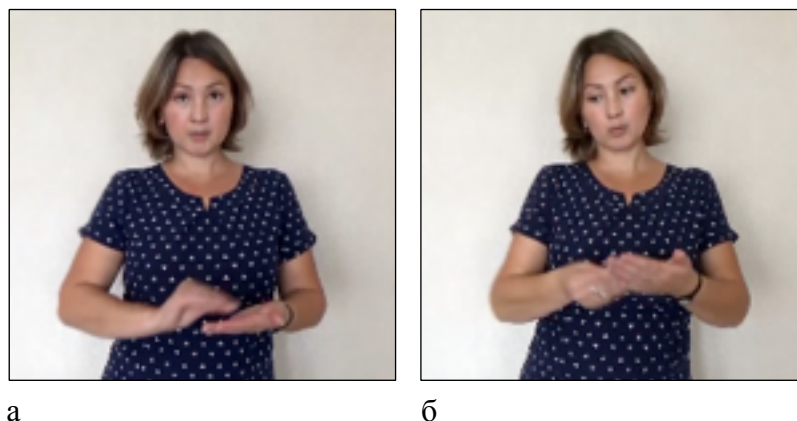

Рис. 9. РЖЯ: ПИСАТЬ (а); РИСОВАТЬ (б)

Движение описывается в качестве наиболее визуально значимого параметра жеста [Brentari, 2019, p. 64]. В лингвистических работах, посвященных

параметрам жеста, данный параметр дифференцируется на две основные категории – первичные и вторичные движения [Johnston, 1989]. В свою очередь первичные делят на траекторные (path) и внутренние (internal), а внутренние – на движение, связанное с изменением конфигурации, и движение, предполагающее смену ориентации кисти [Sandler, Lillo-Martin, 2006, p. 197]. Траекторное движение представляет собой перемещение руки из одной точки пространства в другую. В теоретических работах выделяются признаки, которыми обладает данный параметр: направление и характер движения. Направление может быть вертикальным, горизонтальным и саггитальным; характер движения – по прямой, дугообразный, зигзагообразный, резкий, плавный и т.д. [Буркова и др., 2019, с. 134]. Вторичные движения относятся к быстро повторяющимся локальным движениям, которые могут выполняться во время движения по траектории или когда рука неподвижна. В настоящее время распространено мнение о том, что движение представляет собой «слоговое ядро» (syllable nuclei) жеста. Одним из аргументов в пользу данной теории является тот факт, что жесты кажутся «громче», если они крупнее [Brentari, 2019, p. 64]. В качестве иллюстрации минимальной пары в РЖЯ по параметру «движение» можно привести жесты АВАРИЯ и КОФЕ (рис. 10).

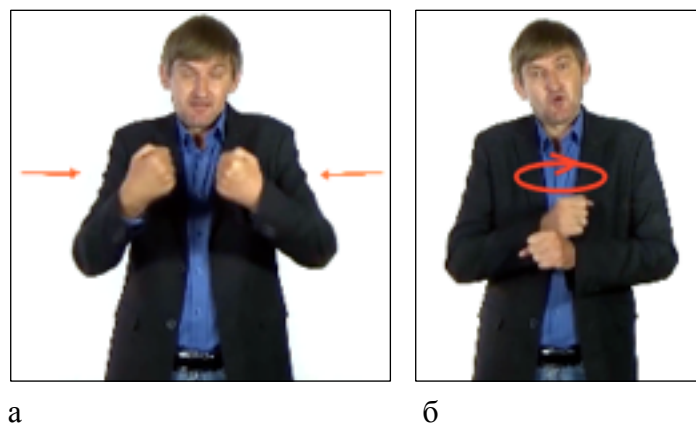

Рис. 10. РЖЯ: АВАРИЯ (а); КОФЕ (б)

Наряду с указанными выше параметрами также выделяются немануальные маркеры, которые представляют собой лингвистически значимые элементы,

выражаемые любым артикулятором, кроме рук [Pfau, Quer, 2007]. Немануальные маркеры могут представлять собой движения корпусом, головой, лицом и артикуляцию. Следует разграничивать значимые немануальные компоненты от произвольных, поскольку лишь первые несут смысловозначительную функцию. Отмечается, что несмотря на то, что немануальные компоненты не столь частотны, они играют важную роль на супrasegmentном уровне и сравниваются с интонацией в звуковых языках [Nespor, Sandler, 1999; Sandler, Lillo-Martin, 2006; Wilbur, 1991]. Эти маркеры также играют роль в морфологии и синтаксисе [Liddell, 2003; Neidle et al., 2000; Zeshan, 2004]. Кроме того, немануальный компонент может быть одной из обязательных составляющих жеста, что делает подобные жесты комбинированными. В качестве примера в РЖЯ можно привести жест ДРАЗНИТЬ, при исполнении которого глаза должны быть прищурены [Буркова и др., 2019, с. 138].

Таким образом, изучение природы жеста привело к созданию ряда моделей, которые описывают жест с учетом наличия в его структуре последовательных элементов в совокупности с присущей ему одновременностью. Традиционная модель, предполагающая описание параметров жеста, остается востребованной и широко применяется в различных исследованиях, связанных с изучением региональной вариативности и установлением языкового родства.

1.7. Особенности жестовых языков в контексте описания вариативности

Вариативность является фундаментальным свойством языковой системы. Еще Ф. де Соссюр в числе ряда свойств знака указывает на его стремление к изменчивости. Изучение вариативности имеет длительную историю, которая включает в себя как изучение вариативности на разных уровнях языковой системы [Блумфилд, 2009; Бухаров, 1995; Вербицкая, 1976; Ельмслев, 1960; Зубкова, 2006; Торсуев, 1977; Трубецкой, 1960; Якобсон, 1960; Gimson, 1964], так и влияние на вариативность социальных и территориальных факторов

[Жирмунский, 1936; Сепир, 1993; Щерба, 1974; Fishman, 1971; Gumpers, 1971; Hymes, 1977; Labov, 1979]. Жестовым языкам как естественным знаковым системам также присуща вариативность. Методологический инструментарий и способы описания вариативности звуковых языков зависят от подхода и могут быть применены к жестовым языкам, начиная от идей Э. Сепира [Sapir, 1930] о воздействии среды на язык и Л. В. Щербы [Щерба, 1974] о дифференциации языкового материала в зависимости от социальной дифференциации общества, заканчивая методами корпусной лингвистики. Лингвистическое исследование вариативности, в отличие от социолингвистического, не учитывает экстралингвистические факторы.

Одна из распространенных моделей описания вариативности звуковых языков предполагает наличие инварианта и варианта, в которой варианты представляют собой конкретные реализации инвариантов. Согласно данной модели, звуковые реализации фонемы являются вариантами, а сама фонема – инвариантом [Солнцев, 1971]. Данная модель изначально применялась для изучения фонетической вариативности, а позднее стала использоваться для описания вариативности других структурных единиц. Еще одна модель лингвистической вариативности основана на выделении двух зон – констативных признаков и вариантных признаков языковой единицы. Констативные признаки реализуются полностью, вариантные – частично [Виноградов, 1947].

В социолингвистических работах по вариативности описание и исследование вариантов осуществляется сквозь призму внешних факторов. В рамках направления выделяют макросоциолингвистику (изучение языковых контактов и языковой ситуации в группе/регионе/стране, языковое планирование и т.д.) и микросоциолингвистику (изучение отношения к языку, выбор языковых средств в разных контекстах и т.д.) [Беликов, Крысин, 2001, с. 177–178]. Методы социолингвистического исследования зависят от объекта и целей и в равной степени применимы к жестовым языкам. Однако на ЖЯ оказывают влияние особые условия их формирования, развития и функционирования. Специфической особенностью жестовых языков является то, что все носители ЖЯ – билингвы,

которые живут в обществе, где доминируют звуковые языки. Влияние звукового языка прослеживается во всех жестовых языках и затрагивает разные уровни языковой системы. Например, использование дактиля, коррелирующего с алфавитом релевантного звукового языка, привело к появлению жестов, которые представляют собой редуцированный вариант дактилируемого слова. Так, в РЖЯ названия месяцев показываются соответствующими первым буквам слов дактилемами (рис. 11).

Рис. 11. РЖЯ: АВГУСТ (а); СЕНТЯБРЬ (б)

Кроме того, около 95 % глухих и слабослышащих детей рождаются в семьях слышащих [Moore, p. 76]. В подобных семьях часто появляются так называемые домашние жесты, особенно в ситуациях отсутствия контактов с другими глухими [Senghas, Monaghan, 2002; Frishberg, 1987]. Данные жесты обычно не учитываются в исследованиях лексической вариативности, хотя и представляют значительный интерес для лингвистов. «Домашние жесты», как правило, используются небольшой группой людей и не получают широкого распространения. В случае, если контакты нескольких глухих носят спорадический характер, могут появиться «коллективные домашние жесты» [Zeshan, 2011, p. 228]. Рассматриваемые социолингвистикой факторы, влияющие на выбор варианта из ряда представленных в лингвистике жестовых языков, обычно связаны со школами [Deuchar, 1984; Leeson, Grehan, 2004; Lucas et al., 2001; McKee, McKee, 2011; Schermer, 2004; Sutton-Spence, Woll, 1999; Quinn, 2010; Stamp, 2013; Vanhecke, Weerdt, 2004], поскольку именно в школах глухие и

слабослышащие дети попадают в сообщество, где для коммуникации используется ЖЯ. Д. Brentari были выделены специфические факторы, которые оказывают влияние на жестовые языки [Brentari, 2010]. Данные факторы можно разделить на две группы – внутренние и внешние. Внутренние факторы включают в себя:

1) численность (насколько велико сообщество глухих по сравнению с сообществом звукового языка);

2) близость (легко ли членам сообщества глухих поддерживать контакт друг с другом);

3) сплоченность (существует ли инфраструктура для глухих, например, ассоциации, спортивные клубы, художественные традиции или религиозные организации, и есть ли консенсус среди членов сообщества глухих по важным вопросам, касающимся жестового языка и обучения);

4) самосознание (насколько глухие люди считают себя отдельной группой);

5) продолжительность (как долго сообщество осознает себя как группу) [Там же, с. 5–6].

Внешние факторы также чрезвычайно значимы и включают в себя следующие:

1) экономическая ситуация (общее состояние экономики в стране);

2) монокультурная/мультикультурная среда (является окружающее сообщество однородным или неоднородным с точки зрения культуры и этнической принадлежности);

3) образование (механизмы обучения глухих детей и соответствующая образовательная политика);

4) государственная политика по отношению к ЖЯ (признан ли жестовый язык и в какой степени);

5) доступность технологий (доступны ли такие технологии, как Интернет и видеосвязь на таком уровне, чтобы обеспечить беспрепятственное общение в киберпространстве);

6) уровень медицинской поддержки (степень влияния медицинского

сообщества в вопросах, связанных с глухотой);

7) наличие переводчиков (является ли устный перевод жизнеспособной профессией, есть ли бесплатные переводчики и т.д.) [Там же, с. 5–6].

Кроме того, необходимо учитывать взаимовлияние жестовых языков. В последнее время в связи с развитием технологий, в частности, с появлением видеосвязи, глухие и слабослышащие имеют больше возможностей для коммуникации. Так, в опросе 1980 г., который был проведен в сообществе глухих Бристоля, 40 % респондентов отметили, что они никогда не встречали глухого человека, который живет на расстоянии более 125 миль [Kyle, Allsop, 1982].

Таким образом, вариативность, присущая звуковым языкам, в той же степени присуща и жестовым языкам. Изучение вариативности ЖЯ сопряжено с рядом факторов, которые следует учитывать: функционирование жестовых языков в доминирующей звуковой среде, наличие «домашних жестов», самоидентификация сообщества глухих и его численность, возможность беспрепятственного общения, политический и экономический контексты, взаимовлияние ЖЯ. Методология исследований вариативности зависит от подхода, в русле которого они проводятся.

1.8. Исследования вариативности в жестовых языках разных культурно-языковых ареалов

Вариативность попала в фокус внимания исследователей на ранних стадиях развития лингвистики жестовых языков. Уже в первом словаре, который был создан для американского жестового языка, содержится раздел о вариантах жестов [Stokoe et al., 1965]. Как и в языках звуковых, вариативность в жестовых языках может проявляться на всех структурных уровнях. Описание вариативности в жестовых языках может быть лингвистическим (например, вариативность, обусловленная фонологическими процессами) и социо-лингвистическим (вариативность связана с такими факторами, как возраст, гендер, регион и т.д.).

Первые исследования вариативности были тесно связаны с установлением исторических связей и выделением семей жестовых языков, для чего

использовался лексико-статистический анализ. В рамках данного анализа предполагается сопоставление параметров жестов, в результате чего выявляется степень родства сопоставляемых языков. В одном из первых исследований сравнивалась лексика американского и французского жестовых языков [Woodward, 1978]. Для сопоставления автор трансформировал стандартный список базовой лексики М. Сводеша [Сводеш, 1960], убрав некоторые слова, обладающие высокой степенью иконичности, что соотносится с исследованиями периферийной и ядерной лексики жестовых языков [Brennan, 1990; Johnston, Schrembri, 2007]. Периферийные жесты характеризуются высокой степенью иконичности и настолько изобразительны, что их значение можно угадывать. Одним из свойств периферийной лексики является ее изменчивость, что не позволяет данным жестам быть корректными объектами сопоставительных исследований. Кроме того, жесты с высокой степенью иконичности зачастую совпадают в разных жестовых языках и могут исказить результаты.

В более поздних сопоставительных исследованиях [Currie et al., 2002; McKee, Kennedy, 2000; McKee et al., 2002;] также использовался модифицированный список базовой лексики и были уточнены некоторые методологические принципы. Сопоставлению подвергались такие параметры, как конфигурация, локализация, движение и ориентация. Совпадение всех параметров интерпретировалось как полное, трех любых параметров из четырех рассматривалось как частичное. Несмотря на то что лексико-статистический анализ жестовых языков подвергается критике [Zeshan, 2000b; Meir, Sandler, 2008], метод остается актуальным и исследования в данной области продолжаются и в XXI в. [Aldersson, McEntee-Atalianis, 2009; Johnston, 2003; Padden et al., 2011]. Наряду с сопоставительным анализом национальных жестовых языков сопоставительный метод применяется и в работах, посвященных региональному варьированию жестового языка в рамках одной страны. Такие исследования проводились на материале жестовых языков Восточной Европы [Bickford, 2005], Филиппин [Hurlbut, 2008], Гватемалы [Parks, Parks, 2008], Испании [Parkhurst, Parkhurst, 2001], Индонезии [Isma, 2012], Перу [Parks, Parks,

2010] и т.д.

В 2001 г. появилась знаковая работа, посвященная американскому жестовому языку [Lucas et al., 2001], которая была выполнена в русле вариационной социолингвистики и ознаменовала начало новой стадии в изучении вариативности ЖЯ. В книге были обобщены результаты семилетнего проекта (с 1994 по 2000 г.), целью которого являлось выявление основных типов вариативности и факторов, влияющих на нее. В проекте приняли участи 207 носителей ASL из семи городов США. Участники были набраны в трех разных возрастных группах: 15–25, 26–54 и 55 лет и старше. Разделение участников на данные возрастные группы было мотивировано развитием языковой политики в сфере образования глухих. Выборка включала представителей разных этнических групп, как рабочего, так и среднего класса, мужчин и женщин. Сбор данных представлял собой беседу и интервью, после которых респондентам показывались карточки с картинками для выявления релевантных жестов. В 2008 г. началась работа над проектом BSL Corpus – это первое крупномасштабное социолингвистическое исследование британского жестового языка. Целью проекта стало создание корпуса данных, в котором представлены видеозаписи бесед с 211 носителями из семи городов Великобритании [Schembri et al., 2009]. Схожие исследования вариативности также были проведены на материале австралийского и новозеландского ЖЯ (NZSL) [Schembri, Johnston, 2007; Schembri et al., 2009; McKee et al., 2011]. Как правило, практически во всех работах дифференцируются фонологическая и лексическая вариативность жеста [Fenlon et al., 2013; Geraci et al., 2011; Lucas et al., 2001; McKee et al., 2011; Schembri et al., 2009; Schembri, Johnston, 2007; Schembri et al., 2009]. Более подробное описание лексической и фонологической вариативности и условия, обуславливающие наличие вариантов и их выбор, приводятся ниже.

1.8.1. Фонологическая вариативность

Жест варьируется фонологически, если один из параметров сопоставляемых

вариантов отличается. Анализ вариативности в разных ЖЯ позволил выявить, что фонологическая вариативность может зависеть как от лингвистических, так и от экстралингвистических факторов. В качестве примера влияния лингвистических факторов можно привести исследование симметричных жестов в британском жестовом языке и случаи, когда они показывались одной рукой. Было выявлено, что такая реализация жеста более частотна в немаркированных жестах. Также описывалась фонологическая ассимиляция и условия ее реализации [Liddell, Johnson, 1989].

На материале ASL были исследованы такие фонологические единицы, как конфигурация «1» и локализация [Lucas et al., 2001]. В данной работе авторы определили наиболее значимые факторы, которые оказывают влияние на выбор варианта. Объектом анализа стал жест ГЛУХОЙ, который в ASL показывается тремя способами: путем перемещения указательного пальца от уха к подбородку, от подбородка к уху, прикосновением к нижней части щеки (рис. 12).

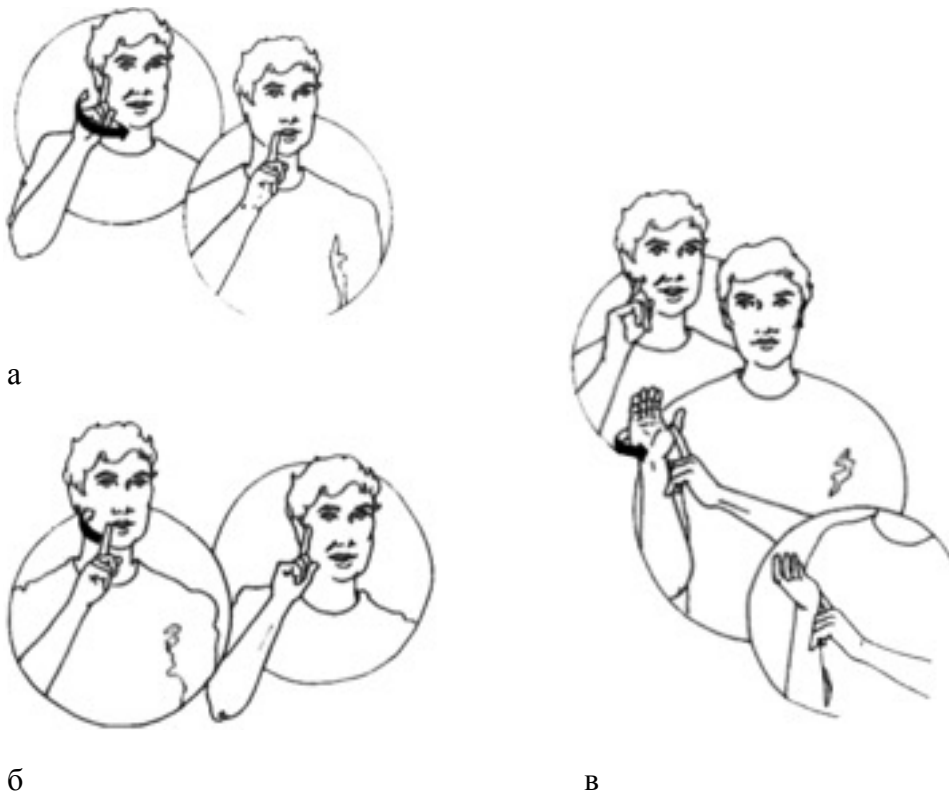

Рис. 12. Три способа показать ГЛУХОЙ в ASL [Lucas et al., 2001, p. 113]

При анализе учитывались социальные факторы, грамматическая категория, жанр и локализация предыдущего сегмента. В результате выяснилось, что фонологическая вариативность в ASL, как и в звуковых языках, носит систематический характер. Главными факторами, влияющими на выбор варианта, оказались грамматическая категория, к которой относится жест, и региональная принадлежность носителя [Там же, с. 141]. Аналогичные исследования конфигурации «1» были проведены на материале британского жестового языка [Fenlon et al., 2013]. Анализ показал, что вариативность в языке зависит от таких лингвистических факторов, как конфигурация предыдущего и следующего жестов в предложении и грамматическая категория. Из ряда анализируемых экстралингвистических факторов наиболее значимым оказался один социальный фактор – регион проживания информанта (носители BSL из Бристоля чаще использовали вариации с конфигурацией «1» по сравнению с носителями из Лондона и Бирмингема).

В рамках проекта по исследованию новозеландского жестового языка и австралийского жестового языка (Auslan) [Schembri et al., 2009] также анализировалось изменение параметра «локализация» в жестах, которые, по аналогии с жестом ГЛУХОЙ в ASL, могут быть показаны несколькими способами. Результаты исследования показали, что, как и в ASL, различия в использовании параметра местоположения отражают как лингвистические, так и социальные факторы. В ASL и Auslan важным социальным фактором наряду с регионом оказался возраст носителей, в отличие от NZSL, в котором возрастной фактор не является существенным.

В исследовании китайского жестового языка были выявлены фонологические различия, обусловленные местом проживания информантов. Однако существенным оказался не регион, а тип населенного пункта. Выявлено, что в сельской местности носители китайского жестового языка демонстрируют тенденцию к большей ассимиляции конфигураций недоминантной руки в симметричных двуручных знаках, а также более частое использование двуручных жестов [Jun Hui Yang, 2008, p. 300].

Исследование фонологической вариативности итальянского жестового языка (LIS) было посвящено трем процессам: нейтрализация контактной функции (жест, который предполагает контакт руки с лицом или телом, меняется на бесконтактный), нейтрализация нейтрального пространства (смещение жеста в сторону нейтрального пространства), ассимиляция формы руки (ассимиляция конфигурации пассивной руки с конфигурацией доминантной руки в двуручных жестах либо частичная/полная ассимиляция конфигурации двух компонентов составного жеста). Анализ результатов показал, что наиболее значимые социальные факторы, оказывающие влияние на выбор фонологического варианта – гендерная принадлежность и возраст носителей языка [Geraci et al., 2011].

1.8.2. Лексическая вариативность

Лексическая вариативность широко представлена в жестовых языках. При анализе лексической вариативности в звуковых языках обычно варианты лексемы сравниваются с неким исходным вариантом, который является стандартным [Крысин, 2011]. В случае с жестовыми языками ситуация иная, поскольку варианты жеста существуют параллельно и их наличие обусловлено рядом факторов. Лексическая вариативность ЖЯ может зависеть от возраста, региона проживания, гендера и социального статуса коммуникантов. Наличие региональной лексической вариативности зафиксировано на материале многих жестовых языков: русского жестового языка [Grenoble, 1992], британского жестового языка [Schembri et al., 2014], бразильского жестового языка [Campos, 1994], индо-пакистанского жестового языка [Zeshan, 2000], нидерландского жестового языка [Schermer, 2004], южноафриканского жестового языка [Penn, 1992] и т.д.

Влияние учебных заведений на вариативность ЖЯ также является признанным фактом. Так, исследования BSL продемонстрировали, что глухие дети после окончания школы-интерната и возвращения домой используют жесты, которые распространены в регионе, где находится школа, а не местный вариант

[Quinn, 2010]. На материале немецкого жестового языка (DGS) были проанализированы 73 жеста, которые используют школьники и выпускники трех школ одного региона. Статистический анализ показал, что на выбор варианта сильное влияние оказывает школа, где учился информант [Eichmann, Rosenstock, 2014].

Исследование лексической вариативности BSL проводилось на материале, собранном в рамках реализации проекта British Sign Language Corpus Project [Schembri et al., 2014]. Целью исследования было выявление наличия в BSL тенденции к сокращению использования региональных вариантов, для чего жесты промаркировали как «традиционные» и «нетрадиционные» относительно конкретных регионов страны. В числе прочих результатов было выявлено, что местонахождение школы является одним из определяющих факторов в выборе варианта. Однако самым важным оказался такой фактор, как возраст информанта. Было установлено, что более молодые представители выборки тяготеют к использованию «нетрадиционных» вариантов, что, по мнению авторов, свидетельствует о наличии процесса естественной стандартизации в языке и может объясняться повышением количества контактов в сообществе глухих [Stamp et al., 2014]. Сходные результаты показало исследование лексической вариативности в итальянском жестовом языке [Geraci et al., 2011].

На материале большой выборки данных также изучалась лексическая вариативность в новозеландском жестовом языке (NZSL), для чего были подвергнуты сопоставлению и анализу 80 жестов разной тематики. В данном исследовании приняли участие 138 информантов из разных регионов страны. Важным фактором, который повлиял на NZSL, было внедрение в 1979 политики Total communication, согласно которой разрешалось использование любых языков и способов для обучения глухих. На практике единственным разрешенным жестовым языком в школах стал искусственно созданный калькирующий язык (ASE), внедрение которого прекратилось только в 1994 г. Это привело к тому, что жесты, распространенные среди разных возрастных групп, достаточно сильно варьируются. Кроме того, исследование показало, что более молодые

информанты используют меньшее количество вариантов [McKee, McKee, 2011].

Влияние гендерной принадлежности носителей ЖЯ на лексическую вариативность также связано с образовательной политикой. Например, в исследованиях ирландского жестового языка (ISL) отмечается, что гендерный фактор может проявляться не только на лексическом уровне, но и на грамматическом [Leeson, Grehan, 2004]. Во фламандском жестовом языке (VGT) подобная вариативность обусловлена тем, что до 1970 г. девочки и мальчики обучались отдельно [Van Herreweghe, Vermeerbergen, 2004]. Следует отметить, что наличие вариантов жестов, обусловленных гендерным фактором, характерно для старшего поколения, поскольку в настоящее время отдельное обучение не распространено в указанных регионах.

Этническая принадлежность информанта является еще одним фактором, который может оказывать воздействие на лексическую вариативность жестов. Как и в случае с гендерным фактором, подобное влияние обусловлено исторически. Было установлено существование диалекта ASL, который используется афроамериканцами. Появление данного диалекта связано с политикой сегрегации, одним из следствий которой стало создание специализированных школ для глухих афроамериканских детей. Были описаны лексические варианты некоторых жестов, которые распространены только среди афроамериканского населения страны [Agamburo, 1989]. Более современное исследование данной разновидности ASL показало, что афроамериканские информанты из 34 сопоставляемых понятий не используют собственные варианты лишь для шести [Lucas et al., 2001].

1.8.3. Трудности разграничения фонологической и лексической вариативности

Теоретическая составляющая разделения вариативности на фонологическую и лексическую представляется логичной и заключается в том, что жесты рассматриваются как лексические варианты одного понятия, если все четыре параметра различаются. Несовпадение одного из параметров указывает на

фонологическую вариативность. На практике же возможны более сложные сценарии. В книге «Sociolinguistic Variation in American Sign Language» [Lucas et al., 2001] авторы отмечают, что зачастую у некоего понятия может быть довольно большое количество вариантов, часть из которых различаются по всем параметрам, а другая часть – по одному. Например, в ASL БАНАН может быть показан несколькими способами. Первый способ предполагает использование двух рук. При этом пассивная рука принимает конфигурацию «1», доминантная рука – конфигурацию «F» и движется вниз от кончика указательного пальца пассивной руки к его основанию, имитируя движение, которые производится при снятии кожуры с банана. Кроме того, доминантная рука также может быть в конфигурациях «A», «X», «1», «G» или «V». Вторым вариантом также представляет собой двуручный жест, в котором пассивная рука принимает конфигурацию «O» или «B», а доминантная рука – конфигурацию «O» или «5», двигаясь вниз или охватывая пассивную руку. При описании подобных вариантов авторы предлагают не рассматривать жесты как восемь отдельных и не связанных между собой вариантов, а отнести жесты с конфигурациями «A», «X», «1», «G» или «V» к подвариантам, поскольку они обладают общими фонологическими признаками и различаются только одним из параметров [Lucas et al., 2001, p. 180].

Более четкие правила описания и разграничения подобных вариантов жестов и классификация ряда возможных сценариев были предложены В. Киммельманом и его коллегами [Kimmelman et al., 2022]. В работе анализируются жесты с большим количеством вариантов, которые могут отличаться друг от друга по одному из параметров или по нескольким. Для описания сценариев используется теория графов, согласно которой варианты жеста являются вершинами, а ребра представляют собой отношение фонологической соотнесенности между вершинами/вариантами.

Рис. 13. Цепной сценарий
[Там же, 2022, с. 6]

Возможна ситуация, когда понятие X выражено жестами 1, 2 и 3. Жесты 1 и 2 различаются только по параметру «конфигурация». Жесты 2 и 3 различаются только по параметру «движение». Это означает, что жесты 1 и 2 являются одной лексемой (фонологическими вариантами одного и того же жеста), жесты 2 и 3 также являются одной лексемой, однако жесты 1 и 3 не являются вариантами одной лексемы. Например, в РЖЯ первый вариант жеста СИНИЙ показывается в конфигурации «С», рука совершает повторяющиеся движения вниз в нейтральном пространстве. Во втором варианте используются те же конфигурация и локализация, но движение отличается. Третий вариант представляет собой конфигурацию «А», те же движение и локализацию, что и во втором варианте. Подобные случаи авторы предлагают называть «цепной сценарий» (рис. 13).

Если концепт X выражается вариантами 1, 2, 3, 4 и 5, а следующие пары вариантов могут быть определены как фонологически связанные: (1, 2), (2, 3), (3, 4), (4, 5), (5, 1) (рис. 14а), то данный сценарий будет «циклическим». В качестве примера авторы приводят понятие ОТЕЦ, представленное в РЖЯ шестью различными вариантами. Варианты 1 и 2, варианты 3 и 4, варианты 5 и 6 различаются по одному из параметров. Графическое воплощение данного сценария представлено на рис. 14б. «Сценарий с общей вершиной» воплощается, если концепт X имеет варианты 1, 2 и 3, которые образуют цикл, и варианты 3, 4 и 5, которые также образуют цикл (рис. 14).

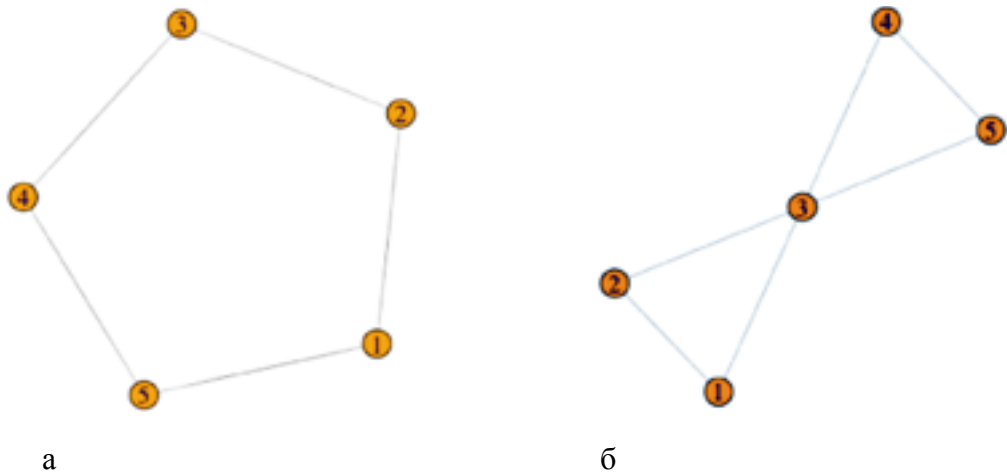

Рис 14. Цикличный сценарий (а), сценарий с общей вершиной (б)
[Там же, 2022, с. 7–9]

В случае, если сеть вершин взаимосвязана, но не образует единого цикла, воплощается «сценарий взаимосвязанных циклов». Один из таких сценариев представлен на рис. 15 слева. Если удалить одну из вершин, оставшийся граф будет ациклическим, как на рис. 15 справа. Таким образом, данный сценарий отличается от «циклического сценария». Однако в этом сценарии каждая вершина по-прежнему связана по крайней мере с двумя другими вариантами внутри компонента.

Рис. 15. Сценарий взаимосвязанных циклов
[Там, 2022, р. с]

Рис. 16. «Сценарий связанных компонентов» [Kimmelman et al., 2022, с. 9]

Последний сценарий, «сценарий связанных компонентов», заключается в том, что несколько циклов и цепей образуют связный компонент вариантного графа, но без вершин, общих для нескольких циклов (рис. 16).

Для определения принадлежности вариантов к одной лексеме авторы предлагают ряд правил:

1) если подмножество вариантов образует цикл, то все варианты принадлежат одной лексеме;

2) любой вариант, который связан по крайней мере с двумя вариантами в цикле вариантов, принадлежит к той же лексеме, что и варианты в цикле;

3) в цепочках вариантов, если вариант 1 относится к варианту 2, а вариант 2 относится к варианту 3, то 2 принадлежит лексеме вместе с 1, а 2 принадлежит лексеме вместе с 3. В итоге получается две лексемы – лексема А (1, 2) и лексема Б (2, 3);

4) каждый цикл внутри связанного компонента анализируется как отдельная лексема, а если есть цепочка, она анализируется как состоящая из нескольких лексем по приведенным выше правилам, где варианты могут быть разделены между различными цепочками и циклами [Там же, 2022, р. 11–12].

Таким образом, наличие большого количества вариантов жеста приводит к трудностям в определении типа вариативности. Сценарии описания вариантов могут быть применены в исследованиях, которые опираются на большое количество

данных. Изучение в настоящей работе вариантов жестов, функционирующих на территории Восточной Сибири, помимо деления на фонологические и лексические, также предполагает использование описанных выше сценариев.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе диссертации были рассмотрены теоретические аспекты функционирования жестовых языков. Данные аспекты связаны с проблематикой исследования и формируют необходимое обоснование анализа вариативности русского жестового языка на примере коммуникативного пространства Восточной Сибири. Лингвистическое изучение жестовых языков началось в 60-х гг. XX в., когда ЖЯ признали полноценными знаковыми системами, обладающими уровневой организацией. До этого времени жест считался неделимой единицей, а жестовые языки не рассматривались в качестве объекта лингвистического анализа. Данный факт объясняется рядом причин, которые могут быть связаны с использованием носителями жестовых языков визуальной модальности. Влияние модальности прослеживается на всех системных уровнях и обуславливает неконкатенативность морфологии и высокую степень иконичности, из-за чего наблюдается внешнее сходство жестовых языков с жестовым сопровождением речи. Однако жестовые языки представляют собой первичные системы коммуникации, в то время как жестовое сопровождение речи дублирует актуальную информацию либо выполняет эмфатическую функцию.

Зарождение и формирование жестовых языков тесно связаны с историей глухих. Существует два основных типа жестовых языков – «городские» и «деревенские». Условия функционирования и статус данных языков в значительной степени варьируются. «Деревенские» ЖЯ распространены в регионах, где частотны случаи наследственной глухоты. Отличительной особенностью «деревенских» ЖЯ является высокая степень их интеграции в жизнь сообщества. Закономерности развития «городских» ЖЯ связаны с рядом экстралингвистических факторов, в первую очередь с возможностью у глухих и слабослышащих свободно коммуницировать. Существенное влияние оказывают также культурный, политический и социальный контексты. В рамках первой главы настоящей работы рассматриваются в основном «городские» ЖЯ, поскольку русский жестовый язык относится к данной категории.

Становление русского жестового языка связано с историей глухих и созданием первых специализированных учебных заведений. Развитие сурдопедагогики интенсифицировало использование РЖЯ. Первые описания языка приводятся в ранних работах по методике обучения глухих и слабослышащих. В настоящее время русский жестовый язык является официально признанным языком, который распространен на всей территории РФ. Исследователями отмечается наличие диалектов.

Лингвистика жестовых языков является актуальным направлением, однако степень изученности разных ЖЯ не одинакова. Наиболее изучены американский жестовый язык и ряд европейских жестовых языков. Лексико-статистические сопоставления базового словника и исторические данные позволяют выделять семьи жестовых языков. Развитие лингвистики жестовых языков привело к тому, что в последние десятилетия стало возможно проводить кросс-лингвистические сопоставительные исследования, которые позволили выделить универсалии, характерные для ЖЯ: одновременность, иконичность и использование пространства. Наличие универсалий обуславливается функционированием жестовых языков в визуально-мануальной модальности. Изучение структуры жеста привело к созданию ряда моделей его описания. В настоящей работе мы рассматриваем жест как набор параметров, включающий конфигурацию, ориентацию, локализацию, движение и немануальные маркеры. Выбор описательной модели соответствует целям исследования, поскольку сопоставление параметров жестов позволяет выявить и проанализировать региональную вариативность ЖЯ.

Несмотря на то что вариативность характерна для любой естественной языковой системы, на вариативность в ЖЯ оказывают влияние специфические условия их функционирования. Доминирование звуковых языков и экстралингвистические факторы отражаются на структуре ЖЯ, в том числе на региональном варьировании. Кроме того, обособленность сообществ глухих приводит к появлению региональных вариантов жестов. Отмечается наличие вариантов, используемых только в рамках одного города. В исследованиях,

посвященных вариативности в жестовых языках, подчеркивается важная роль, которую играют специализированные учебные заведения. Так, влияние гендерной принадлежности на наличие вариантов жестов в ряде стран объясняется практикой раздельного обучения, распространенной на данных территориях. Помимо гендерной принадлежности носителей жестовых языков, выбор варианта может зависеть от возраста, социального статуса, степени потери слуха, региона и аудиального статуса членов семьи.

Анализ лингвистических трудов, посвященных вариативности ЖЯ, позволил установить, что выделяются два типа вариативности – фонологическая и лексическая. Данная дифференциация применялась изначально в трудах, посвященных лексико-статистическому анализу базовой лексики жестовых языков для установления степени их родства. Фонологическая вариативность предполагает совпадение трех параметров из четырех (конфигурацию, ориентацию, локализацию, движение). Жесты рассматриваются в качестве лексических вариантов одного понятия в случаях, когда все четыре параметра отличаются. Существование большого количества вариантов, которые отличаются друг от друга по одному или нескольким параметрам, обуславливает использование описательных сценариев, основанных на теории графов. Согласно этой теории, варианты относятся к одной лексеме в случае, если они образуют цикл, а каждый цикл внутри связанного компонента анализируется как отдельная лексема.

Во второй главе настоящей работы рассматриваются результаты изучения вариативности русского жестового языка на территории Восточной Сибири. Исследование осуществляется на основе сопоставления лексических и фонологических вариантов жестов.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

2.1. Социолингвистическое описание современного состояния и диахронических аспектов функционирования русского жестового языка: коммуникативное пространство Восточной Сибири

В рамках настоящего исследования рассматриваются варианты русского жестового языка, распространенные в четырех городах Восточной Сибири – Красноярске, Абакане, Кызыле и Иркутске. Данные города являются административными центрами соответствующих субъектов РФ и в масштабах страны расположены относительно недалеко друг от друга. Во всех городах есть школы-интернаты для глухих и слабослышащих и действуют региональные центры Всероссийского общества глухих (ВОГ). Назвать точное количество глухих и слабослышащих представляется затруднительным, поскольку в местах проживания некоторых неслышащих отсутствуют специализированные центры, а глухота может быть сопутствующим явлением на фоне ряда заболеваний. Как отмечается представителями Всероссийского общества глухих, всего в России нарушения слуха наблюдаются у 10 % населения. Согласно данным, полученным в региональных отделениях ВОГ, в Республике Тыва количество глухих и слабослышащих достигает 700 человек, в Республике Хакасия – 500 человек, в Красноярском Крае и Иркутской области – по 2 000 человек. Важно отметить, что данные цифры не являются точными, поскольку отражают количество членов региональных отделений ВОГ, а не фактические сведения. Так, по данным сурдологического центра Иркутской области, общее количество людей с нарушениями слуха в данном регионе составляет 18 000 человек.

Наибольшее количество школ-интернатов находится на территории Красноярского края: Красноярская школа № 9, Минусинская школа-интернат, Ачинская школа-интернат № 1. Все эти учебные заведения имеют длительную

историю. Красноярская школа-интернат была основана в 1922 г., Ачинская – в 1931 г., Минусинская школа – в 1932 г. Старейшая из школ, Специальная (коррекционная) школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха № 9, расположена в г. Иркутске, она была основана в 1921 г. Вторая школа-интернат Иркутской области находится в г. Черемхово. Все указанные учебные заведения имеют схожую историю возникновения, которая связана с частными лицами, инициировавшими их создание. Все они прошли путь от специализированных классов до коррекционных школ. Например, Минусинская школа-интернат была основана Анастасией Никитичной Щеголевой, матерью троих глухих детей. Появление Ачинской школы связано с именем Калерии Фотьевны Лысенко, которая организовала коррекционный класс для семи детей. В то время обучение включало в себя не только формирование навыков говорения и чтения, но и овладение каким-либо ремеслом и практическими умениями ведения хозяйства. Школа-интернат для детей с нарушениями слуха в г. Кызыле (Республике Тыва) ведет свою историю с 1954 г. Позже всех, в 2003 г., была основана Школа-интернат для детей с нарушениями слуха в г. Абакане (Республике Хакасия). Следуя общемировым тенденциям, которые появились после Миланского конгресса, руководством школ-интернатов было запрещено использование жестового языка. Данный запрет был снят лишь после 1990-х гг. В настоящее время языковая политика в отношении русского жестового языка в указанных учебных заведениях определяется руководством и учителями. Например, в Минусинской школе-интернате по инициативе директора все учителя проходят курсы РЖЯ и применяют его в учебном процессе. С другой стороны, известно, что в ряде школ жестовый язык не рекомендуется использовать во время занятий. Во всех учебных заведениях функционируют дополнительные внеурочные формы объединения учащихся, во время которых желающие могут заниматься жестовым пением. Проходят конкурсы и проводятся выступления. В минусинской школе развивается проект школьного телевидения, вещание на котором происходит на двух языках – русском и русском жестовом.

Во всех указанных регионах функционируют специализированные

дошкольные учреждения, в которых в обязательном порядке дети обучаются дактильной азбуке. Следует отметить, что русскому жестовому языку отводится второстепенная роль, поскольку программы обучения направлены на постановку и автоматизацию звуков.

Значительное влияние на сообщество глухих оказывают Региональные отделения Всероссийского общества глухих (РО ВОГ). В настоящее время глухим и слабослышащим в Российской Федерации бесплатно предоставляется 40 часов сурдоперевода в год. Помимо функционирования в качестве центров переводческих услуг, региональные отделения представляют собой своеобразные культурные центры, где проводятся различные мероприятия. Таким образом, глухие и слабослышащие получают возможность коммуницировать и интегрироваться в социум. Все региональные отделения указанных регионов были основаны в ранний советский период и осуществляли работу на протяжении долгого времени. Следует отметить, что региональные отделения Республики Тыва не функционировали на протяжении пяти лет, возобновив работу в 2015 г. В иркутском и красноярском региональных отделениях ВОГ работают диспетчерские службы, созданные для оказания экстренной и социальной помощи, поскольку количество предоставляемых бесплатных часов перевода ограничено. Работа данных служб осуществляется посредством видеосвязи и содействует обеспечению более доступной среды для незлышащих.

Таким образом, на территории Восточной Сибири проживает достаточно много носителей русского жестового языка, однако представляется затруднительным привести точные данные об их количестве. Функционируют специализированные школы-интернаты, дошкольные заведения и региональные отделения Всероссийского общества глухих. Наличие вышеперечисленных учреждений позволяет предположить наличие региональных вариантов жестов, существование которых обусловлено возможностью членов сообщества глухих и слабослышащих регулярно коммуницировать.

2.2. Опыт формирования мультисемиотической платформы региональных вариантов РЖЯ

Выявление региональной вариативности жестового языка предполагает сбор данных и последующий анализ эмпирического материала. В современных работах, посвященных лингвистике жестовых языков [Fenlon et al., 2013; Lucas et al. 2001; Perniss, 2015; Sandler et al., 2005; Schembri et al., 2014], отмечается, что оптимальным средством документирования языкового материала является его видеофиксация. Принято дифференцировать полученный языковой материал на два типа: спонтанная речь и данные, полученные посредством использования стимулирующих материалов [Perniss, 2015, p. 57]. Распространенными способами получения эмпирических данных при создании корпусов ЖЯ являются интервьюирование, использование картинок для описания, лексические и фразовые опросники [Hill, 2015, p. 201]. Поскольку в рамках данного исследования предполагалось сопоставление лексических единиц, производилась видеофиксация отдельных жестов, а не спонтанной речи. С каждым информантом проводилась предварительная беседа, в ходе которой демонстрировались изображения и давались определенные контексты для выявления релевантного слову жеста. Для дифференциации частей речи использовались короткие видеозаписи объектов и действий с этими объектами, а также давались объяснения и контексты на русском жестовом языке.

Процесс фиксации эмпирических данных после предварительного обсуждения с информантами лексических единиц списка сопровождался дактилированием слов русского языка и повторной демонстрацией стимульных материалов. В Красноярске, Абакане и Кызыле привлекались знакомые респондентам переводчики жестового языка для объяснения контекстов и создания более непринужденной атмосферы. Некоторые лингвисты отмечают, что помимо необходимости учитывать такие факторы, как освещение, ракурс и фон, следует стремиться также к проведению записи в локациях, которые знакомы респондентам и где они чувствуют себя комфортно, – в школах для глухих,

специализированных центрах и т.д. [Geraci et al., 2011; Lucas et al., 2001]. Таким образом, в качестве места записи во всех городах, кроме Красноярска, были выбраны региональные отделения Всероссийского общества глухих. Общая длительность видеозаписей составляет 49 часов. Последующим этапом стал просмотр данных записей, сопоставление полученных данных и размещение видеофрагментов с вариантами жестов на платформе <http://zhestysibiri.ru/> (рис. 17). Жесты дифференцируются в соответствии с их локализацией по региону/городу, в котором используется определенный вариант. В корпусе предусмотрена возможность поиска слова с произвольной фильтрацией, благодаря чему при вводе первых букв в поисковую строку появляется список всех слов, которые начинаются на данные буквы или содержат их. Слова разделены на группы в соответствии с начальной буквой и разбиты на категории в соответствии с тематикой. Слову звукового языка соответствуют видеофрагменты четырех городов, предусмотрена возможность увеличить видеоизображение и уменьшить скорость воспроизведения на 25, 50 или 75 %.

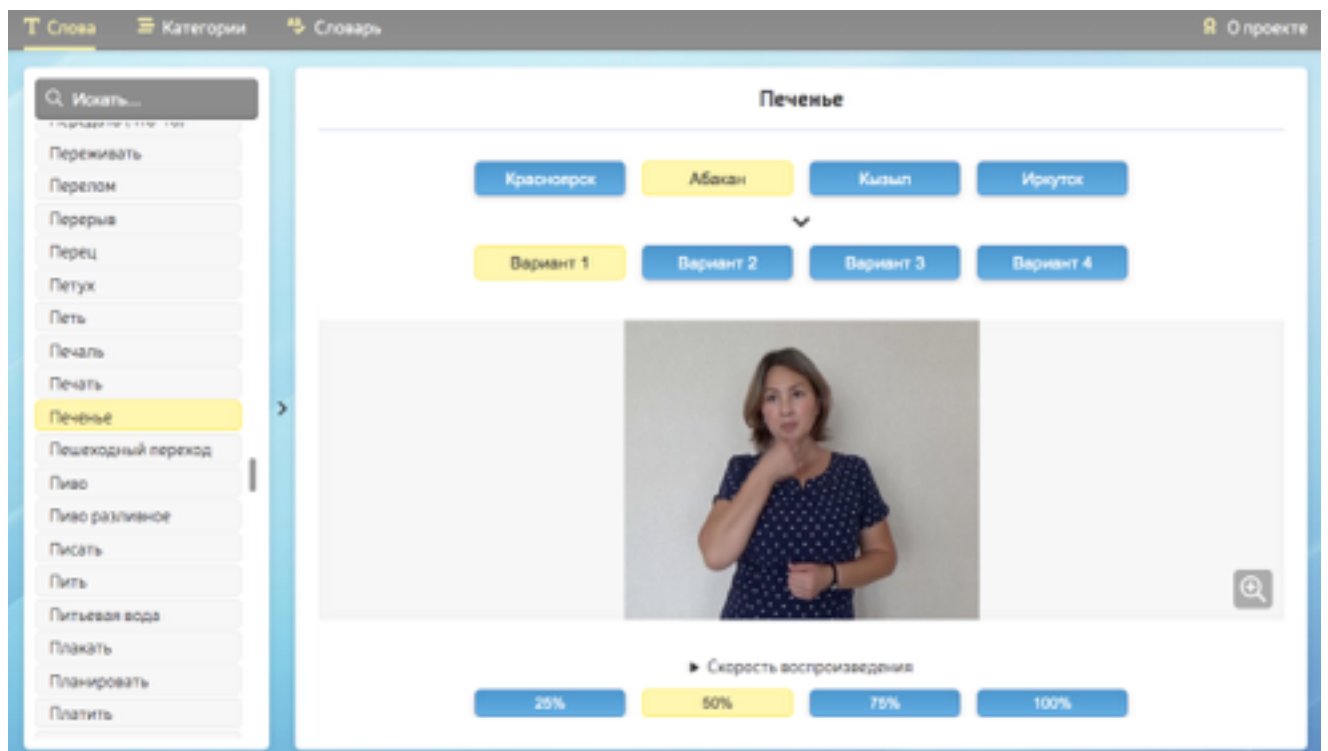

Рис. 17. Мультимодальный электронный корпус региональных вариантов русского жестового языка (<http://zhestysibiri.ru/>)

Лингвисты, занимавшиеся сбором данных о функционировании ЖЯ у большого количества респондентов, подчеркивают, что лучшие кандидаты на участие в опросе – глухие носители, предпочтительно дети глухих родителей [Fischer, 2009; Nyst, 2015].

В исследовании вариативности РЖЯ на примере коммуникативного пространства Восточной Сибири приняли участие 24 человека. Все информанты являются носителями русского жестового языка, четверо из них CODA – (слышащие дети глухих родителей). Гендерная принадлежность, возраст, социальный статус, степень нарушения слуха и уровень образования разнятся. Из 24 респондентов 9 – мужчины, 15 – женщины. Информанты разделены на три возрастные группы: семь человек являются представителями молодого поколения (от 18 до 30 лет), одиннадцать принадлежат возрастной группе от 30 до 55 лет, шесть респондентов старше 55 лет. Несколько информантов из Республики Хакасия проживают в сельской местности. Два носителя РЖЯ из г. Кызыла обучались в Санкт-Петербурге и часто коммуницируют друг с другом, используя жесты, которые не распространены на территории республики Тыва. Следует отметить, что количество респондентов в разных регионах неодинаково. Так, в республике Тыва в исследовании приняли участие четыре человека, все женского пола, что обусловлено трудностями в установлении контактов и поиске возможных участников. Кроме того, в данном регионе в качестве основного распространен тувинский язык, что исключило возможность сбора данных у ряда носителей русского жестового языка ввиду сложности объяснения значения некоторых слов. Сводная таблица с данными об информантах представлена в приложении 1.

Поскольку вариативность русского жестового языка остается недостаточно изученной, в рамках данного исследования анализируется и сопоставляется довольно большое количество лексических единиц. Данное решение обусловлено тем фактом, что на первоначальных этапах представляется логичным выделение наиболее вариативных жестов для последующего более детального изучения. Для выявления вариативности были отобраны лексические единицы,

систематизированные по следующим тематическим группам: «Внешность», «Вопросительные жесты», «Время», «Действия и состояния», «Дом и обстановка», «Досуг», «Магазин и покупки», «Одежда и обувь», «Природа и погода», «Продукты и питание», «Профессии», «Семья», «Фауна», «Фразы и слова для общения», «Цвета». На первом этапе составления тезауруса в качестве потенциального источника данных использовались лексические минимумы разных языков, включающие в себя наиболее частотную лексику для базового общения. Важно отметить, что лексические минимумы в значительной степени отличаются друг от друга и зависят от целей и этапов обучения. Выделение списка наиболее частотных слов русского языка с помощью национального корпуса (НКРЯ) показало некоторую несостоятельность данного метода в контексте проводимого исследования, поскольку в числе наиболее частотных слов наблюдается большое количество предлогов, союзов и местоимений.

В результате был составлен словник, основанный на указанных выше списках и субъективно-интроспективном выборе слов в рамках тематических групп. Следует отметить, что некоторые лексические единицы могут быть отнесены к нескольким тематическим группам. Некоторые слова были исключены из списка, так как релевантный жест в РЖЯ может зависеть от контекста. Так, в рамках настоящего исследования сопоставлению не подвергались глаголы движения с префиксами, поскольку их исследование требует более тщательного изучения с привлечением большего количества стимульных материалов и контекстов. Лингвистами, которые изучали вариативность на материале разных жестовых языков, было установлено, что дактилируемые слова зачастую являются частью лексикона носителей ЖЯ и их игнорирование необоснованно [Padden, 1998; Sutton-Spence, 2006], поэтому в рамках данной работы дактилируемые слова также учитывались как варианты лексем.

Важной проблемой является этическая составляющая исследований ЖЯ. Так, в профильной литературе обсуждался вопрос о допустимости использования изображений детей и разнице в интенциях исследователя и информанта [Stokoe, Kuschel, 1969]. Использование видеозаписей и фотографий респондентов в ряде

случаев представляется неизбежным, поэтому все участники нашего исследования давали письменное согласие. Содержание документа о согласии было переведено на русский жестовый язык.

Таким образом, формирование мультисемиотической платформы региональных вариантов русского жестового языка, распространенных на территории Восточной Сибири, включало в себя два этапа – теоретический и практический. Теоретический этап заключался в составлении тезауруса, анкеты и согласия на видеосъемку и использование материалов, а также подбор соответствующих стимульных материалов. Практический этап представлял собой поиск респондентов и места съемки, предварительное обсуждение списка слов, видеофиксацию, последующее сопоставление полученных данных и размещение видеофрагментов на специальной платформе. Результаты анализа представлены ниже.

2.3. Региональные особенности лексики русского жестового языка в сопоставительном аспекте

Исследование вариативности русского жестового языка на территории коммуникативного пространства Восточной Сибири основывается на полученных от носителей РЖЯ выделенного региона эмпирических данных. Эти данные представляют собой задокументированные посредством видеофиксации жестовые эквиваленты слов и словосочетаний дифференцированного по тематическим группам тезауруса. Сформированный список слов включает в себя наиболее распространенные лексические единицы, используемые в процессе бытового общения. Ниже представлены результаты исследования на основе метода описательно-сопоставительного анализа жестовых единиц, разделенных на 15 тематических групп. В рамках каждого параграфа приводятся слова и словосочетания группы, описание вариативных жестов и обобщающий заключительный фрагмент, в котором указывается количество вариативных единиц, наиболее вариативные параметры и преобладающий тип вариативности.

Кроме того, при наличии релевантного признака отмечается корреляция наличия вариативных жестов с возрастом информантов и/или регионом их проживания.

2.3.1. Тематическая группа «Внешность»

Тематическая группа «Внешность» включает в себя 9 лексических единиц: ВНЕШНОСТЬ, ВОЗРАСТ, ВОЛОСЫ, ВЫГЛЯДЕТЬ, КРАСИВЫЙ, МОЛОДОЙ, РОСТ, СТАРЫЙ, ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ. В рамках данной группы отсутствуют варианты жестов КРАСИВЫЙ, МОЛОДОЙ, РОСТ, СТАРЫЙ, ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ.

Наиболее частотный вариант лексемы ВНЕШНОСТЬ представляет собой симметричный двуручный жест: немного согнутые кисти рук в конфигурации «В» опускаются вниз от лица к поясу (рис. 18а). Четыре респондента демонстрируют данный жест, используя конфигурацию «5» (рис. 18б). Наряду с указанными фонологическими вариантами носителями РЖЯ в Красноярске и Абакане используются два лексических варианта. Первый представляет собой компанд, состоящий из жеста ЧЕЛОВЕК (конфигурация «Э», ладонь совершает движение вниз) и движения, заключающегося в переворачивании ладони в конфигурации «В» тыльной стороной вверх (рис. 18в); второй исполняется в конфигурации «1», рука совершает круговое движение вокруг лица (рис. 18г).

Рис. 18. РЖЯ: ВНЕШНОСТЬ

Лексема ВОЗРАСТ может быть показана тремя равночастотными способами. При этом в Абакане два информанта демонстрируют четвертый

лексический вариант. Первый способ заключается в использовании конфигурации «А», рука прикасается к подбородку (рис. 19а). Три информанта из Кызыла демонстрируют фонологический вариант данного жеста, отличающийся по параметру «движение». В отличие от более распространенного, описываемый вариант предполагает движение руки вперед от подбородка (рис. 19б). Локализация второго варианта совпадает с первым, но рука находится в конфигурации «5», пальцы двигаются (рис. 19в). Третий вариант – соединение первых двух (рис. 19г). Четвертый лексический вариант представляет собой двуручный несимметричный жест: пассивная рука находится в конфигурации «В», ладонь доминантной руки соприкасается с ладонью пассивной и совершает движение вверх, пальцы двигаются (рис. 19д).

Рис. 19. РЖЯ: ВОЗРАСТ

Жест ВОЛОСЫ имеет два фонологических варианта, отличающихся по параметру «конфигурация». В первом варианте используется конфигурация

«О» (рис. 20а), во втором – конфигурация «С» (рис. 20б). Частотность использования практически равна.

Рис. 20. РЖЯ: ВОЛОСЫ

Жест ВЫГЛЯДЕТЬ в ряде случаев совпадает с жестом ВНЕШНОСТЬ. Два информанта более старшего возраста применяют дактилирование. 25 % респондентов демонстрируют компаунд, состоящий из жестов ВЫГЛЯДЕТЬ и СМОТРЕТЬ (рис. 21а), два информанта из Абакана используют лексический вариант. Данный вариант является одноручным жестом, ладонь в конфигурации «В» совершает круговое движение вокруг лица (рис. 21б).

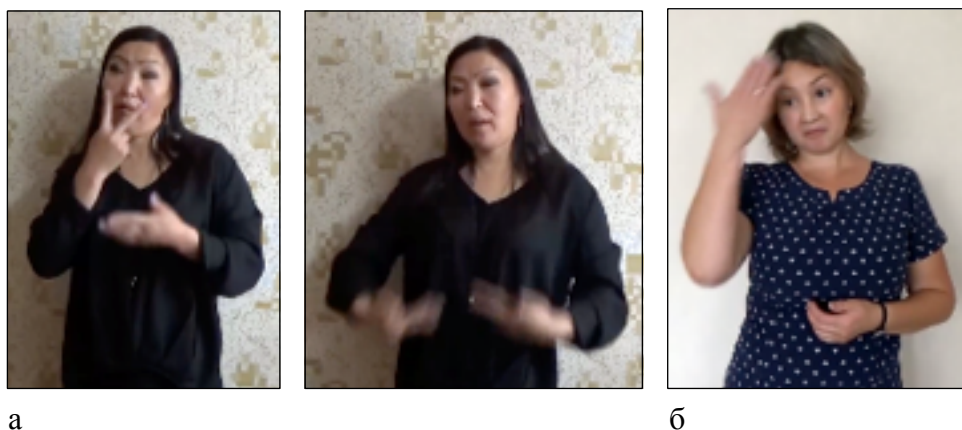

Рис. 21. РЖЯ: ВОЛОСЫ

Таким образом, треть жестов тематической группы «Внешность» имеет лексические или фонологические варианты. Из четырех жестов, демонстрирующих

вариативность, жест ВОЛОСЫ представлен двумя фонологическими вариантами, отличающимися по параметру «конфигурация». Наиболее вариативны жесты ВОЗРАСТ и ВНЕШНОСТЬ. Трансферируя на анализируемый языковой материал сценарии описания жестов [Kimmelman et al., 2022], можно заключить, что жест ВОЗРАСТ имеет четыре варианта, а жест внешность – три. Не представляется возможным выделить специфические жесты, распространенные только в определенных городах, за исключением вариантов жестов ВЫГЛЯДЕТЬ и ВОЗРАСТ, которые демонстрируют информанты из Абакана. Также зафиксировано использование дактилирования у респондентов более старшего поколения.

2.3.2. Тематическая группа «Вопросительные жесты»

Тематическая группа «Вопросительные жесты» включает в себя 11 лексических единиц: ГДЕ, ЗАЧЕМ, КАК, КАКОЙ, КОГДА, КТО, КУДА, ОТКУДА, ПОЧЕМУ, СКОЛЬКО, ЧЕЙ. В рамках данной группы отсутствуют варианты жестов КАКОЙ, КОГДА, КТО и КУДА.

Наиболее частотный вариант лексики ГДЕ представляет собой конфигурацию «Г», кисть руки совершает частые колебательные движения вверх и вниз. Данный вариант используется респондентами всех городов (рис. 22а). Кроме того, в Кызыле присутствует фонологический вариант, который отличается по характеру движения: рука совершает движение вперед от корпуса (рис. 22в). Фонологическими вариантами другого лексического варианта являются жесты, зафиксированные в Красноярске и Абакане (рис. 22б, 22д): большой, указательный и средний пальца выпрямлены, кисть руки совершает поворот ладонью вниз, пальцы смыкаются (Красноярск) или переходят в конфигурацию «Е» (Абакан). Также в Абакане присутствует лексический вариант (рис. 22г), который показывается посредством разведения рук в стороны, ладони в это время находятся в конфигурации «В».

Рис. 22. РЖЯ: ГДЕ

Жест ЗАЧЕМ показывается в конфигурации «5», кисть руки совершает движение вперед, большой палец касается плеча (рис. 23а). В Красноярске зафиксировано использование варианта, когда пальцы респондента в конфигурации «5» совершают колебательные движения, в то время как рука перемещается вперед от корпуса (рис. 23б).

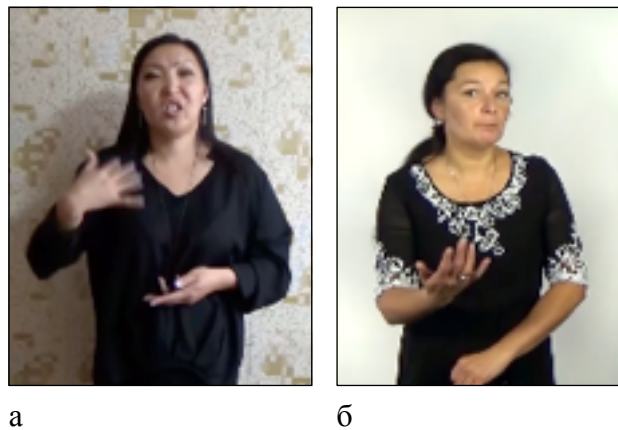

Рис. 23. РЖЯ: ЗАЧЕМ

Жест КАК выполняется чаще всего путем полного или частичного дактилирования. Один респондент из Абакана продемонстрировал жест, который представляет собой разведение рук в стороны от туловища в конфигурации «В» (рис. 24). Обязательным компонентом является пожимание плечами.

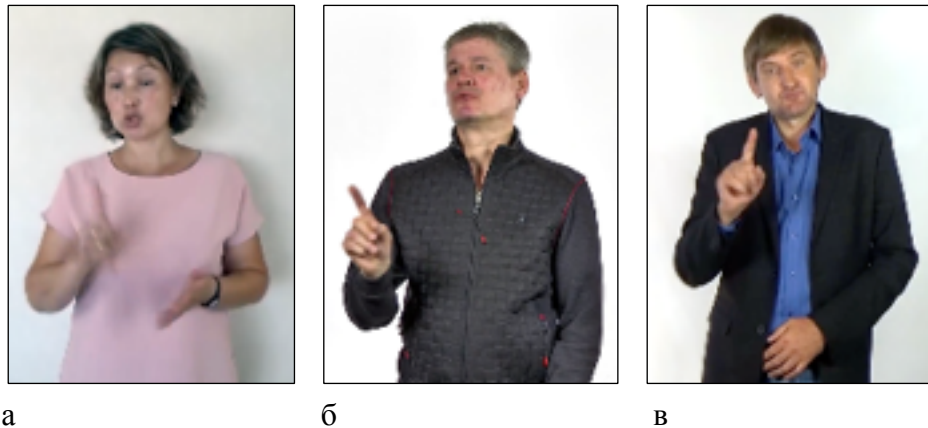
Рис. 24. РЖЯ: КАК

Равночастотны варианты жеста ОТКУДА, которые отличаются по критерию использования пассивной руки. Доминантная рука совершает движение вверх перед пассивной рукой в конфигурации «В», во время движения пальцы доминантной руки принимают конфигурацию «1» (рис. 25а). В случае, если жест одноручный, параметры доминантной руки не отличаются от двуручного варианта (рис. 25б)

Рис. 25. РЖЯ: ОТКУДА

Жестовая единица ПОЧЕМУ представлена двумя лексическими вариантами. Один респондент из Абакана показывает двуручный жест, в котором пассивная рука находится в конфигурации «В», а доминантная рука в конфигурации «1» имитирует в воздухе знак вопроса, заканчивая движение на ладони пассивной руки (рис. 26а). Шесть респондентов из разных городов используют одноручный жест, в котором рука находится в конфигурации «1», кисть совершает вращательные движения (рис. 26б). Самый распространенный вариант эквивалентен описанному выше и отличается по параметру «характер движения». Данный фонологический вариант предполагает движение кисти из стороны в сторону (рис. 26в).

а

б

в

Рис. 26. РЖЯ: ПОЧЕМУ

Жест СКОЛЬКО имеет два фонологических варианта, которые с одинаковой частотностью встречаются во всех городах. Данные варианты отличаются по характеру движения руки, совпадая по остальным параметрам. Характер движения может быть вертикальным (рис. 27а) либо горизонтальным (рис. 27б).

Рис. 27. РЖЯ: СКОЛЬКО

Лексема ЧЕЙ представляет собой одноручный жест, ладонь находится в конфигурации «В». Пальцы могут быть немного согнуты (рис. 28 а, б). Примерно половина респондентов разного возраста и из разных городов показывают данную лексему путем дактилирования. Один респондент из Абакана демонстрирует лексический вариант, который представляет собой симметричный двуручный жест, ладони в конфигурации «В» совершают движение от корпуса.

Рис. 28. РЖЯ: ЧЕЙ

Таким образом, в рамках тематической группы «Вопросительные жесты» вариативность демонстрируют семь жестов из одиннадцати. Наибольшее количество лексических вариантов обнаруживается в Абакане. Поскольку большую часть данных вариантов показывает один респондент, возможно предположить, что степень их распространенности требует дополнительного исследования. Наиболее частотна фонологическая вариативность, корреляций выбора варианта с возрастом респондентов не обнаружено.

2.3.3. Тематическая группа «Время»

Тематическая группа «Время» включает в себя 36 лексических единиц: АВГУСТ, АПРЕЛЬ, ВЕСНА, ВЕЧЕР, ВОСКРЕСЕНЬЕ, ВРЕМЯ, ВТОРНИК, ВЧЕРА, ГОД, ДАТА, ДЕКАБРЬ, ДЕНЬ, ЗАВТРА, ЗИМА, ИЮЛЬ, ИЮНЬ, ЛЕТО, МАЙ, МЕСЯЦ, МИНУТА, НЕДЕЛЯ, НОЧЬ, НОЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, ОСЕНЬ, ПОНЕДЕЛЬНИК, ПЯТНИЦА, СЕГОДНЯ, СЕЙЧАС, СЕНТЯБРЬ, СРЕДА, СУББОТА, УТРО, ФЕВРАЛЬ, ЧЕТВЕРГ, ЯНВАРЬ. Всеми респондентами одинаково демонстрируются жесты АВГУСТ, ВЕСНА, ВОСКРЕСЕНЬЕ, ВРЕМЯ, ВТОРНИК, ГОД, ЗАВТРА, ИЮЛЬ, ИЮНЬ, МАЙ, МЕСЯЦ, НЕДЕЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК, ПЯТНИЦА, СЕНТЯБРЬ, УТРО, ФЕВРАЛЬ, ЧЕТВЕРГ, ЯНВАРЬ.

Наиболее частотный вариант лексемы АПРЕЛЬ представляет собой дактилирование двух первых букв релевантного слова (рис. 29а). Также распространен вариант, когда пальцы в конфигурации «П» попеременно соприкасаются (рис. 29в). Два информанта используют одноручный жест, который показывается в конфигурации «А», кисть руки совершает вращательные движения (рис. 29б).

а

б

в

Рис. 29. РЖЯ: АПРЕЛЬ

У жестовой единицы ВЕЧЕР отсутствуют лексические варианты, респонденты из Кызыле и Иркутске демонстрируют тенденцию к использованию данного жеста в конфигурации «В» (рис. 30б), в то время как в других городах пальцы рук немого согнуты в суставах (рис. 30а). При исполнении жеста задействованы две руки, доминантная рука опускается на пассивную по дугообразной траектории.

а

б

Рис. 30. РЖЯ: ВЕЧЕР

Жест ВОСКРЕСЕНЬЕ имеет два лексических варианта. Наиболее частотный вариант исполняется одной рукой, пальцы сжаты, при этом указательный палец в согнутом положении располагается на выпрямленном большом пальце. Кисть руки совершает ритмичные колебательные движения вперед (рис. 31а). Фонологический вариант данного жеста демонстрируется

респондентом из Абакана и отличается по параметру «конфигурация» (рис. 31б). Другой лексический вариант был зафиксирован у двух носителей из Красноярска. Это двуручный симметричный жест, ладони в конфигурации «5» находятся на уровне талии, большие пальцы касаются туловища, остальные пальцы двигаются вверх и вниз (рис. 31в).

Рис. 31. РЖЯ: ВОСКРЕСЕНЬЕ

У жеста ВЧЕРА отсутствуют лексические варианты. Параметр, по которому отличаются фонологические варианты, – «характер движения». Самый распространенный вариант предполагает движение кисти руки назад (рис. 32а). В Красноярске один информант совершает рукой движение назад, проводя большой палец по щеке по направлению к уху (рис. 32б). Другой информант совершает рукой дугообразное движение по щеке назад и вниз (рис. 32в).

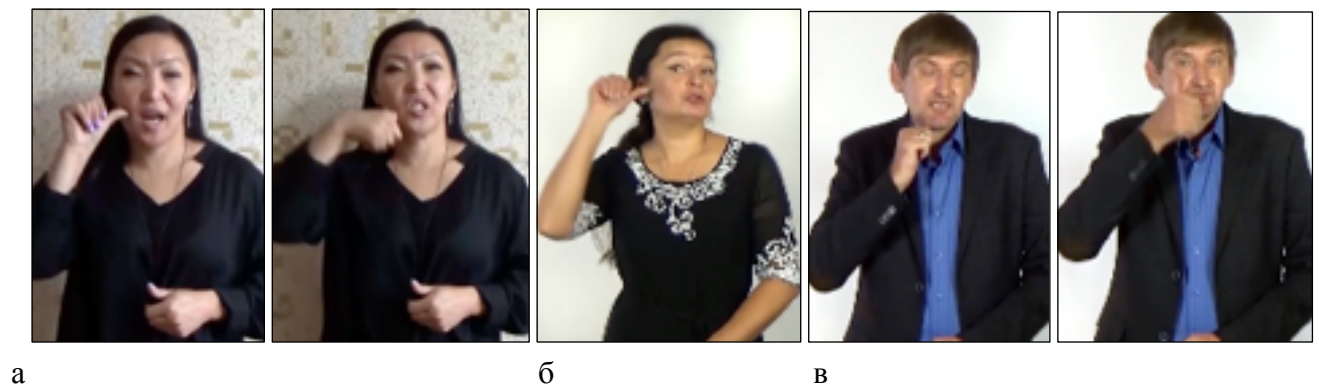

Рис. 32. РЖЯ: ВЧЕРА

Лексема ДАТА также представлена только фонологическими вариантами, наименее распространенный предполагает использование всех пальцев (рис. 33а), в то время как в наиболее частотном задействуется большой, средний и указательный пальцы (рис. 33б). Все остальные параметры совпадают.

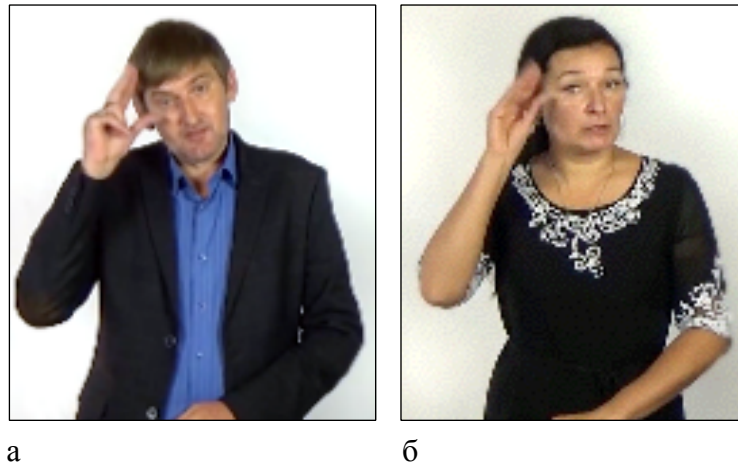

Рис. 33. РЖЯ: ДАТА

Рис. 34. РЖЯ: ДЕКАБРЬ

Не зафиксированы лексические варианты жестовой единицы ДЕКАБРЬ, фонологические варианты отличаются по параметру «движение». Жест показывается в конфигурации «Д» (рис. 34), равночастотны круговые движения пальцами и колебательные движения кисти из стороны в сторону. Три информанта из Кызыла дактилируют первые три буквы слова.

Наиболее частотный вариант лексемы ДЕНЬ представляет собой двуручный синхронный жест, руки в конфигурации «5» опускаются вниз, пальцы во время движения соединяются (рис. 35в). Также два информанта из разных городов более

старшего поколения продемонстрировали фонологический вариант, который отличается характером движения от правого плеча вниз налево (рис. 35б). Несколько носителей РЖЯ из Иркутска используют лексический вариант, показанный на рис. 31а, кисть совершает круговые движения.

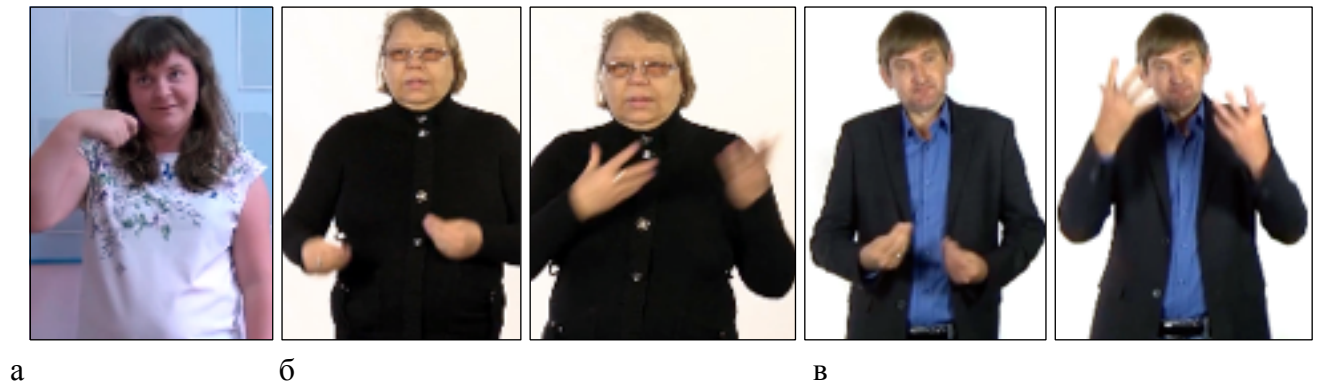

Рис. 35. РЖЯ: ДЕНЬ

Два лексических варианта жеста ЗИМА в равной степени используются информантами во всех городах. Первый представляет собой двуручный жест, в котором пассивная рука находится в конфигурации «В», с ней соприкасается активная рука в конфигурации «А» (рис. 36а). Вторым лексическим вариантом является синхронным двуручным жестом, ладони находятся в конфигурации «А», руки совершают дугообразное движение вниз (рис 36б). Фонологические варианты третьего жеста, продемонстрированные разновозрастными информантами из Красноярска представляют собой компаунд и отличаются конфигурацией в начальной позиции доминантной руки. Более молодой информант использует конфигурацию «1» (рис. 36в), в то время как второй – конфигурацию «А» (рис. 36г).

Рис. 36. РЖЯ: ЗИМА

Лексема ЛЕТО имеет ряд фонологических вариантов, которые можно объединить в цикл. Зафиксировано пять вариантов, отличающихся по конфигурации и характеру движения. Первый представляет собой одноручный жест в конфигурации «В», пальцы прикасаются сначала к подбородку, а затем ко лбу (рис. 37а). Второй вариант отличается направлением движения, то есть пальцы сначала прикасаются ко лбу, а потом к подбородку. Третий и четвертый фонологические варианты различаются конфигурацией. В третьем варианте пальцы не соединены, средний палец прикасается ко лбу и подбородку (рис. 37в). Четвертый вариант был показан в конфигурации «С» (рис. 37г). Пятый фонологический вариант дублирует все параметры четвертого за исключением характера движения: ладонь движется попеременно от подбородка вправо и ото лба вправо резким смахивающим движением (рис. 37б).

Наиболее распространенный фонологический вариант лексемы МИНУТА представляет собой одноручный жест в конфигурации «М», рука совершает движение слева направо (рис. 38а). Второй по частотности вариант используется в конфигурации «1» (рис. 38б). Третий фонологический вариант отличается от второго прерывистым пунктирным характером движения и демонстрируется рядом информантов из Абакана.

Рис. 37. РЖЯ: ЛЕТО

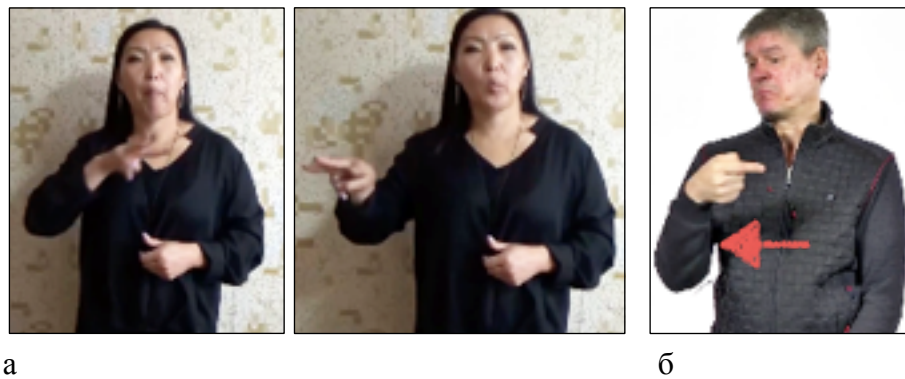

Рис. 38. РЖЯ: МИНУТА

Жестовая единица НОЧЬ имеет два равночастотных лексических варианта. Первый вариант является синхронным двуручным жестом, раскрытые пальцы опускаются от лица вниз, по мере движения суставы пальцев сгибаются (рис. 39а). Второй вариант представляет собой несинхронный двуручный жест, доминантная рука находится на пассивной, пальцы принимают конфигурацию «Н». Ладонь доминантной руки совершает движения вперед и назад (рис. 39б).

Рис 39. РЖЯ: НОЧЬ

Два фонологических варианта лексемы НОЯБРЬ дифференцируются по параметру «характер движения». Информанты из Иркутска и Красноярска имеют тенденцию к использованию данного жеста, соединяя и разъединяя безымянный и большой пальцы, в то время как информанты из Кызыла и Абакана совершают круговые движения рукой. Жест ОКТЯБРЬ также имеет два фонологических варианта, которые аналогичным образом отличаются друг от друга. Наиболее частотный вариант представляет собой соприкосновения указательного и большого пальцев в конфигурации «О».

Пять вариантов лексемы ОСЕНЬ образуют цикл, в рамках которого каждый следующий вариант отличается от предыдущего по одному параметру. Следуя теории [Kimmelman et al., 2022], все варианты рассматриваются как единая лексема, представленная рядом вариантов. Первый вариант (рис. 40а) отличается от второго (рис. 40в) по параметру «конфигурация». Третий вариант отличается от второго по параметру «локализация» (рис. 40б). Четвертый вариант (рис. 40г) отличается от третьего по характеру движения, а пятый от четвертого конфигурацией (рис. 40г). На рисунке 40е представлен компаунд, продемонстрированный информантами из Иркутска.

Рис. 40. РЖЯ: ОСЕНЬ

Жесты СЕГОДНЯ и СЕЙЧАС демонстрируются аналогичным образом. В одинаковой степени распространены два фонологических варианта, которые отличаются по параметру «конфигурация». Жест показывается в нейтральном жестовом пространстве, пальцы могут быть полусогнуты (рис. 41а) либо принимают конфигурацию «У» (рис. 37б).

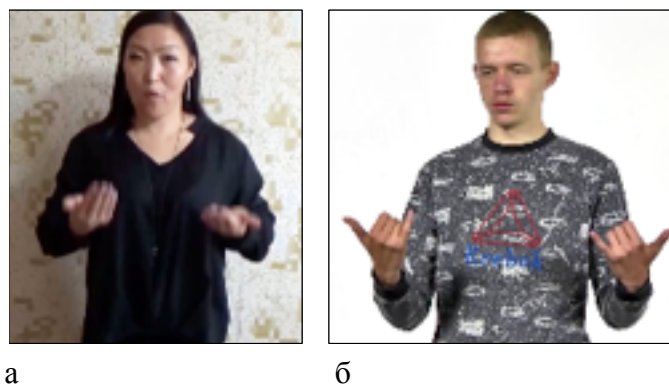

Рис. 41. РЖЯ: СЕГОДНЯ

Два фонологических варианта жеста СРЕДА дифференцируются по параметру «конфигурация». Часть респондентов имеет тенденцию к использованию

конфигурации «Э» (рис. 42а), а другая часть – конфигурации «С» (рис. 42б).

Жест СУББОТА показывается в конфигурации «У» (рис. 43), во всех городах наблюдается ряд отличий по параметру «характер движения». Движение может быть круговое или колебательное.

а

б

Рис. 42. РЖЯ: СРЕДА

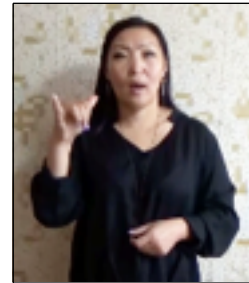

Рис. 43. РЖЯ: СУББОТА

Таким образом, практически половина жестов тематической группы «Время» демонстрируют наличие фонологических и лексических вариантов. Двенадцать жестов имеют только фонологические варианты. Наиболее частотные параметры, по которым отличаются данные варианты, – конфигурация и характер движения. Фонологические варианты двух жестов, ОСЕНЬ и ЛЕТО, образуют цепочки, которые позволяют объединить их в единую лексему. Выделяются лексические варианты жестов, использование которых было зафиксировано только в определенных городах: ВОСКРЕСЕНЬЕ (Красноярск), ДЕНЬ (Иркутск), МИНУТА (Абакан).

2.3.4. Тематическая группа «Действия и состояния»

Тематическая группа «Действия и состояния» включает в себя 70 лексических единиц: БЕЖАТЬ, БРАТЬ, БРОСАТЬ, ВЕРИТЬ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ВИДЕТЬ, ВСТАВАТЬ, ВЫХОДИТЬ, ГЛУХОЙ, ГОВОРИТЬ, ДАВАТЬ, ДВИЖЕНИЕ, ДЕЛАТЬ, ДУМАТЬ, ЖДАТЬ, ЗАБЫВАТЬ, ЗАКАНЧИВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬ, ЗАМЕТИТЬ, ЗАПОМИНАТЬ, ЗАСЫПАТЬ, ЗАЩИЩАТЬ, ЗВОНИТЬ, ИЗУЧАТЬ, ИСКАТЬ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ, ЛГАТЬ, ЛЕЖАТЬ, ЛЮБИТЬ, МОЛЧАТЬ, МОЧЬ, НАДЕЯТЬСЯ, НАХОДИТЬ, НАЧИНАТЬ, НРАВИТЬСЯ,

ОБЕЩАТЬ, ОБЪЯСНЯТЬ, ОСТАВАТЬСЯ, ОТВЕЧАТЬ, ОТКРЫВАТЬ, ПИСАТЬ, ПИТЬ, ПЛАКАТЬ, ПЛАНИРОВАТЬ, ПОЗДРАВЛЯТЬ, ПОМОГАТЬ, ПОНИМАТЬ, ПОЯВЛЯТЬСЯ, ПРЕДЛАГАТЬ, ПРОВЕРЯТЬ, ПРОДОЛЖАТЬ, ПРОСИТЬ, ПРОСЫПАТЬСЯ, РАБОТАТЬ, СЕСТЬ, СЛАБОСЛЫШАЩИЙ, СЛЫШАТЬ, СМЕЯТЬСЯ, СМОТРЕТЬ, СОГЛАШАТЬСЯ, СПАТЬ, СПРАШИВАТЬ, СТАРАТЬСЯ, СТОЯТЬ, ТЕРПЕТЬ, УЛЫБАТЬСЯ, УМЕРЕТЬ, УМЕТЬ, УСПЕВАТЬ, ХОТЕТЬ. В рамках данной тематической группы отсутствуют фонологические и лексические варианты у 52 лексических единиц: БРАТЬ, БРОСАТЬ, ВЕРИТЬ, ВОЗВРАЩАТЬСЯ, ВИДЕТЬ, ВСТАВАТЬ, ВЫХОДИТЬ, ГЛУХОЙ, ГОВОРИТЬ, ДАВАТЬ, ДЕЛАТЬ, ДУМАТЬ, ЗАБЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬ, ЗАЩИЩАТЬ, ЗВОНИТЬ, ИЗУЧАТЬ, ИСКАТЬ, ЛЕЖАТЬ, МОЛЧАТЬ, МОЧЬ, НАХОДИТЬ, НАЧИНАТЬ, НРАВИТЬСЯ, ОБЪЯСНЯТЬ, ОТВЕЧАТЬ, ОТКРЫВАТЬ, ПИТЬ, ПЛАКАТЬ, ПОЗДРАВЛЯТЬ, ПОМОГАТЬ, ПОНИМАТЬ, ПОЯВЛЯТЬСЯ, ПРЕДЛАГАТЬ, ПРОДОЛЖАТЬ, ПРОСИТЬ, ПРОСЫПАТЬСЯ, РАБОТАТЬ, СЕСТЬ, СЛАБОСЛЫШАЩИЙ, СМЕЯТЬСЯ, СМОТРЕТЬ, СОГЛАШАТЬСЯ, СПАТЬ, СПРАШИВАТЬ, СТОЯТЬ, ТЕРПЕТЬ, УЛЫБАТЬСЯ, УМЕРЕТЬ, УМЕТЬ, УСПЕВАТЬ, ХОТЕТЬ.

Жест БЕЖАТЬ представлен двумя лексическими вариантами. Первый является двуручным, ладони находятся в конфигурации «А», локти согнуты, руки совершают движения вперед и назад, имитируя таким образом процесс бега (рис. 40а). Второй лексический вариант включает в себя два фонологических варианта, которые различаются характером движения. Пальцы рук принимают конфигурацию «Х», в первом случае ладони перемещаются по траектории вверх-вниз короткими колебательными движениями (рис. 44б). Второй вариант предполагает движение рук вперед (рис. 44в).

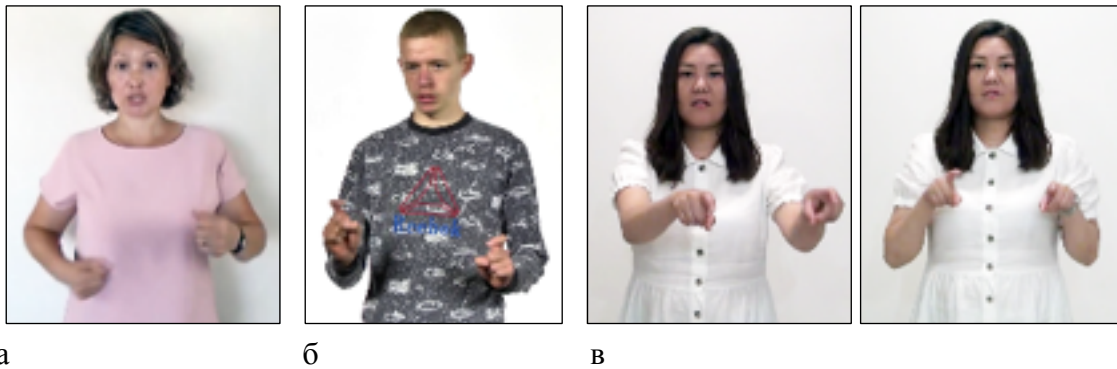

Рис. 44. РЖЯ: БЕЖАТЬ

Зафиксировано два лексических варианта жеста ДВИЖЕНИЕ. Использование данных вариантов не зависит от региона проживания и возраста респондентов. Все варианты являются двуручными и показываются в нейтральном жестовом пространстве. Первый вариант предполагает движение рук из стороны в сторону, пальцы совершают асинхронные колебательные движения (рис. 45а). Второй вариант представляет собой круговые перемещения кистей рук в конфигурации «А» (рис. 45б).

Жестовый знак ЖДАТЬ имеет два лексических варианта, один из которых представлен двумя фонологическими вариантами. Наиболее распространенный жест показан на рис. 46а, он предполагает плавное движение вниз от плеча, большой палец прикасается к туловищу. Фонологический вариант данного жеста отличается параметром «конфигурация» (рис. 46б). Одним из информантов в Кызыле был показан жест в конфигурации «1», сеттинг жеста – левое плечо, рука не двигается (рис. 46в).

а б

Рис. 45. РЖЯ: ДВИЖЕНИЕ

а б в

Рис. 46. РЖЯ: ЖДАТЬ

Применяя теорию циклов и связанных цепочек вариантов жестов можно заключить, что жест ЗАМЕТИТЬ реализуется двумя лексическими вариантами, один из которых образует связанный цикл. Первый вариант представлен на рисунках 47 а, б, в, г, д. Второй лексический вариант, продемонстрированный информантом из Абакана, является одноручным жестом, при воспроизведении которого пальцы быстрыми движениями поочередно дотрагиваются до головы (рис. 47е).

Рис. 47. РЖЯ: ЗАМЕТИТЬ

Три лексических варианта жеста ЗАПОМИНАТЬ используются информантами всех городов. Первый вариант представляет собой компаунд, доминантная рука в конфигурации «1» ото лба двигается вниз к недоминантной руке, где они соединяются в конфигурации «В» вращательным движением кистей рук (рис. 48а). Второй вариант показывается только доминантной рукой, которая принимает конфигурацию «О» и прикасается к голове (рис. 48б). Третий вариант представляет собой вращательное движение рукой у виска (рис. 48в).

Рис. 48. РЖЯ: ЗАПОМИНАТЬ

Жестовая единица ЗАСЫПАТЬ представлена четырьмя лексическими вариантами. На рисунке 49а информант демонстрирует двуручный жест, который из конфигурации «С» переходит в конфигурацию «А». Следующий вариант выполняется с помощью конфигурации «Л», указательный и средний пальцы смыкаются (рис. 49б). В третьем варианте используются большой и указательный пальцы, которые также смыкаются, кисти рук находятся перед лицом (рис. 49в). Последний вариант отличается высокой степенью иконичности и предполагает использование ладоней рук в качестве имитации подушки (рис. 49г). Глаза при исполнении всех вариантов закрываются.

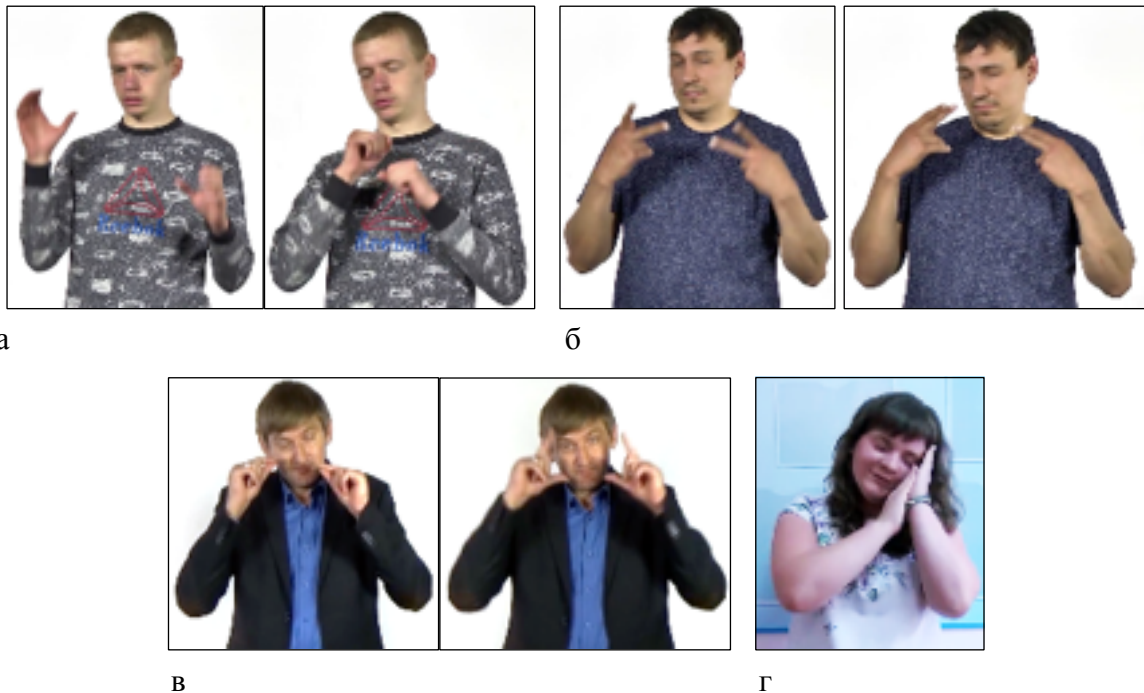
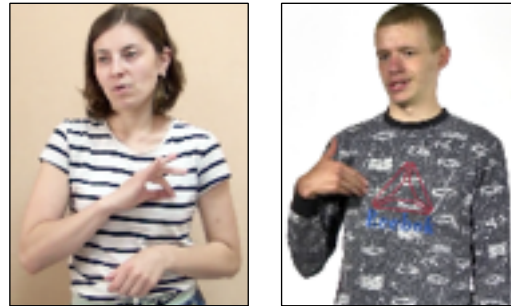

Рис. 49. РЖЯ: ЗАСЫПАТЬ

Лексема ИСПОЛЬЗОВАТЬ представлена двумя равночастотными вариантами. В первом варианте рука в конфигурации «О» движется вниз от плеча (рис. 50а). Во втором варианте пальцы согнуты на 90 градусов, кисть руки совершает быстрые, ритмичные, короткие движения вверх (рис. 50б).

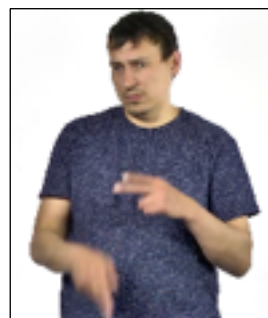
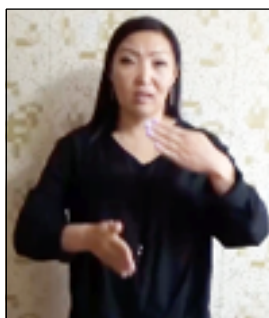
а

б

Рис. 50. РЖЯ: ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Лексема ОКАНЧИВАТЬ/ЗАКАНЧИВАТЬ имеет два фонологических варианта, различающихся по параметру «конфигурация», которая может быть «В», как на рисунке 51а, или «П», как представлено на рисунке 51б.

Лексемы ЛГАТЬ/ОБМАНЫВАТЬ имеют два фонологических варианта. Жест показывается в конфигурации «Б», пассивная рука выступает в качестве места исполнения жеста (рис. 52). Варианты различаются по характеру движения, которое может представлять собой движение вперед либо из стороны в сторону.

а

б

Рис. 51. РЖЯ: ЗАКАНЧИВАТЬ

Рис. 52. РЖЯ: ЛГАТЬ

Самый частотный вариант лексемы ЛЮБИТЬ представляет собой симметричный двуручный жест, при исполнении которого ладони в конфигурации «В» подносятся к губам, а затем к сердцу (рис. 53а). Также распространен

вариант, который показывается двумя руками на уровне груди слева, пальцы (за исключением большого) сжаты, руки совершают движение, имитирующее форму сердца (рис. 53в). Третий вариант был зафиксирован в Красноярске. При воспроизведении данного жеста информант прикладывает руки в конфигурации «В» к груди (рис. 53б)

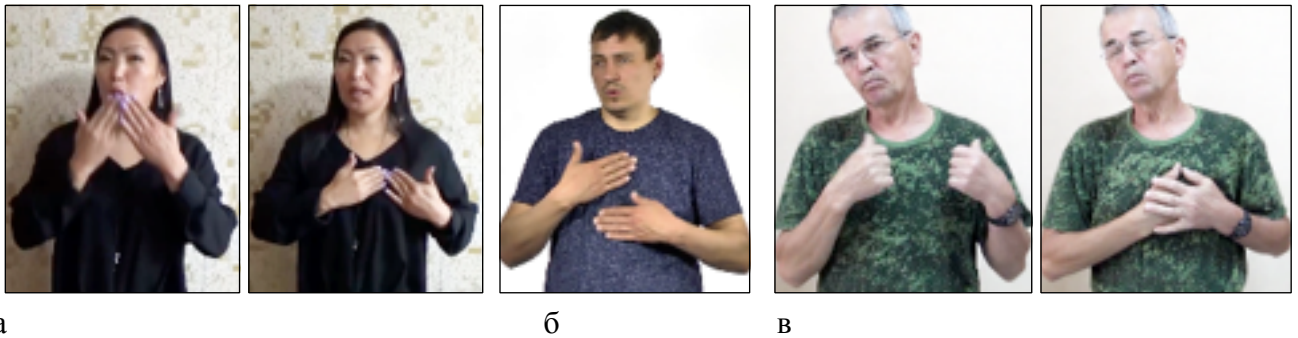

Рис. 53. РЖЯ: ЛЮБИТЬ

Наибольшее количество лексических вариантов жеста НАДЕЯТЬСЯ было использовано респондентам из Абакана. Два варианта распространены в Красноярске, Кызыле и Иркутске. На рисунке 54а представлен жест, который исполняется посредством смыкания указательного, среднего и большого пальцев, руки поочередно поднимаются и опускаются. Второй лексический вариант является двуручным жестом, доминантная рука в конфигурации «1» от головы опускается вниз и проводит по раскрытой ладони пассивной руки (рис. 54б). Одним из информантов в Кызыле был продемонстрирован компаунд, состоящий из описанных выше жестов. Третий лексический вариант представляет собой одноручный жест, локализованный в правой верхней части туловища. Пальцы полусогнуты и ритмично касаются плеча (рис. 54в).

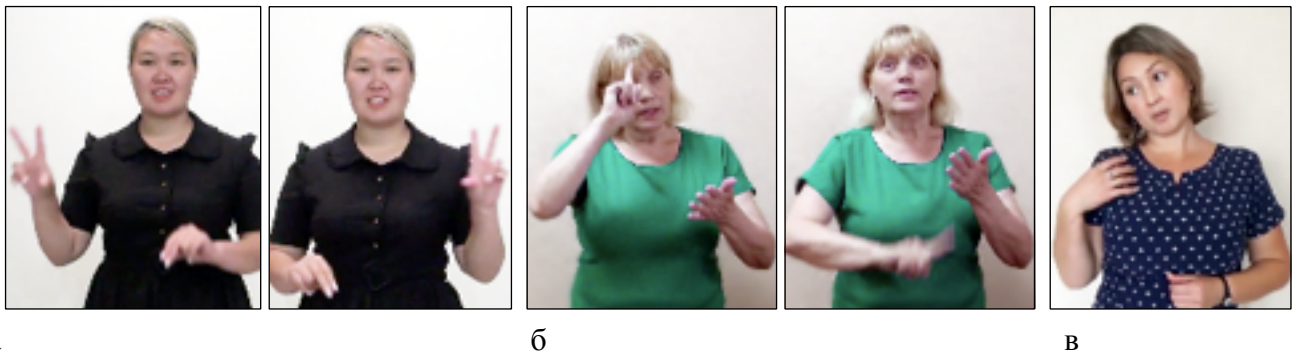

Рис. 54. РЖЯ: НАДЕЯТЬСЯ

Все всех городах в равной степени распространены два лексических варианта жестовой единицы ОБЕЩАТЬ. Первый выполняется с помощью среднего, указательного и большого пальцев, которые синхронно смыкаются с одновременным движением кистей рук вперед (рис. 55а). Второй вариант представляет собой двуручный жест, в котором доминантная рука принимает конфигурацию «Э» и касается указательного пальца пассивной руки, находящейся в конфигурации «1» (рис. 55б). Одним информантом из Абакана был показан одноручный жест, при воспроизведении которого ладонь в конфигурации «В» совершает резкое движение вперед (рис. 55в).

Рис. 55. РЖЯ: ОБЕЩАТЬ

Жест ОСТАВАТЬСЯ имеет два лексических варианта. Данные варианты с одинаковой частотностью используются носителями РЖЯ во всех регионах. На рисунке 56а информант демонстрирует двуручный жест в конфигурации «А», доминантная рука опускается на пассивную. Второй жест выполняется в конфигурации «В», кисти рук совершают поворот тыльной стороной ладони вверх (рис. 56б). Один из респондентов в Красноярске показал данный жест с использованием конфигурации «Н».

Отсутствуют лексические варианты жеста ПИСАТЬ, фонологические варианты отличаются по параметру «конфигурация», которая может быть «1» (рис. 57б) или «В» с немного согнутыми в суставах пальцами (рис. 57а).

а

б

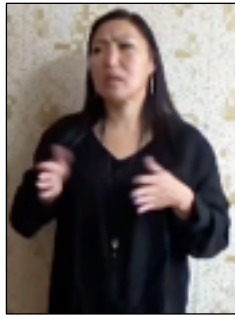
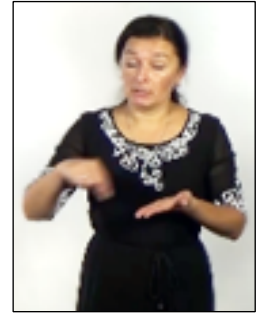

Рис. 56. РЖЯ: ОСТАВАТЬСЯ

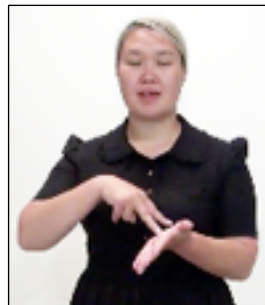
а

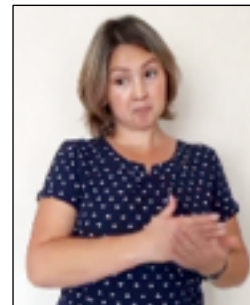
б

Рис. 57. РЖЯ: ПИСАТЬ

За исключением одного респондента из г. Абакан лексема ПЛАНИРОВАТЬ показывается двумя руками, доминантная рука находится в конфигурации «Л», указательный и средний пальцы касаются ладони пассивной руки, кисть доминантной руки совершает вращательные движения (рис. 58а). Лексический вариант, зафиксированный в Абакане, также представляет собой несимметричный двуручный жест, ладонь доминантной руки в конфигурации «А» ритмично касается раскрытой ладони пассивной руки (рис. 58б).

а

б

Рис. 58. РЖЯ: ПЛАНИРОВАТЬ

Лексема ПРОВЕРЯТЬ представлена двумя вариантами. Первый лексический вариант является двуручным жестом, прямые раздвинутые пальца доминантной руки проводят по ладони пассивной руки (рис. 59а). Фонологический вариант данного жеста отличается конфигурацией (рис. 59г). Второй вариант образует цикл связанных фонологических вариантов, второй (рис. 59в) отличается от первого (рис. 59б) конфигурацией, третий (рис. 59д) от второго – сеттингом начала воспроизведения жеста.

Рис. 59. РЖЯ: ПРОВЕРЯТЬ

Жест СЛЫШАТЬ имеет ряд фонологических вариантов, которые дифференцируются по параметру «конфигурация». Зафиксировано использование конфигурации «1» (рис. 60а), «Х» (рис. 60б) и «С» (рис. 60в).

Рис. 60. РЖЯ: СЛЫШАТЬ

Наиболее частотный вариант лексемы СТАРАТЬСЯ представлен рядом фонологических вариантов одного жеста, которые отличаются по параметру «конфигурация» (рис. 61 а, б, в). Жест исполняется двумя руками, которые локализованы в области груди и производят движения вверх. Второй лексический

вариант, продемонстрированный информантами из Абакана, представляет собой одноручный жест, начинающийся у подбородка. Ладонь согнута на 90 градусов, пальцы прямые. Затем рука опускается и принимает конфигурацию «Н», ладонь поворачивается тыльной стороной вниз и совершает круговые движения (рис. 61г).

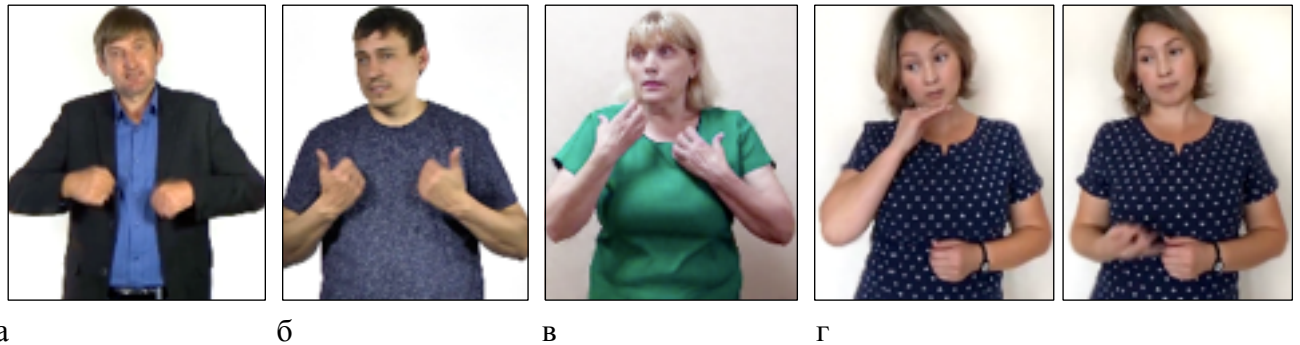

Рис. 61. РЖЯ: СТАРАТЬСЯ

Таким образом, данная тематическая группа демонстрирует сравнительно небольшую степень вариативности. При этом из 19 представленных лексем только три не имеют лексических вариантов. Наибольшее количество лексических вариантов зафиксировано в Абакане, половина из них были показаны одним информантом. Наиболее частотный параметр, по которому различаются фонологические варианты жестов, – конфигурация.

2.3.5. Тематическая группа «Дом и обстановка»

Тематическая группа «Дом и обстановка» включает в себя 42 лексические единицы: БАЛКОН, ВЕРЕВКА, ВИЛКА, ВОРОТА, ВОДА, ДВЕРЬ, ДОМ, ДИВАН, ЗАМОК, ИНТЕРНЕТ, КВАРТИРА, КЛЮЧ, КОМНАТА, КОМПЬЮТЕР, КОРИДОР, КОРОБКА, КРОВАТЬ, ЛАМПА, ЛЕСТНИЦА, ЛИФТ, ЛОЖКА, МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН, МОЛОТОК, НОЖ, НОУТБУК, ОКНО, ОТВЕРТКА, ПОЛОТЕНЦЕ, СВЕТ, СОСЕД, СТАКАН, СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА, ПЛИТА, СТОЛ, СТУЛ, ТАРЕЛКА, ТЕЛЕВИЗОР, ТУАЛЕТ, ХОЛОДИЛЬНИК, ЧАЙНИК, ШКАФ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

Отсутствуют лексические и фонологические варианты следующих жестов:

ВОРОТА, ДВЕРЬ, ДОМ, ЗАМОК, ИНТЕРНЕТ, КВАРТИРА, КЛЮЧ, КОМПЬЮТЕР, КОРИДОР, КОРОБКА, КРОВАТЬ, ЛАМПА, ЛЕСТНИЦА, МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН, МОЛОТОК, НОУТБУК, ОКНО, ПОЛОТЕНЦЕ, СВЕТ, СОСЕД, СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА, ПЛИТА, СТОЛ, СТУЛ, ТАРЕЛКА, ТЕЛЕВИЗОР, ХОЛОДИЛЬНИК, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО.

Жестовая единица БАЛКОН представлена двумя лексическими вариантами. В первом жесте используется конфигурация «Ы», руки совершают движения, очерчивающие форму балкона (рис. 62а). Вторым вариантом предполагается использование двух рук, вариативно положение пассивной руки (рис. 62 б, в). Данные жесты обладают высокой степенью иконичности.

Жест ВЕРЕВКА показывается информантами из разных городов схожим способом, однако отличается используемая конфигурация. Все фонологические варианты являются двуручными, руки во время исполнения жеста расходятся в стороны, конфигурация может быть «Л» (рис. 63а), «Ы» (рис. 63б) или «Э» (рис. 63в).

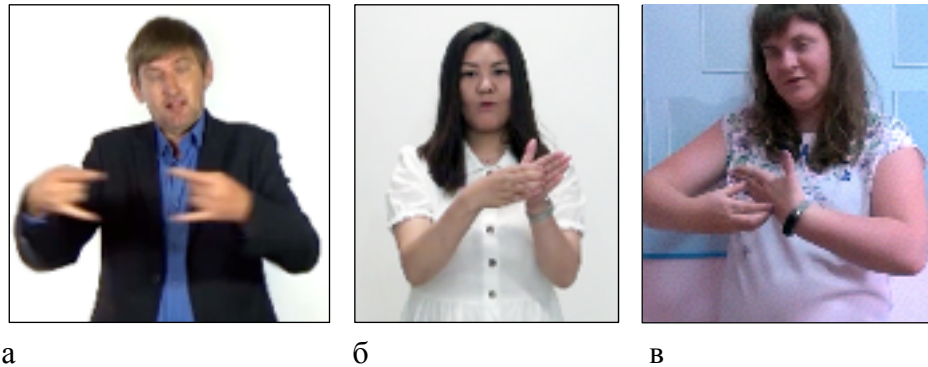

Рис. 62. РЖЯ: БАЛКОН

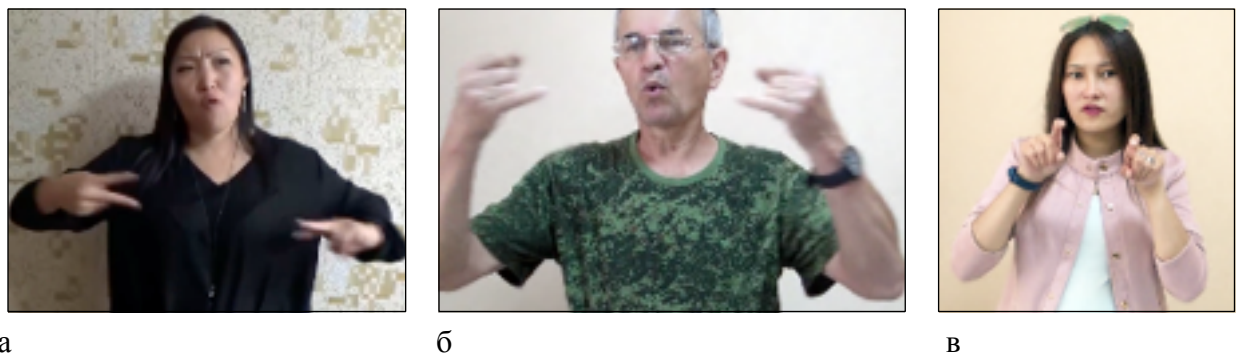

Рис. 63. РЖЯ: ВЕРЕВКА

Как и жест ВЕРЕВКА, жест ВИЛКА также имеет только фонологические варианты, отличающиеся конфигурацией – «Л» (рис. 64а) или «М» (рис. 64б).

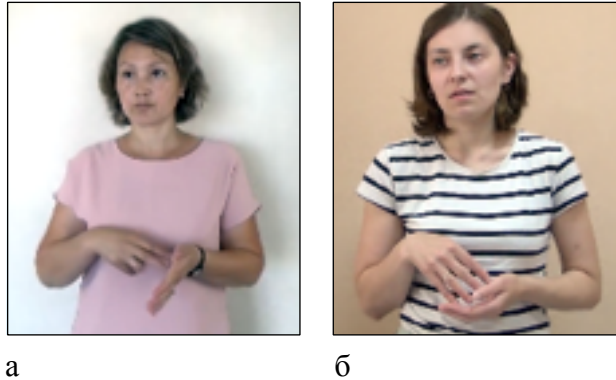

Рис. 64. РЖЯ: ВИЛКА

Жест ВОДА представлен двумя лексическими вариантами. Фонологические варианты первого жеста предполагают использование конфигурации «В» (рис. 65а) или «5» (рис. 65б). Во время исполнения жеста рука находится возле головы, кисть совершает короткие движения вперед. Также возможна вариативность по параметру «характер движения». Часть респондентов совершали движения не всей кистью руки, а только пальцами. Второй лексический вариант также является одноручным жестом. Рука находится в конфигурации «Х», указательный палец касается подбородка. Следует отметить, что данный жест был продемонстрирован в основном представителями старшего поколения.

Рис. 65. РЖЯ: ВОДА

Наиболее частотный лексический вариант жеста ДИВАН выполняется двумя руками, ладони раскрыты, пальцы раздвинуты. Руки совершают короткие ритмичные движения вверх и вниз (рис. 66а). Вторым лексическим вариантом продемонстрировали четыре информанта в Абакане и Иркутске. В данном жесте используются две руки, находящиеся в конфигурации «В», ребро ладони доминантной руки прикасается к нижней части ладони пассивной руки (рис. 66б).

Рис. 66. РЖЯ: ДИВАН

Лексема КОМНАТА представлена фонологическими вариантами одного жеста. Варианты отличаются по параметру «конфигурация»: большая часть информантов демонстрирует тенденцию к использованию конфигурации «Э» (рис. 67а), остальные – «С» (рис. 67б). Жест является двуручным, доминантная рука в соответствующей конфигурации поочередно прикасается к ладони пассивной руки, кисть поворачивается из стороны в сторону.

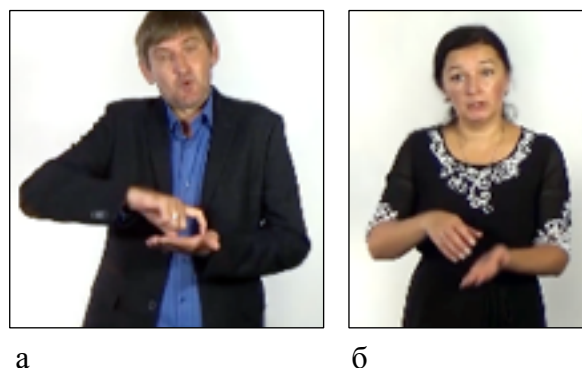

Рис. 67. РЖЯ: КОМНАТА

Наиболее частотный лексический вариант жестовой единицы ЛИФТ имеет четыре фонологических варианта, три из которых отличаются друг от друга по параметру «конфигурация»: «В» с отставленными большими пальцами (рис. 68а), «Ы» (рис. 68б), «С» (рис. 68в). Данный жест исполняется двумя руками, которые синхронно двигаются вверх. Выбор конфигурации не зависит от региона и возраста информантов. Четвертый фонологический вариант различается с третьим по параметру «ориентация» (рис. 68г). Еще один вариант частично связан с третьим, параметры доминантной руки совпадают, однако данный жест не является синхронным (рис. 68д). Несколькими информантами из Абакана был использован жест, представленный на рисунке 68е. Руки в конфигурации «В» имитируют открытие и закрытие дверей лифта.

Рис. 68. РЖЯ: ЛИФТ

Лексема ЛОЖКА представлена тремя лексическими вариантами, которые, в свою очередь, имеют фонологические варианты. Первый жест демонстрирует высокую степень иконичности. Доминантная рука имитирует движение, которое производится во время приема пищи (рис. 69а). Фонологический вариант отличается по параметру «локализация», рука располагается ниже. Второй лексический вариант является двуручным, пассивная рука находится в конфигурации «1», доминантная – в конфигурации «О» (рис. 69б). Равночастотные фонологические варианты дифференцируются по параметру «характер движения». Часть респондентов совершает вращательные движения кистью доминантной руки, другая часть отводит доминантную руку от пассивной,

размыкая пальцы во время движения. Один респондент из Абакана продемонстрировал жест, в котором руки находятся в конфигурации «О», запястья совершают вращательные движения (рис. 69в).

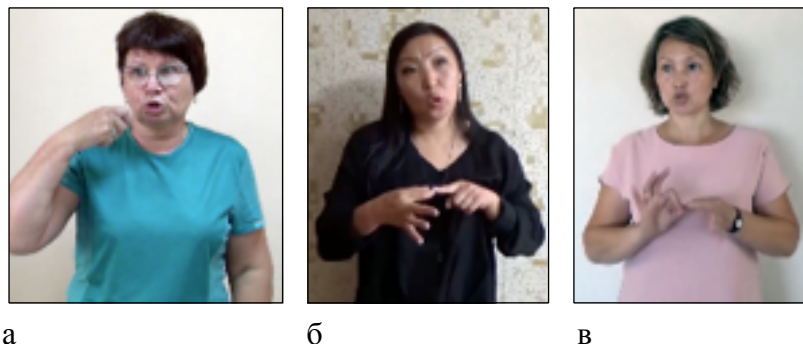

Рис. 69. РЖЯ: ЛОЖКА

Жест НОЖ представлен рядом фонологических вариантов, дифференцируемых по параметру «конфигурация» (рис. 70 а, б, в)

Рис. 70. РЖЯ: НОЖ

Аналогичным образом во всех регионах функционирует жест ОТВЕРТКА, варианты которого отличаются по параметру «конфигурация» (рис. 71 а, б, в).

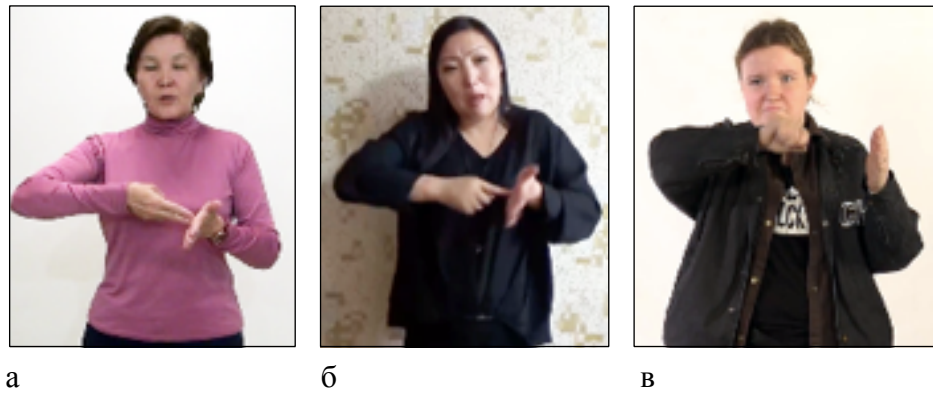

Рис. 71. РЖЯ: ОТВЕРТКА

Варианты жеста СТАКАН образуют цикл согласно цепному сценарию, что позволяет рассматривать их как единую лексему. Первый вариант (рис. 72а) отличается от второго (рис. 72б) по параметру «ориентация», третий (рис. 72в) от второго – по параметру «конфигурация».

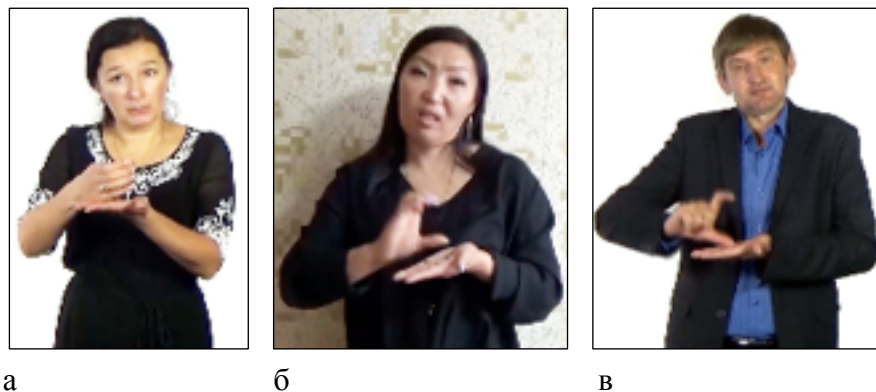

Рис. 72. РЖЯ: СТАКАН

Жест ТУАЛЕТ имеет два лексических варианта. Наиболее частотный представляет собой одноручный жест, рука находится в конфигурации «Л», пальцы касаются головы (рис. 73а). Два фонологических варианта второго жеста исполняются в конфигурации «О» и отличаются по параметру «ориентация» (рис. 73 б, в).

Рис. 73. РЖЯ: ТУАЛЕТ

Жестовая единица ЧАЙНИК представлена двумя лексическими вариантами. Первый из них является двуручным, доминантная рука в конфигурации «У» опускается на пассивную, которая принимает конфигурацию «В» и расположена параллельно полу тыльной стороной вниз (рис. 74а). Второй лексический вариант исполняется в конфигурации «Ч», рука быстрыми движениями проводит по нижней части правой стороны лица недалеко от рта.

Два лексических варианта жеста ШКАФ отличаются высокой иконичностью. Каждый из данных жестов имитирует открывание либо закрывание дверей шкафа. Первый вариант исполняется в конфигурации «В» (рис. 75а), второй – в конфигурации «А» (рис. 75б).

Рис. 74. РЖЯ: ЧАЙНИК

Рис. 75. РЖЯ: ШКАФ

Таким образом, 14 из 42 лексических единиц данной группы имеют фонологические и лексические варианты, из них пять являются фонологическими вариантами одной лексемы. Наиболее частотным параметром, по которому отличаются

фонологические варианты в рамках тематической группы, является конфигурация. Замечено влияние возраста респондентов на выбор варианта лексемы ВОДА.

2.3.6. Тематическая группа «Досуг»

Тематическая группа «Досуг» включает в себя 29 лексических единиц и словосочетаний: БАСКЕТБОЛ, ВОКЗАЛ, ВОЛЕЙБОЛ, ВЫСТАВКА, ВЫХОДНЫЕ, ГОСТИНИЦА, СПОРТ, ФУТБОЛ, КАНИКУЛЫ, КАТАТЬСЯ НА КОНЬКАХ, КАТАТЬСЯ НА ЛОШАДИ, КАТАТЬСЯ НА ЛЫЖАХ, КАФЕ, КИНОТЕАТР, КНИГА, КОНЦЕРТ, МУЗЫКА, ОТДЫХ, ПЕТЬ, ПРАЗДНИК, ПУТЕШЕСТВИЕ, РЕСТОРАН, РИСОВАТЬ, САМОЛЕТ, СТАДИОН, ТАНЦЕВАТЬ, ХОДИТЬ В ГОСТИ, ЧЕМОДАН, ЭКСКУРСИЯ. Вариативность жестов не была зафиксирована у следующих лексем: БАСКЕТБОЛ, ВОЛЕЙБОЛ, ВЫХОДНЫЕ, ГОСТИНИЦА, СПОРТ, ФУТБОЛ, КАТАТЬСЯ НА ЛЫЖАХ, КАФЕ, КИНОТЕАТР, КНИГА, КОНЦЕРТ, ПЕТЬ, ПУТЕШЕСТВИЕ, РЕСТОРАН, РИСОВАТЬ, САМОЛЕТ, ТАНЦЕВАТЬ, ХОДИТЬ В ГОСТИ, ЧЕМОДАН.

Лексема ВОКЗАЛ представлена тремя жестами. Первый выполняется двумя руками, которые находятся в конфигурации «П». В пространстве перед лицом руки производят движение, похожее на очертания буквы П (рис. 76а). Вторым лексическим вариантом является двуручным жестом, пальцы доминантной руки в конфигурации «Л» находятся на соединенных указательном и среднем пальцах пассивной руки (рис. 76б). Также был зафиксирован фонологический вариант данного жеста, в котором пальцы пассивной руки принимают конфигурацию «Л». Третий вариант представляет собой двуручный жест, в котором пальцы доминантной руки в конфигурации «П» из начального положения на пальцах пассивной руки в конфигурации «П» по дугообразной траектории перемещаются направо вниз (рис. 76в).

Рис. 76. РЖЯ: ВОКЗАЛ

Два лексических варианта жестовой единицы ВЫСТАВКА используются информантами во всех городах. Третий был показан одним из носителей в Абакане, четвертый зафиксирован в Кызыле. Первый жест исполняется двумя руками в конфигурации «В» (рис. 77а). Второй жест также показывается в конфигурации «В», однако различается характер движения и ориентация ладоней. В отличие от первого жеста, во втором руки двигаются вперед и назад (рис. 77б). Третий жест имитирует процесс развешивания картин на стене (рис. 77в), в четвертом раскрытые ладони тыльной стороной наружу ритмично соединяются в процессе передвижения рук из стороны в сторону (рис. 77г).

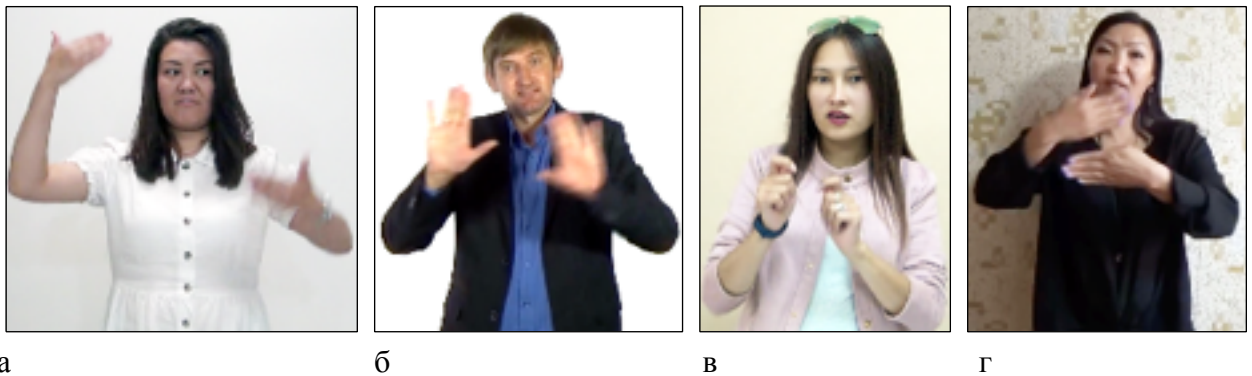

Рис. 77. РЖЯ: ВЫСТАВКА

Жест КАНИКУЛЫ воспроизводится в четырех лексических вариантах, три из которых, за исключением представленного на рисунке 78а, также были использованы информантами для обозначения лексемы ОТДЫХ. Первый жест представляет собой иконическое изображение сложенных рук, имитирующих

их расположение на школьной парте (рис. 78а). Второй вариант, по частотности сопоставимый с третьим, также демонстрирует высокую степень иконичности. Руки совершают обмахивающие движения перед лицом (рис. 78б). Третий жест также двуручный, руки в конфигурации «А» скрещены на груди и совершают круговые движения (рис. 78в). Последний вариант был использован двумя информантами из Абакана и представляет собой одноручный жест, в котором рука в конфигурации «А» прикасается к груди области сердца (рис. 78г).

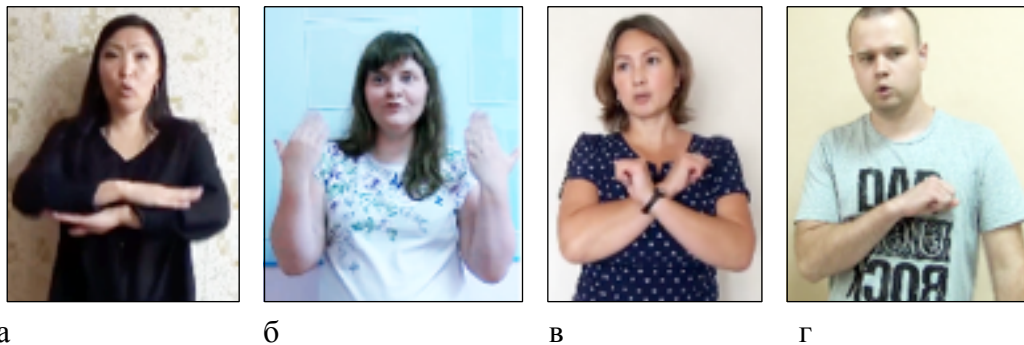

Рис. 78. РЖЯ:КАНИКУЛЫ

Жест КАТАТЬСЯ.НА.КОНЬКАХ представлен двумя фонологическими вариантами, которые различаются по параметру «конфигурация» (рис. 79 а, б).

Словосочетание КАТАТЬСЯ НА ЛОШАДИ имеет три лексических варианта, которые используются всеми информантами. Первый представляет собой двуручный симметричный жест, при исполнении которого большие пальцы раскрытых тыльной стороной вверх ладоней касаются талии (рис. 80а). Во втором жесте указательный и средний пальцы доминантной руки находятся на указательном и среднем пальце пассивной руки, изображая процесс катания на лошади (рис. 80б). Третий жест также характеризуется высокой степенью иконичности. Запястья рук в конфигурации «А» совершают круговые движения (рис. 80в).

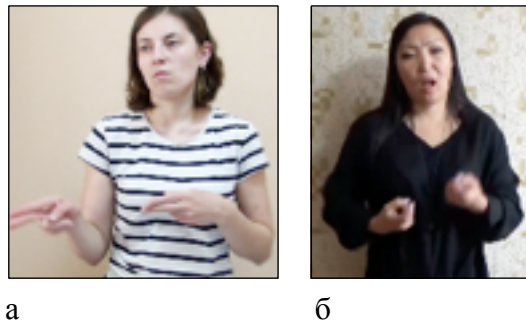

Рис. 79. РЖЯ: КАТАТЬСЯ НА КОНЬКАХ

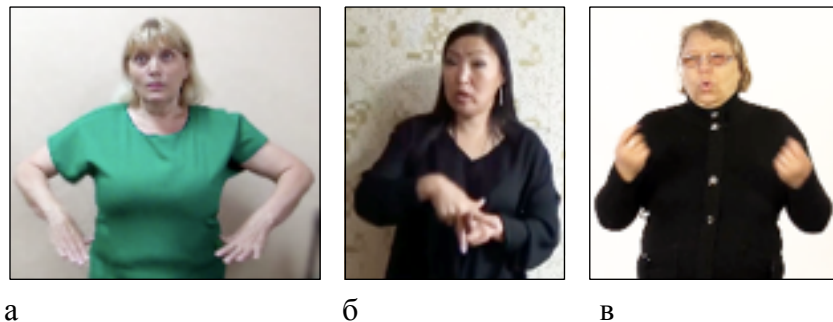

Рис. 80. РЖЯ: КАТАТЬСЯ НА ЛОШАДИ

Жест МУЗЫКА имеет три фонологических варианта, отличающихся по параметру «конфигурация»: «О» (рис. 81а), «В» (рис. 81б), «Ы» (рис. 81в). Руки совершают плавные синхронные движения из стороны в сторону.

Рис. 81. РЖЯ: МУЗЫКА

Варианты жеста ПРАЗДНИК также дифференцируются по конфигурации начальной позиции рук – «Н» (рис. 82а) или «А» (рис. 82б). Жесты синхронные, от груди руки расходятся в стороны, ладони раскрываются. Следует отметить, что вариант с начальной конфигурацией «А» был продемонстрирован двумя информантами из Кызыла и Абакана.

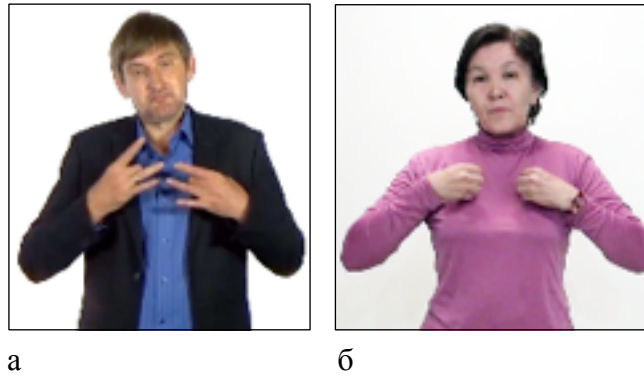

Рис. 82. РЖЯ: ПРАЗДНИК

У жеста СТАДИОН имеется три фонологических варианта, которые дифференцируются по параметру «конфигурация». Исполнение жеста предполагает совершение руками дугообразного движения из одной точки вперед. Конфигурация может быть «С» (рис. 83а), «Э» (рис. 83б) или «В» (рис. 83в).

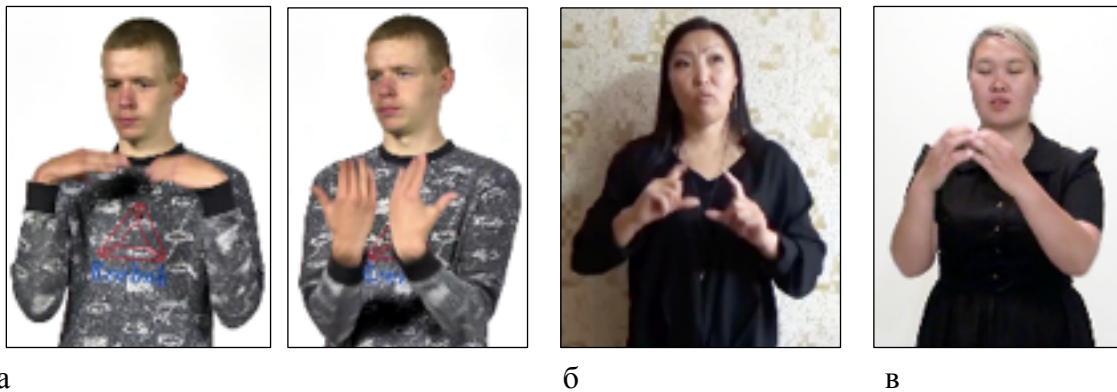

Рис. 83. РЖЯ:СТАДИОН

Лексема ЭКСКУРСИЯ репрезентируется двумя жестами, у которых есть фонологические варианты. Наиболее частотный жест предполагает использование конфигурации «1», рука движется из стороны в сторону и вперед (рис. 84а). В фонологическом варианте используется конфигурация «Х» (рис. 84б). Также в пяти случаях информанты показали жест, в котором средний палец доминантной руки касается раскрытой ладони пассивной руки (рис. 84в). Характер движения совпадает с характером движения в первом жесте. Фонологический вариант также отличается конфигурацией доминантной руки (рис. 84г).

Рис. 84. РЖЯ: ЭКСКУРСИЯ

Таким образом, треть жестов тематической группы «Досуг» вариативны. Половина из описанных жестов демонстрирует фонологическую вариативность, все данные варианты различаются по параметру «конфигурация».

2.3.7. Тематическая группа «Магазин и покупки»

Тематическая группа «Магазин и покупки» включает в себя 14 лексических единиц: БАНК, БАНКОМАТ, ВЫВЕСКА, ДЕНЬГИ, КАРТОЧКА, КОШЕЛЕК, ПОКУПАТЬ, ПЛАТИТЬ, МАГАЗИН, МОНЕТЫ, ПАКЕТ, РЫНОК, СДАЧА, СУМКА. Вариативность была зафиксирована у трех из них.

Лексема БАНКОМАТ всеми респондентами показывается одинаково, за исключением некоторых дополнительных жестов, которые использовались вместе с основным, например, жесты БАНК, ДЕНЬГИ, КАРТОЧКА. Данный жест исполняется двумя руками в конфигурации «В». Руки в пространстве перед лицом очерчивают контуры банкомата (рис. 85а). Второй лексический вариант (рис. 85б) был использован двумя носителями языка, проживающими в г. Иркутск. Жест можно условно разделить на три связанных компонента. В начальной позиции сомкнутые указательный и большой пальцы доминантной руки касаются внешней стороны ладони, находящейся в конфигурации «В». Затем доминантная рука принимает конфигурацию «В» и опускается на пассивную руку, после чего доминантная рука в конфигурации «Э» совершает движение вперед.

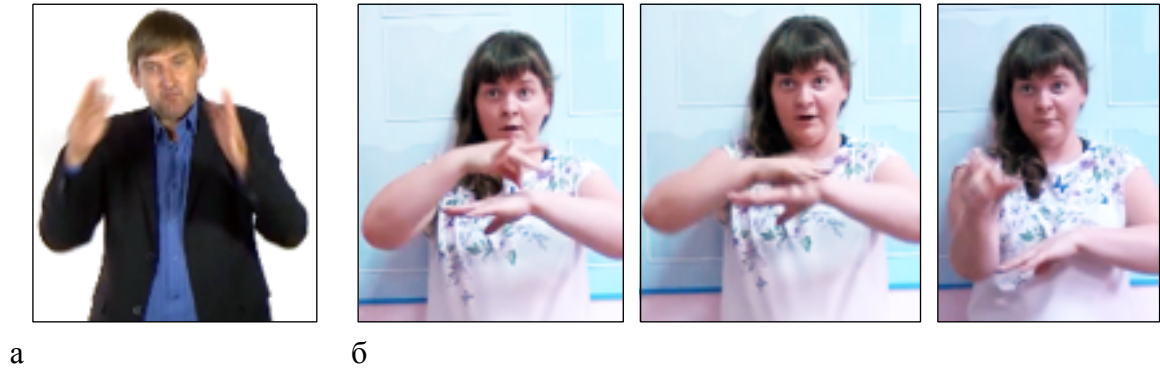

Рис. 85. РЖЯ: БАНКОМАТ

Самый частотный вариант лексемы РЫНОК представляет собой двуручный жест, доминантная рука находится на пассивной, пальцы разомкнуты, ладонь прямая. Руки совершают круговые асинхронные движения (рис. 86а). Второй жест также является двуручным, конфигурация совпадает с конфигурацией в первом жесте. Запястья рук прикасаются к туловищу ритмичными синхронными движениями (рис. 86б). Третий жест был продемонстрирован двумя информантами старшего поколения из Абакана. Руки в конфигурации «Х» скрещены на уровне груди, указательные пальцы немного сгибаются и возвращаются в исходное положение (рис. 86в).

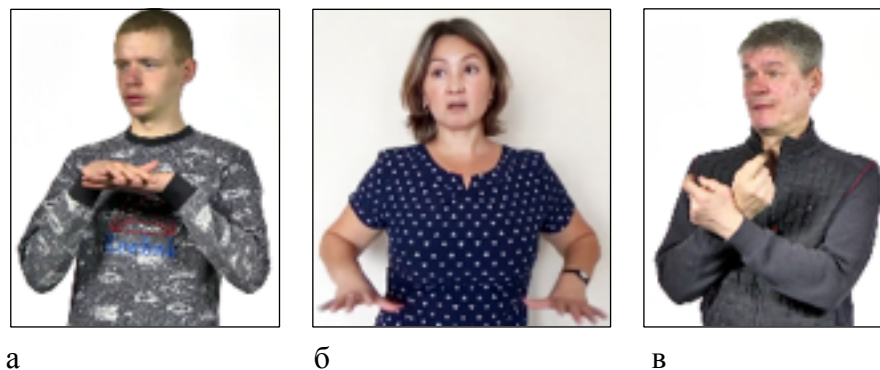

Рис. 86. РЖЯ: РЫНОК

Использование вариантов лексемы СДАЧА характеризуется зависимостью от региона проживания носителя языка. Ряд вариантов зафиксирован только в определенных населенных пунктах. Следует отметить, что наиболее частотным

было использование различного рода описательных конструкций, шесть информантов использовали дактилирование. Жест, который был показан информантами во всех городах, представлен на рис. 87а. Руки в конфигурации «1» совершают круговые движения вокруг друг друга и передвигаются по направлению к адресанту (рис. 87а). Фонологический вариант данного жеста подразумевает использование конфигурации «В». В г. Кызыл двумя информантами был использован жест, представленный на рис. 87б. В Абакане два человека показали одноручный жест, в начальной позиции которого сомкнутые указательный и средний пальцы доминантной руки опускаются на аналогичные сомкнутые пальцы пассивной руки, ладонь которой повернута тыльной второй вниз. После этого кисть доминантной руки прикасается к груди (рис. 87в).

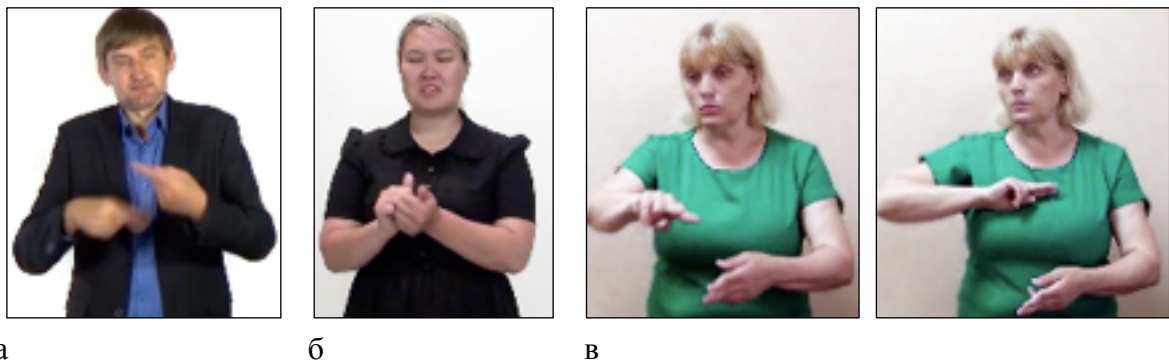

Рис. 87. РЖЯ: СДАЧА

Таким образом, можно заключить, что в тематической группе «Магазин и покупки» отсутствует высокая степень вариативности жестов. Однако несмотря на небольшое количество вариантов жестов в рамках данной группы, обнаруживается влияние на выбор варианта региона проживания и возраста респондентов.

2.3.8. Тематическая группа «Одежда и обувь»

Тематическая группа «Одежда и обувь» включает в себя 8 лексических единиц: БРЮКИ, ЖИЛЕТ, КАРМАН, КРОССОВКИ, ОБУВЬ, ОДЕЖДА,

ПАЛЬТО, ПЛАТЬЕ. Половина из них демонстрирует наличие вариантов.

Жест ЖИЛЕТ представлен рядом фонологических вариантов, которые отличаются по характеру движения и конфигурации. Жест начинается возле плеч, затем руки опускаются по дугообразной траектории вниз и в стороны вдоль туловища. Распространены конфигурация «С» (рис. 88а), «А» (рис. 88б) и «Э» (рис. 88в). Кроме того, встречается асинхронное ритмичное движение рук вверх и вниз.

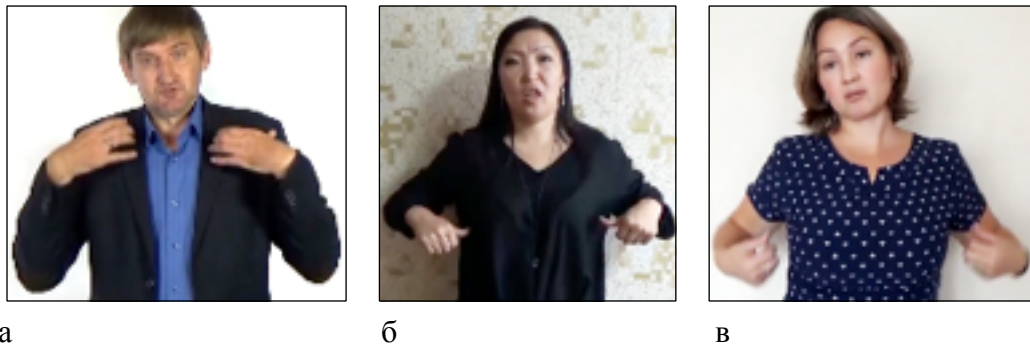

Рис. 88. РЖЯ: ЖИЛЕТ

Наиболее употребительный жест КРОССОВКИ исполняется двумя руками, указательные и средние пальцы прикасаются друг к другу, затем руки совершают синхронные дугообразные движения в стороны (рис. 89а). В г. Красноярск были зафиксированы два других лексических варианта. В первом жесте ладонь пассивной руки находится в конфигурации «В» тыльной стороной вверх, пальцы доминантной руки в конфигурации «О» прикасаются к ребру раскрытой ладони пассивной руки, кисть совершает вращательные движения (рис. 89б). Второй жест также является двуручным, соединенные большой палец и мизинец доминантной руки прикасаются к середине указательного пальца пассивной руки, после чего кисть доминантной руки опускается вниз (рис. 89в).

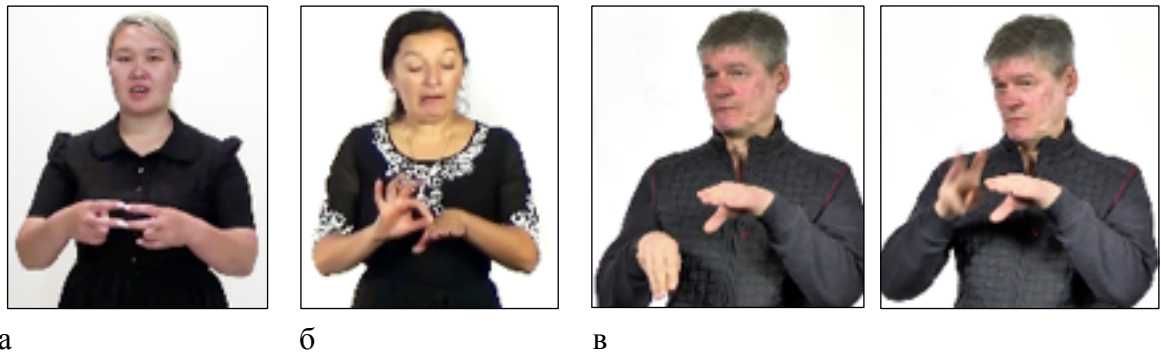

Рис. 89. РЖЯ: КРОССОВКИ

Лексема ОБУВЬ представлена тремя жестами. В первом доминантная рука в конфигурации «В» обводит ладони пассивной руки, которая также находится в конфигурации «В» (рис. 90а). При исполнении второго жеста доминантная рука ритмично опускается на пассивную, пальцы немного согнуты и разъединены (рис. 90б). Указанные жесты распространены во всех городах. Третий жест был показан двумя информантами из Красноярска. Исполнение данного жеста предполагает использование двух рук в конфигурации «Х», указательные пальцы синхронно сгибаются и разгибаются (рис. 90в).

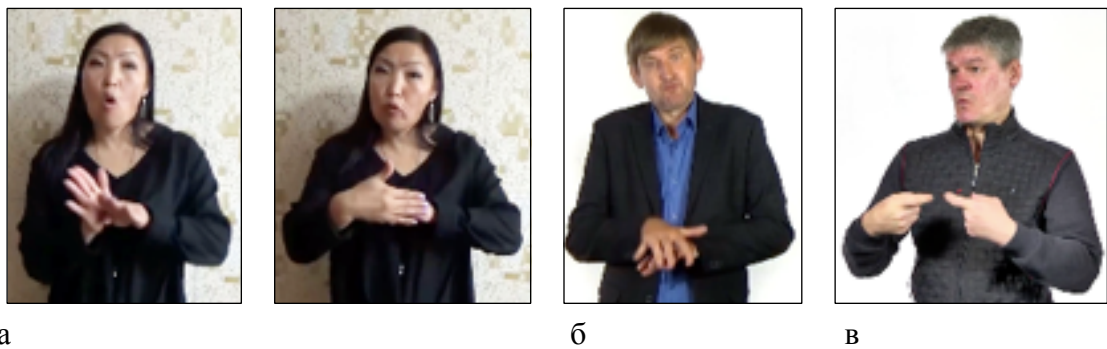

Рис. 90. РЖЯ: ОБУВЬ

Фонологические варианты жеста ОДЕЖДА (рис. 91) дифференцируются по параметру «Движение», которое может быть синхронным и асинхронным.

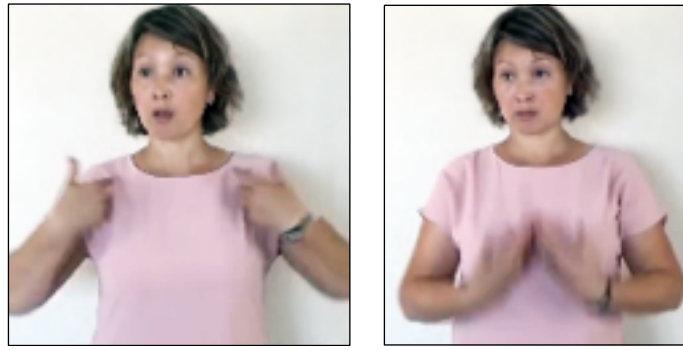

Рис. 91. РЖЯ: ОДЕЖДА

Таким образом, два жеста данной тематической группы демонстрируют фонологическую вариативность по параметрам «движение» и «конфигурация». Заметно влияние региона проживания на выбор лексических вариантов жестов КРОССОВКИ и ОБУВЬ.

2.3.9. Тематическая группа «Природа и погода»

Тематическая группа «Природа и погода» включает в себя 25 лексических единиц: БУРЯ, ВЕТЕР, ВИХРЬ, ВОЗДУХ, ГРОЗА, ГРОМ, ДЕРЕВО, ДОЖДЬ, ЖАРА, ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ, ЛЕС, МЕТЕЛЬ, МОЛНИЯ, МОРОЗ, ОЗЕРО, ПАРК, ПОГОДА, ПРИРОДА, РЕКА, СНЕГ, СОЛНЦЕ, СУГРОБ, ТЕПЛО, УРАГАН, ХОЛОД. Отсутствуют лексические и фонологические варианты лексем БУРЯ, ВЕТЕР, ВИХРЬ, ГРОЗА, ГРОМ, МЕТЕЛЬ, МОЛНИЯ, МОРОЗ, ПОГОДА, ПРИРОДА, РЕКА, СНЕГ, СОЛНЦЕ, СУГРОБ, ТЕПЛО, УРАГАН, ХОЛОД.

Жест ВОЗДУХ представлен тремя лексическими вариантами. Данные варианты распространены во всех регионах, выбор жеста не зависит от гендерной принадлежности и возраста респондента. Первый вариант локализуется возле груди, раскрытые ладони плавно приближаются и отдаляются от корпуса в такт дыханию, губы округлены (рис. 92а). Второй лексический вариант также отличается высокой степенью иконичности и представляет собой двуручный жест, при исполнении которого раскрытые ладони синхронно приближаются к лицу, губы округлены (рис. 92б). Третий вариант жеста также используется в качестве

жестов ПРИРОДА и ПОГОДА. Руки находятся в конфигурации «В» и совершают синхронные короткие движения из стороны в сторону (рис. 92в).

Рис. 92. РЖЯ: ВОЗДУХ

Выстраивание цикла из фонологических вариантов жеста ДЕРЕВО осложняется фактом отсутствия алгоритма описания цепочек с учетом роли пассивной руки, поскольку два варианта жеста отличаются по конфигурации именно пассивной руки (Рис. 93 б, в). Третий вариант (Рис. 93 а) представляет собой одноручный жест, который отличается от двух других конфигурацией доминантной руки и тем, что пассивная рука в нем не используется.

Рис. 93. РЖЯ: ДЕРЕВО

Фонологические варианты лексемы ДОЖДЬ дифференцируются по параметрам «конфигурация» и «характер движения», образуя цикл вариантов (рис. 94 а, б, в). Жест, представленный на рисунке 94а, может быть исполнен

синхронно и асинхронно, два других жеста отличаются друг от друга конфигурацией.

Рис. 94. РЖЯ: ДОЖДЬ

Жестовая единица ЖАРА имеет два лексических варианта, один из которых в свою очередь, реализуется тремя фонологическими вариантами. Наиболее распространенный жест представляет собой имитацию смахивания пота со лба. Фонологические варианты различаются конфигурацией (рис. 95 а, б, в). Второй жест тоже иконичен и представляет собой одноручный жест, имитирующий обмахивание лица ладонью (рис. 95г).

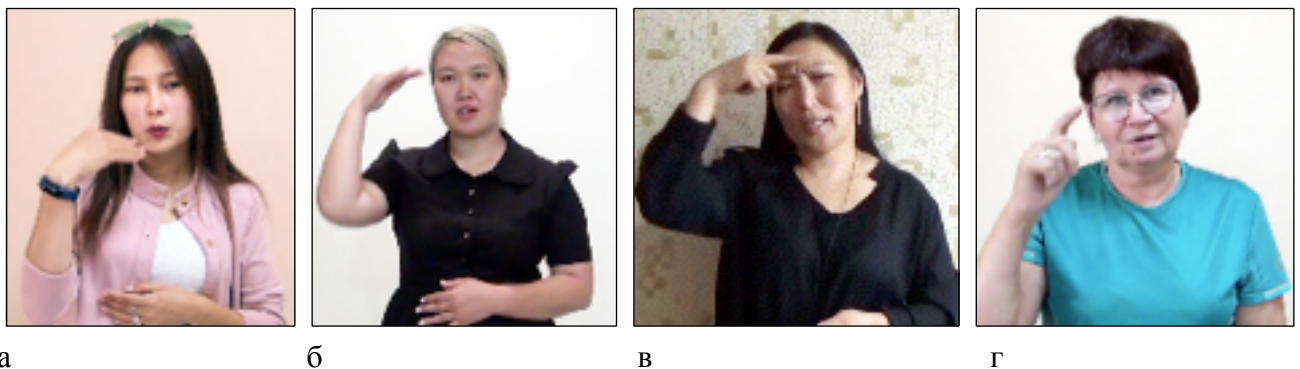

Рис. 95. РЖЯ: ЖАРА

Фонологические варианты жеста ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ дифференцируются по параметру «конфигурация». Наиболее частотен вариант, в котором используются раскрытые ладони (рис. 96а). В Иркутске зафиксировано два случая, когда информанты показывали данный жест в конфигурации «А» (рис. 96б).

Рис. 96. РЖЯ: ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Жесты, обозначающие лексему ЛЕС, коррелируют с жестами, обозначающими лексему ДЕРЕВО. Разнятся конфигурации и характер движения (рис. 97 б, в, г). Кроме того, распространен жест в конфигурации «В», при исполнении которого руки совершают асинхронные движения вверх и вниз (рис. 97а).

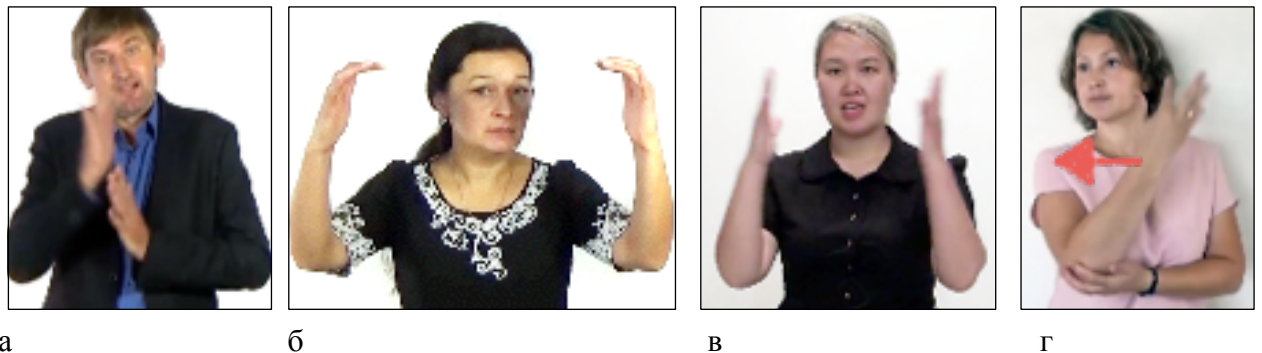

Рис. 97. РЖЯ: ЛЕС

Самый частотный фонологический вариант жеста ОЗЕРО предполагает использование конфигурации «О» (рис. 98а). Кроме того, в ряде случаев информанты демонстрировали данный жест в конфигурации «Р» (рис. 98б).

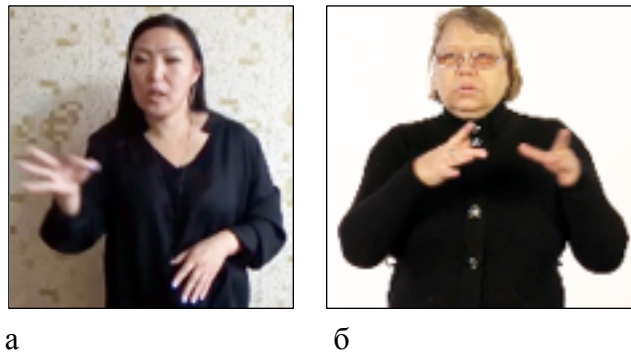

Рис. 98. РЖЯ: ОЗЕРО

Рис. 99. РЖЯ: ПАРК

Лексема ПАРК чаще всего совпадает с жестами, обозначающими ЛЕС. Некоторые информанты добавляют к данным вариантам жест ОТДЫХ. Двумя носителями русского жестового языка, проживающими в Красноярске и одним из Иркутска был использован жест, представленный на рис. 99. При исполнении жеста указательный и средний пальцы находятся в полусогнутом положении, рука совершает круговые движения вокруг лица.

Таким образом, из восьми описанных жестов половина имеет лексические варианты. Наиболее частотные параметры, по которым данные фонологические варианты отличаются друг от друга, – конфигурация и характер движения. Следует отметить, что многие жесты тематической группы «Природа и погода» характеризуются высокой степенью иконичности.

2.3.10. Тематическая группа «Продукты и питание»

Тематическая группа «Продукты и питание» включает в себя 40 лексических единиц: АПЕЛЬСИН, АРБУЗ, БАКЛАЖАН, БАНАН, ВАРИТЬ, ВИНОГРАД, ВКУСНЫЙ, ГОЛОДНЫЙ, ГОТОВИТЬ, ГРУША, ДЫНЯ, ЕДА,

ЖАРИТЬ, ЗАВТРАКАТЬ, КАБАЧОК, КАПУСТА, КАРТОФЕЛЬ, КОЛБАСА, КОНФЕТЫ, КОНЬЯК, КОФЕ, МАНДАРИН, МОРКОВЬ, МАСЛО РАСТИТЕЛЬНОЕ, МАСЛО СЛИВОЧНОЕ, МОЛОКО, МЯСО, ОБЕДАТЬ, ОГУРЕЦ, ПЕЧЕНЬЕ, ПИВО, ПОМИДОР, СЫР, СЫТЫЙ, ФРУКТЫ, ХЛЕБ, ЧАЙ, ШОКОЛАД, ЯБЛОКО, ЯГОДА. Большая часть жестов данной группы имеет фонологические и лексические варианты. Отсутствует вариативность у 16 лексических единиц: АПЕЛЬСИН, БАКЛАЖАН, ДЫНЯ, КАБАЧОК, КОНЬЯК, МАНДАРИН, МАСЛО РАСТИТЕЛЬНОЕ, МАСЛО СЛИВОЧНОЕ, МЯСО, ОГУРЕЦ, ПИВО, СЫР, ФРУКТЫ, ХЛЕБ, ЧАЙ, ЯБЛОКО.

Жест АРБУЗ представлен двумя лексическими вариантами. Первый иконически изображает щелканье арбуза доминантной рукой, имитируя распространенный процесс выбора данного продукта (рис. 100а). Второй жест также демонстрирует высокую степень иконичности. Рука в конфигурации «У» совершает движения налево и направо перед лицом (рис. 100б). Данные жесты распространены во всех городах, первый более частотен.

Рис. 100. РЖЯ: АРБУЗ

Зафиксировано четыре жеста БАНАН. Все данные варианты иконичны. Первый жест изображает процесс снятия кожуры с банана, пальцы пассивной руки сжаты, большой палец выпрямлен. Доминантная рука в аналогичной конфигурации совершает движения в стороны вниз (рис. 101а). Второй представляет собой двуручный жест: руки очерчивают в нейтральном жестовом пространстве форму банана (рис. 101б). В третьем жесте ладонь доминантной руки поднимается вверх от недоминантной, по мере движения вверх пальцы

соединяются (рис. 101в).

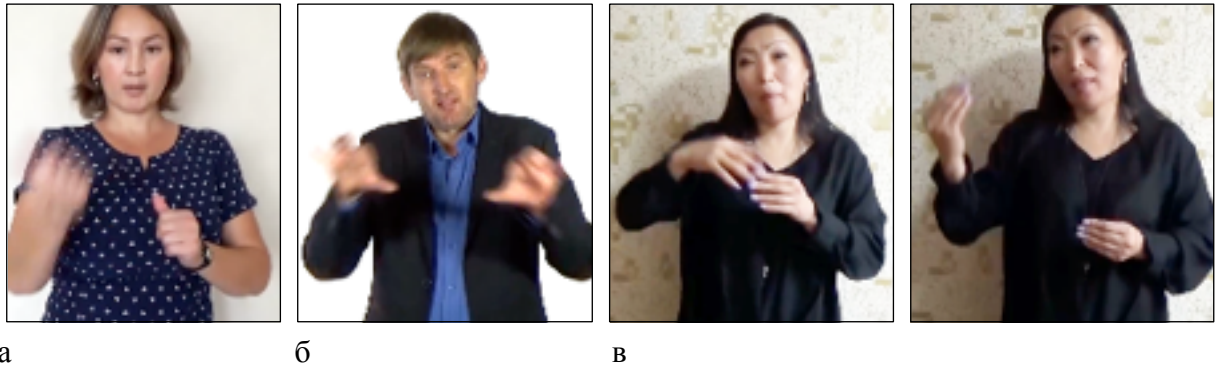

Рис. 101. РЖЯ: БАНАН

Два лексических варианта жестовой единицы **ВАРИТЬ** распространены во всех регионах. Первый вариант представляет собой имитацию движения, которое используется при помешивании еды (рис. 102а), второй является двуручным жестом, при исполнении которого ладони расположены параллельно полу, пальцы разъединены и двигаются (рис. 102б).

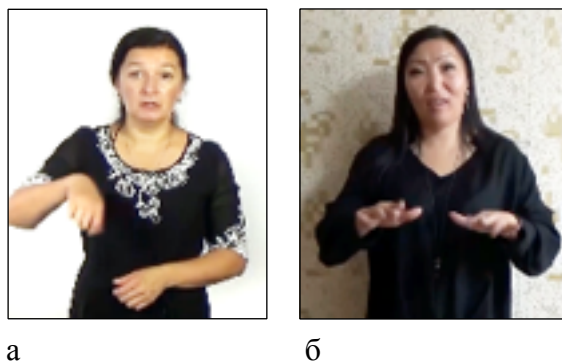

Рис. 102. РЖЯ: ВАРИТЬ

Жесты, обозначающие лексему **ВИНОГРАД**, тоже иконичны. В первом жесте запястье руки согнуто, пальцы разъединены, кисть совершает колебательные движения из стороны в сторону (рис. 103а). Во втором жесте доминантная рука совершает движение вниз от пассивной, конфигурация обеих рук совпадает (рис. 103б).

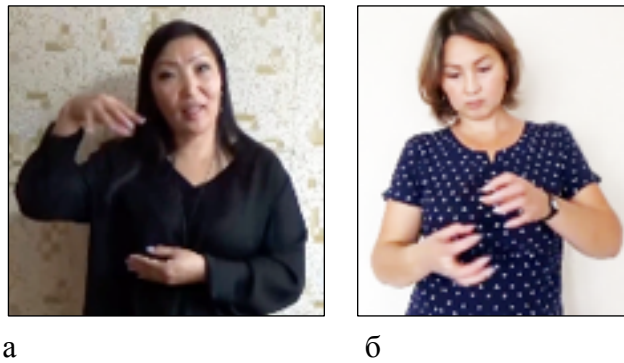

Рис. 103. РЖЯ: ВИНОГРАД

Жест ВКУСНЫЙ представлен тремя лексическими вариантами. Наиболее распространенный вариант – одноручный жест, во время исполнения которого рука в конфигурации «1» движется вниз по щеке (рис. 104а). Второй жест тоже частотен и используется во всех регионах. Данный жест имеет два фонологических варианта, различающихся по параметру «конфигурация». Зафиксировано большее количество жестов, в которых большой палец прикасается к щеке, а остальные находятся в согнутом положении (рис. 104б). Два респондента продемонстрировали фонологический вариант, когда используется конфигурация «У» (рис. 104в). Один информант, проживающий в Красноярске, показал одноручный жест в конфигурации «О». Пальцы касаются щеки, после чего рука резким движением опускается вниз (рис. 104г).

Рис. 104. РЖЯ: ВКУСНЫЙ

Лексема ГОЛОДНЫЙ может быть показана двумя жестами. Первый предполагает использование двух рук, ладони согнуты, прямые пальцы касаются живота (рис. 105а). Данный жест также может быть исполнен в конфигурации «Р» (рис. 105б). Второй лексический вариант показывается в конфигурации «В», руки совершают плавное движение от живота вперед (рис. 105в).

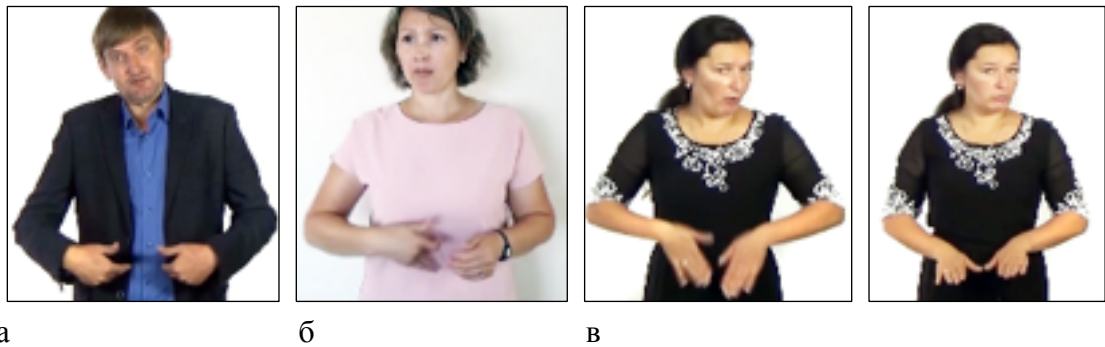

Рис. 105. РЖЯ: ГОЛОДНЫЙ

Два лексических варианта ГОТОВИТЬ в равной степени распространены во всех городах. Первый исполняется в конфигурации «Г», руки двигаются вдоль корпуса налево (рис. 106а). Во втором варианте пальцы находятся в конфигурации «Л», кисти рук одновременно совершают асинхронные движения вверх и вниз (рис. 106б).

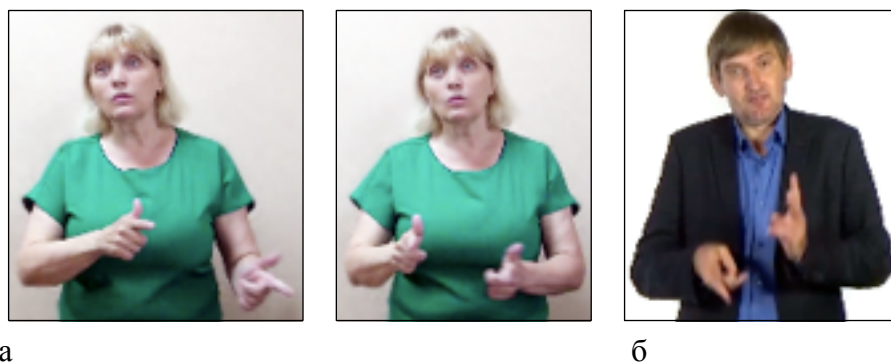

Рис. 106. РЖЯ: ГОТОВИТЬ

Лексема ГРУША может быть показана тремя жестами, которые характеризуются высокой степенью иконичности. При исполнении первого жеста рука совершает движение вверх, пальцы во время движения соединяются

(рис. 107а). Во втором жесте руки, находясь в конфигурации «В», схематически изображают грушу (рис. 107б). Третий жест также предполагает очерчивание формы груши большими пальцами на нижней части правой щеки (рис. 107в). Часть респондентов используют дактилирование.

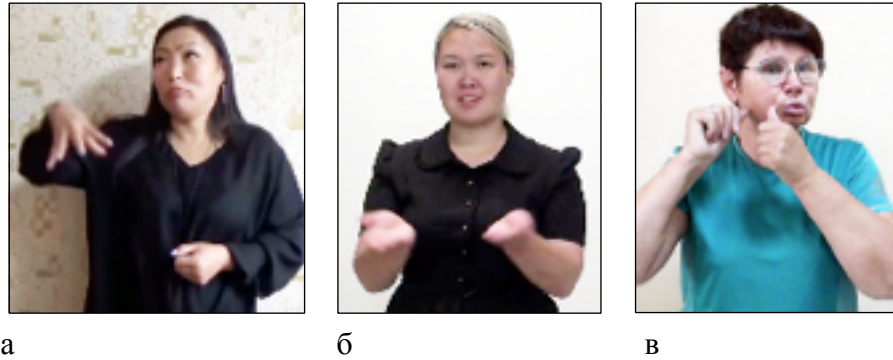

Рис. 107. РЖЯ: ГРУША

Жест ЕДА показывается путем прикосновения пальцев к губам. Фонологические варианты (рис. 108 а, б) дифференцируются по параметру «конфигурация». Более частотен вариант, в котором используются четыре пальца (рис. 108а).

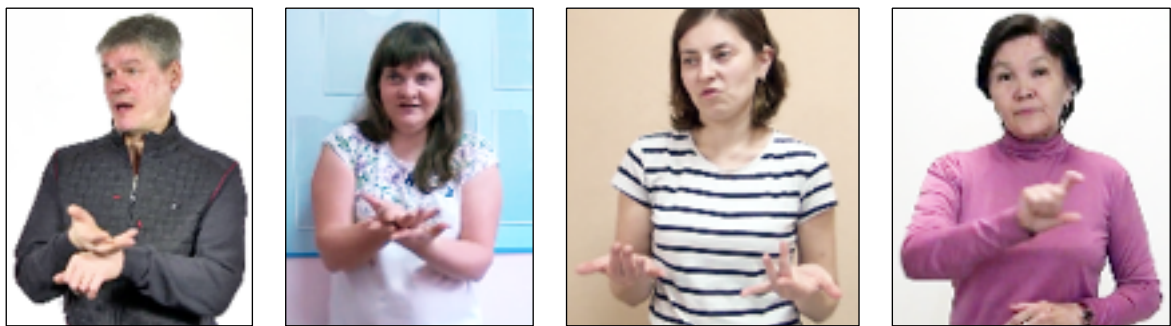
Жест ЖАРИТЬ представлен тремя лексическими вариантами. Первый вариант образует цикл, связанный по параметрам «конфигурация» и «движение». При исполнении жеста ладонь доминантной руки располагается на ладони пассивной руки. Пассивная рука может быть повернута тыльной стороной вверх (рис. 109а) или вниз (рис. 109б). Часть респондентов делали круговые движения доминантной рукой, в то время как другие информанты совершали пальцами доминантной руки короткие асинхронные движения. Также распространен фонологический вариант, предполагающий переворачивание ладони доминантной руки. Второй жест исполняется синхронно двумя руками, ладони повернуты тыльной стороной, пальцы попеременно быстро двигаются (рис. 109в). В третьем жесте рука в конфигурации «Э» совершает круговые движения (рис. 109г). Следует отметить, что данный вариант был продемонстрирован одним респондентом из Кызыла.

а

б

Рис. 108. РЖЯ: ЕДА

а

б

в

г

Рис. 109. РЖЯ: ЖАРИТЬ

Большинство информантов использовали жесты УТРО и ЕСТЬ для обозначения лексемы ЗАВТРАКАТЬ (рис. 110а). Однако также были зафиксированы два лексических варианта, которые продемонстрировали носители РЖЯ в Абакане (рис. 110а) и Кызыле (рис. 110б). Жест, представленный на рисунке 110б локализуется возле правой стороны лица, большой палец короткими быстрыми движениями проводит по щеке, остальные пальцы сжаты. Последний вариант представляет собой компаунд. Соединенные выпрямленные пальцы касаются рта, а затем рука поднимается направо, указательный и средний пальцы распрямляются (рис. 110в).

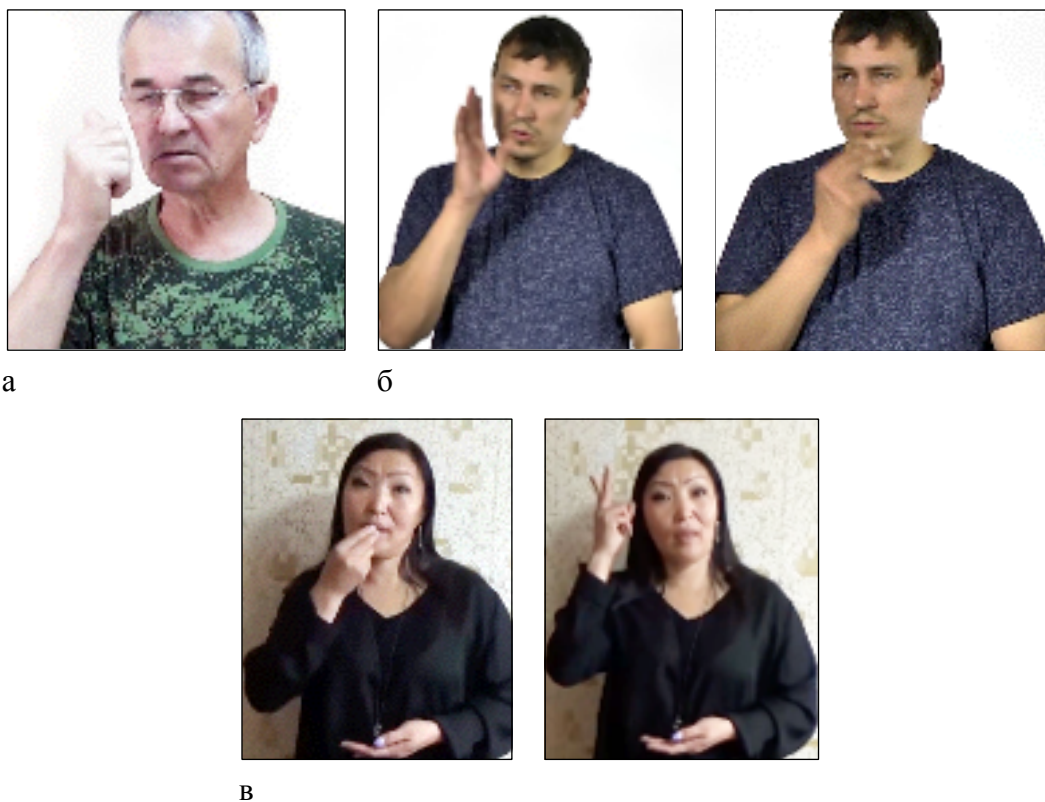

Рис. 110. РЖЯ: ЗАВТРАКАТЬ

Лексема КАПУСТА представлена двумя жестами. Первый является наиболее частотным и представляет собой двуручный жест, в котором руки в конфигурации «В» двигаются вверх и вниз (рис. 111а). Также распространен вариант данного жеста, когда пальцы рук раздвинуты. Двумя информантами из Кызыла и Иркутска был использован жест, представленный на рисунке 111б. При исполнении данного варианта пальцы доминантной руки резкими ритмичными движениями проводят по пальцам пассивной руки.

Рис. 111. РЖЯ: КАПУСТА

Фонологические варианты жеста КАРТОФЕЛЬ (рис. 112) образуют цикл, в котором каждый следующий вариант отличается от предыдущего по одному параметру. Данные параметры включают в себя ориентацию, конфигурацию и движение. Может отличаться ориентация как доминантной руки, так и пассивной (рис. 112 а, г). Возможны следующие конфигурации: «Э» (рис. 112а), «1» (рис. 112б), «А» (рис. 112в) и «Х» (рис. 112г).

Рис. 112. РЖЯ: КАРТОФЕЛЬ

Наиболее частотен вариант жеста КОЛБАСА, при исполнении которого кисть доминантной руки обхватывает запястье пассивной руки (рис. 113а). Также используется жест, когда большие и указательные пальцы полусогнуты, в то время как остальные находятся в выпрямленном состоянии (рис. 113б).

Рис. 113. РЖЯ: КОЛБАСА

Два фонологических варианта жеста КОНФЕТА различаются по параметру

«конфигурация». В первом варианте согнутый указательный палец касается губ, запястье руки совершает вращательные движения (рис. 114а). Второй вариант предполагает использование конфигурации «1» (рис. 114б). В г. Кызыл одним из информантов был показан жест, который имитирует процесс разворачивания конфеты (рис. 114в).

Рис. 114. РЖЯ: КОНФЕТА

Наиболее частотен жест КОФЕ, представленный на рис. 115а. Доминантная рука находится на пассивной, руки совершают круговые движения. Два информанта Абакана продемонстрировали данный жест в конфигурации «У». Еще один жест представляет собой имитацию размешивания напитка в стакане (рис. 115в), при этом пассивная рука находится в конфигурации «С», указательный, средний и большой пальцы доминантной руки соприкасаются, она совершает круговые движения над пассивной рукой.

Рис. 115. РЖЯ: КОФЕ

Фонологические варианты жеста МОЛОКО отличаются по параметру «конфигурация»: «Э» (рис. 116а), «А» (рис. 116б) и «Е» (рис. 116в). Жест имитирует процесс доения, руки поочередно ритмично опускаются вниз.

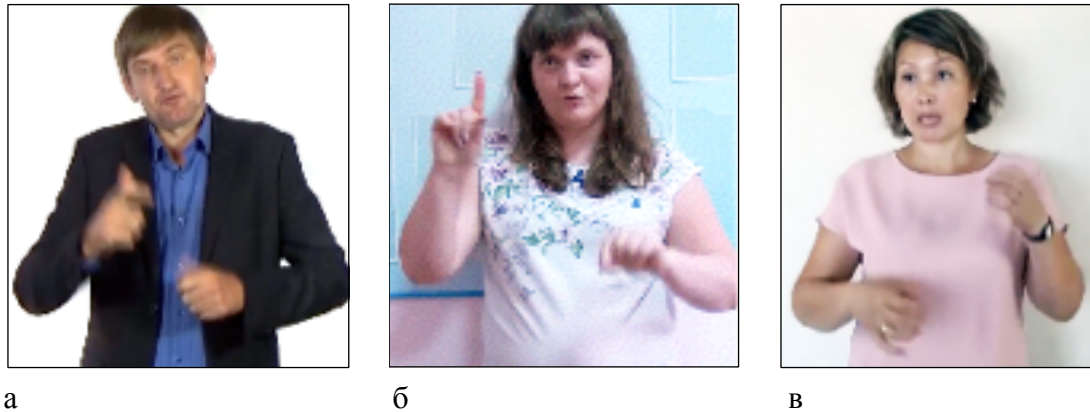

Рис. 116. РЖЯ: МОЛОКО

Как и МОЛОКО, жест МОРКОВЬ демонстрирует наличие фонологических вариантов, дифференцируемых по параметру «конфигурация». Наиболее частотный вариант предполагает использование конфигурации «1» (рис. 117а). В двух случаях пассивная рука информантов принимала конфигурацию «П» (рис. 117б). Одним носителем был продемонстрирован вариант, в котором использовались указательный и большой пальцы доминантной руки (рис. 117в). Во время исполнения жеста пальцы доминантной руки резкими, быстрыми движениями проводят по пальцам пассивной руки.

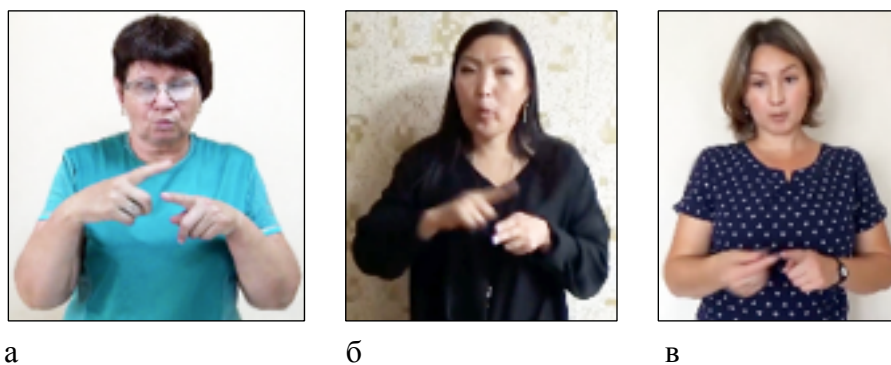

Рис. 117. РЖЯ: МОРКОВЬ

Лексема ОБЕДАТЬ представлена четырьмя жестами. Часть респондентов продемонстрировали жест ЕСТЬ (рис. 118а), артикулируя слово «обед». Также используется жест, в котором рука в конфигурации «О» совершает круговые движения вокруг рта (рис. 118б). Двумя представителями молодого поколения был показан жест в конфигурации «О», рука движется слева направо на уровне лба (рис. 118в). Кроме того, в Красноярске и Кызыле зафиксирован жест, в котором рука локализуется возле нижней правой стороны лица, а указательный и средний пальцы резким движением выпрямляются, касаясь большого пальца (рис. 118г). Фонологический вариант данного жеста предполагает локализацию на уровне правого виска.

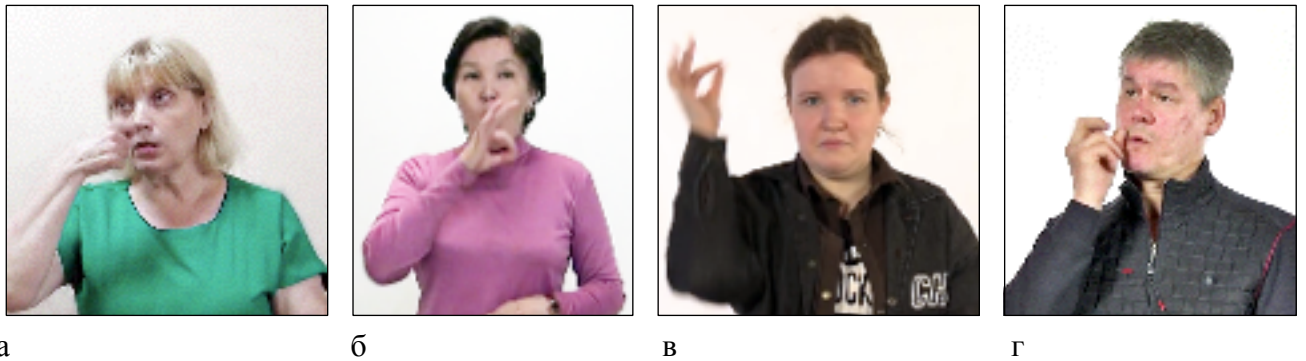

Рис. 118. РЖЯ: ОБЕДАТЬ

В данной тематической группе лексема ПЕЧЕНЬЕ показывает самую высокую степень вариативности. Даже в рамках одного города информанты демонстрируют разные лексические варианты, которые не используются другими представителями данного населенного пункта. Всего было зафиксировано существование шести лексических вариантов. Первый жест представляет собой ритмичное постукивание пальцами в конфигурации «П» по плечу (рис. 119 а) или руке (рис. 119б). Таким образом, фонологическая вариативность реализуется в параметре «локализация». Следующий жест выполняется в конфигурации «Л», пальцы совершают аналогичные постукивающие движения по шее справа (рис. 119в). Третий вариант представляет собой двуручный жест: руки находятся в конфигурации «П», пальцы доминантной руки располагаются на пальцах пассивной руки,

указательные и средние пальцы совершают быстрые асинхронные движения вверх и вниз (рис. 119 г). Четвертый жест выполняется в конфигурации «Ж» возле правой щеки, кисть руки совершает вращательные движения (рис. 119д). В пятом доминантная рука в конфигурации «Э» находится на раскрытой ладони пассивной руки, запястья поворачиваются из стороны в сторону (рис. 119е). Последний вариант представляет собой одноручный жест: выпрямленные пальцы руки проводят вниз по лицу, собираясь вместе у подбородка (рис. 119ж).

Рис. 119. РЖЯ: ПЕЧЕНЬЕ

Фонологические варианты жеста ПОМИДОР дифференцируются по параметру «локализация»: возле правой щеки (рис. 120а) или перед корпусом (рис. 120б). Также в случае, если жест показывается двумя руками (рис. 120б), возможна вариативность по параметру «движение», которое может быть синхронным и асинхронным.

Рис. 120. РЖЯ: ПОМИДОР

Жестовая единица СЫТЫЙ представлена тремя лексическими вариантами, один из которых, в свою очередь, имеет фонологические варианты. Первый жест показывается на уровне живота, доминантная рука в конфигурации «5» прикасается к животу, а затем пальцы сжимаются в кулак и ударяют по раскрытой ладони пассивной руки (рис. 121а). Фонологический вариант данного жеста отличается конфигурацией доминантной руки в момент соприкосновения с пассивной рукой. В данном варианте конфигурация не меняется (рис. 121б). Также распространен жест, в котором пальцы руки в конфигурации «Ф» касаются нижней части подбородка (рис. 121в). Одним респондентом из Абакана был продемонстрирован двуручный жест, локализующийся на уровне живота. Руки находятся в конфигурации «Р», запястья совершают асинхронные вращательные движения (рис. 121г).

Рис. 121. РЖЯ: СЫТЫЙ

Зафиксировано четыре лексических варианта жеста ШОКОЛАД. Первый жест исполняется в конфигурации «Ш», рука совершает круговые движения (рис.

122а). Второй локализуется возле рта, рука находится в конфигурации «Ж», пальцы касаются середины подбородка, запястье поворачивается из стороны в сторону (рис. 122б). Третий жест предполагает изображение руками в конфигурации «Э» прямоугольника (рис. 122в). Последний жест имеет два фонологических варианта, различающихся ориентацией (рис. 122 г, д).

В самом частотном варианте жеста ЯГОДА рука находится в конфигурации «1» и быстрыми короткими движениями вниз касается нижней губы (рис. 123а). Второй лексический вариант исполняется в конфигурации «О», указательный палец резкими движениями проводит по кончику большого пальца. Данный жест локализуется возле рта (рис. 123б). В последнем жесте также используется конфигурация «О», руки попеременно двигаются вперед и назад на уровне верхней части туловища (рис. 123в).

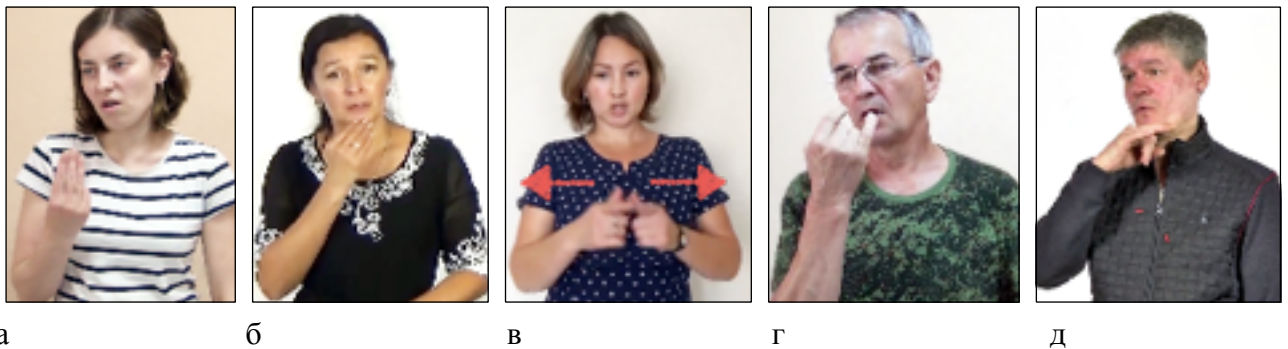

Рис. 122. РЖЯ: ШОКОЛАД

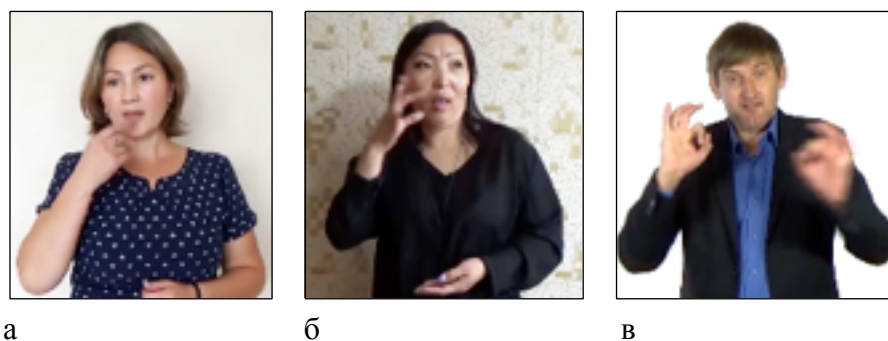

Рис. 123. РЖЯ: ЯГОДА

Таким образом, тематическая группа «Продукты и питание» демонстрирует высокую степень вариативности. Наибольшее количество вариантов наблюдается у лексемы ПЕЧЕНЬЕ. Следует отметить, что часть описанных выше вариантов

лексемЫ ШОКОЛАД могут оказаться фонологическими вариантами одного жеста, однако в рамках настоящего исследования данные промежуточные варианты выявить не удалось. Из 23 описанных лексем только у четырех не зафиксировано наличия лексической вариативности.

2.3.11. Тематическая группа «Профессии»

Тематическая группа «Профессии» включает в себя 20 лексических единиц: АДВОКАТ, АКТЕР, АРХИТЕКТОР, ВОСПИТАТЕЛЬ, ДАНТИСТ, ДИЗАЙНЕР, ДИРЕКТОР, МЕДСЕСТРА, ПЕРЕВОДЧИК ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА, ПОЖАРНЫЙ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ПРОКУРОР, СТРОИТЕЛЬ, СУДЬЯ, ТРЕНЕР, УЧИТЕЛЬ, ФОТОГРАФ, ХУДОЖНИК, ШВЕЯ, ЮРИСТ. Не демонстрируют наличия вариативности следующие лексемЫ: АДВОКАТ, АКТЕР, ДИЗАЙНЕР, ДИРЕКТОР, МЕДСЕСТРА, ПЕРЕВОДЧИК ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА, ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ПРОКУРОР, СУДЬЯ, ФОТОГРАФ, ХУДОЖНИК, ЮРИСТ.

Установлено функционирование трех жестов, обозначающих слово АРХИТЕКТОР. Первый жест показывается в конфигурации «О», руки совершают круговые движения параллельно туловищу (рис. 124а). Второй дублирует жест СТРОИТЬ. При исполнении жеста пальцы рук в конфигурации «П» попеременно опускаются друг на друга с одновременным движением вверх (рис. 124б). Третий вариант представляет собой двуручный жест, в котором пальцы находятся друг между друга, кисти рук двигаются вверх (рис. 124в).

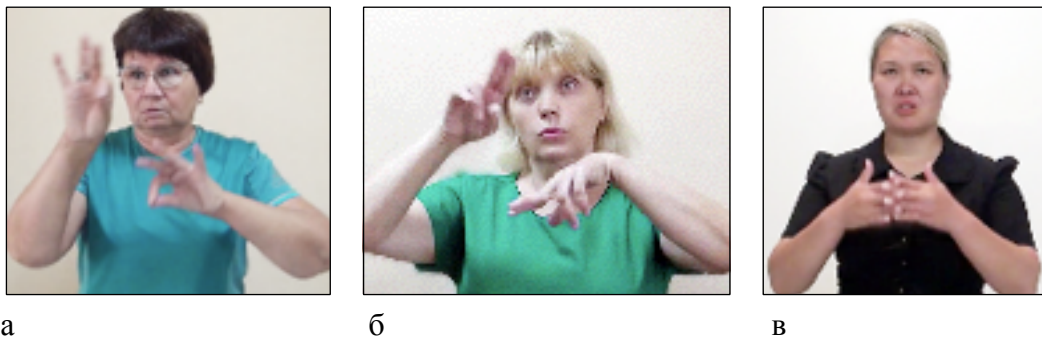

Рис. 124. РЖЯ: АРХИТЕКТОР

Жест ВОСПИТАТЕЛЬ представлен двумя лексическими вариантами, один из которых имеет ряд фонологических вариантов. Наиболее частотный жест показывается в конфигурации «Ч», фонологические варианты различаются по параметрам «локализация» и «движение» (рис. 125 а, б, в). Второй лексический вариант выполняется в конфигурации «1», указательные пальцы рисуют в воздухе полукруг, соединяясь посередине (рис. 125г).

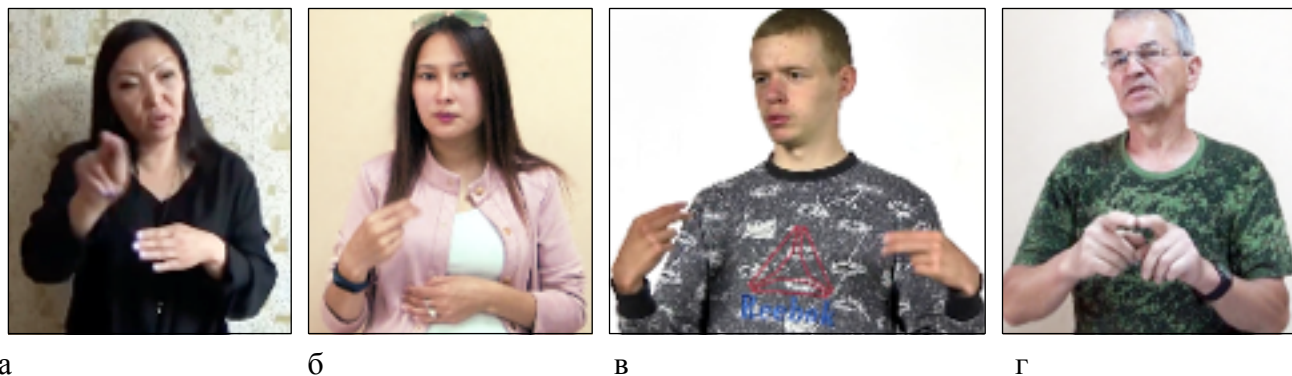

Рис. 125. РЖЯ: ВОСПИТАТЕЛЬ

В фонологических вариантах жеста ДАНТИСТ используются следующие конфигурации: «Х» (рис. 126а), «А» (рис. 126б) и «1» (рис. 126в). Часть респондентов также добавляет жест ВРАЧ.

Рис. 126. РЖЯ: ДАНТИСТ

Лексема ПОЖАРНЫЙ представлена двумя жестами. Первый локализуется в верхней части головы, рука прикасается ко лбу и быстрым резким движением направляется вперед. Зафиксировано два фонологических варианта, которые

используются в разных конфигурациях – «1» (рис. 127а) и «А» (рис. 127б). Также частотно использование лексического варианта, который похож на жест ОГОНЬ, но отличается от него движением и локализацией (рис. 127в).

Жест СТРОИТЕЛЬ демонстрирует наличие двух фонологических вариантов, самый частотный выполняется в конфигурации «П» (рис. 128а), в менее распространенном руки принимают конфигурацию «В» (рис. 128б).

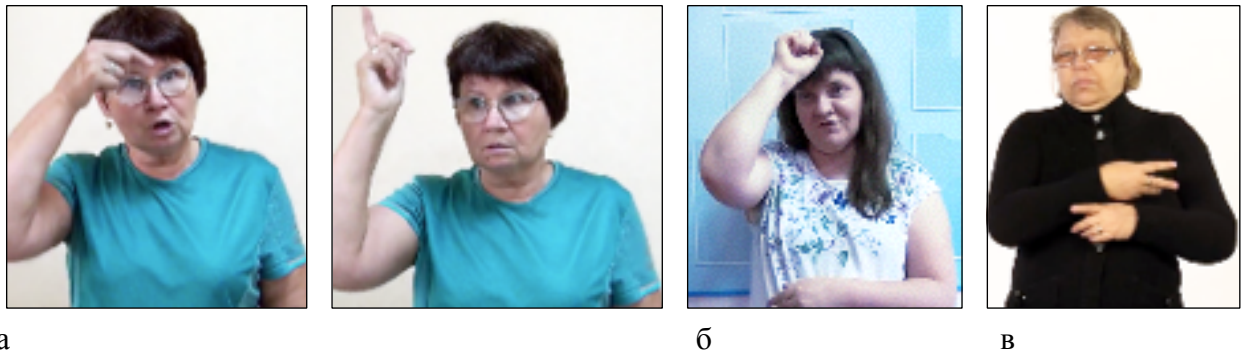

Рис. 127. РЖЯ: ПОЖАРНЫЙ

Рис. 128. РЖЯ: СТРОИТЕЛЬ

Лексема ТРЕНЕР может быть показана четырьмя жестами. Первый представляет собой двуручный жест, при исполнении которого большие пальцы попеременно проводят по груди вверх (рис. 129а). Во втором запястье в конфигурации «1» совершает вращательные движения по часовой стрелке возле правого плеча (рис. 129б). Следует отметить, что данный жест был зафиксирован только у двух респондентов в Абакане. Третий жест является также жестом СПОРТ (рис. 129в). Последний был использован носителем РЖЯ, проживающим в Красноярске. При исполнении данного жеста доминантная рука в конфигурации

«Э» проводит по груди коротким горизонтальным движением, а затем показывается жест УЧИТЕЛЬ (рис. 129г).

Рис. 129. РЖЯ: ТРЕНЕР

Лексема УЧИТЕЛЬ представлена двумя жестами. Первый в свою очередь имеет ряд фонологических вариантов, которые соединяются в цикл. На рис. 130г изображается жест в конфигурации «Ч», руки движутся вперед и в стороны, пальцы смыкаются и размыкаются. С данным вариантом связан жест, показанный на рис. 130а, который отличается от описанного тем, что в нем отсутствует движение пальцев. Третий фонологический вариант отличается локализацией (рис. 130б). Еще один лексический вариант был использован информантом из Абакана и не встречается в других городах. При исполнении данного жеста кончики пальцев проводят по плечам (рис. 130в). Важно отметить, что этот информант является учителем.

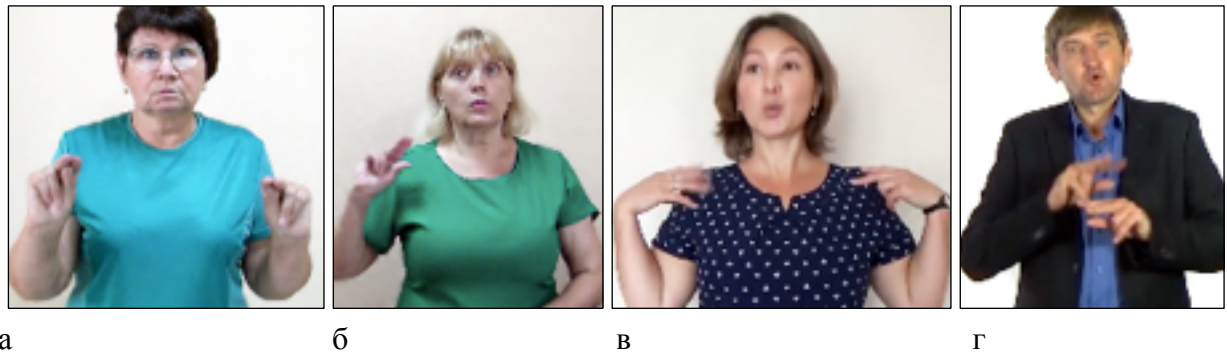

Рис. 130. РЖЯ: УЧИТЕЛЬ

Задокументировано два равночастотных варианта лексемы ШВЕЯ. Первый иконически изображает работу швейной машинки: пассивная рука неподвижна, запястье доминантной руки в конфигурации «А» совершает вращательные движения (рис. 131а). Второй лексический вариант представляет собой синхронный двуручный жест, при исполнении которого руки в конфигурации «В» плавно двигаются вперед (рис. 131б).

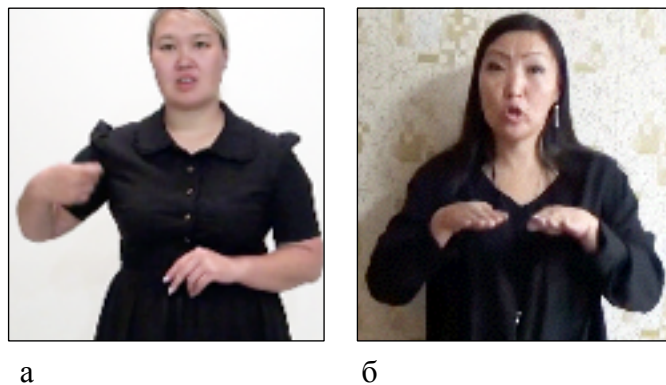

Рис. 131. РЖЯ: ШВЕЯ

Таким образом, в тематической группе «Профессии» из 20 лексических единиц вариативность демонстрируют восемь, из них шесть имеют лексические варианты. Примечательно наличие двух жестов, каждый из которых используется только в одном городе.

2.3.12. Тематическая группа «Семья и люди»

Тематическая группа «Семья и люди» включает в себя 13 лексических

единиц: БРАТ, ДЕВОЧКА, ДОЧЬ, ЖЕНА/МУЖ, ЖЕНЩИНА, МАЛЬЧИК, МАТЬ, ОТЕЦ, РЕБЕНОК, РОДСТВЕННИКИ, СЕСТРА, СЫН, ЧЕЛОВЕК. Фонологическую или лексическую вариативность не демонстрируют следующие лексемы: ДОЧЬ, МАТЬ, РОДСТВЕННИКИ, СЫН, ЧЕЛОВЕК.

Фонологический вариант жеста БРАТ, отличающийся по параметру «конфигурация» («Х») был использован только одним информантом из Абакана (рис. 132а). Данный жест является двуручным и в более распространенном варианте выполняется в конфигурации «П» (рис. 132б). Доминантная рука касается лба, а затем опускается на сомкнутые указательный и средний пальцы пассивной руки.

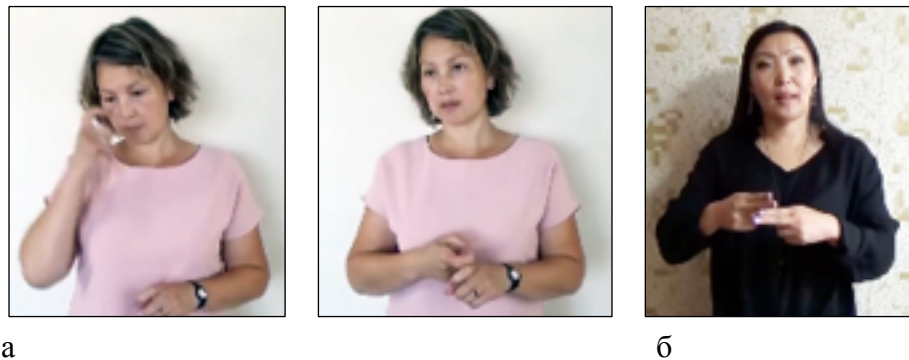

Рис. 132. РЖЯ: БРАТ

Лексема ДЕВОЧКА представлена двумя жестами. Более частотный представляет собой одноручный жест, при исполнении которого рука в конфигурации «В» ребром ладони прикасается к подбородку (рис. 133а). Один информант из Абакана использует в данном жесте конфигурацию «1» (рис 133б). Второй лексический вариант характеризуется высокой степенью иконичности, поскольку изображает косичку: прямой большой палец накрывает полусогнутый указательный, остальные пальцы сжаты, рука опускается вниз, запястье совершает движения из стороны в сторону (рис. 133в).

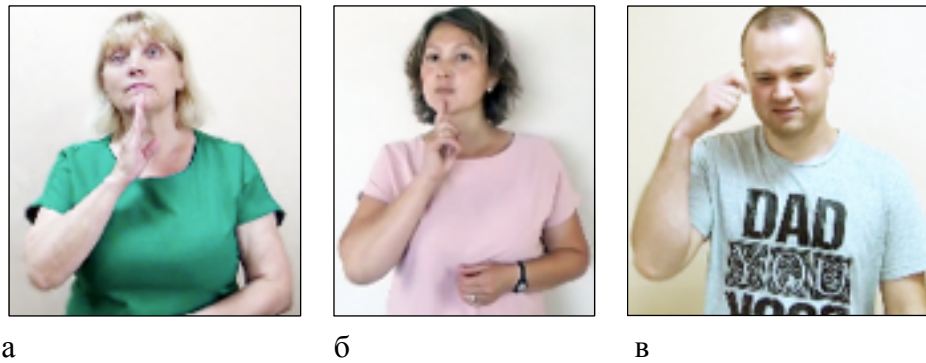

Рис. 133. РЖЯ: ДЕВОЧКА

Жест ЖЕНЩИНА показывается в конфигурации «В», ладонь опускается вниз, касаясь нижней половины щек справа и слева от губ (рис. 134а). Также частотны случаи использования жеста, который предполагает воспроизведение половины описанного жеста (рис. 134б), то есть рука совершает движение только с правой стороны лица. Информант из Абакана демонстрирует данный жест в конфигурации «1» (Рис. 134 в).

Рис. 134. РЖЯ: ЖЕНЩИНА

Фонологические варианты жеста МАЛЬЧИК дифференцируются по параметру «конфигурация». Наиболее частотный вариант предполагает использование конфигурации «В» (рис. 135а), менее распространенный – конфигурации «Х» (рис. 135б).

Жесты МУЖ и ЖЕНА эквивалентны. При исполнении жеста доминантная рука в конфигурации «О» проводит по тыльной стороне ладони пассивной руки (рис. 136а). В Красноярске и в Иркутске часть информантов используют данный жест в конфигурации «Ж» (рис. 136б).

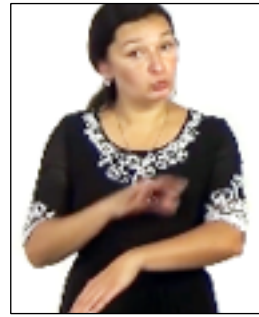

а

б

Рис. 135. РЖЯ: МАЛЬЧИК

а

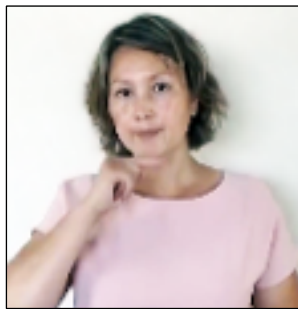
б

Рис. 136. РЖЯ: МУЖ/ЖЕНА

Жест ОТЕЦ показывается одной рукой, которая в конфигурации «В» сначала касается ребром ладони лба, а затем подбородка (рис. 137б). Информант из Абакана использует данный жест в конфигурации «1» (рис. 137а).

а

б

Рис. 137. РЖЯ: ОТЕЦ

Жест РЕБЕНОК имеет два равночастотных фонологических варианта: в конфигурации «Ы» и в конфигурации «В» (рис. 138а) с немного согнутыми в суставах пальцами (рис. 138б).

а

б

Рис. 138. РЖЯ: РЕБЕНОК

Фонологический вариант жеста СЕСТРА, как и фонологический вариант жеста БРАТ, тем же информантом демонстрируется в конфигурации «Х» (рис. 139б), в то время как все остальные информанты используют другую конфигурацию (рис. 139а).

Рис. 139. РЖЯ: СЕСТРА

Таким образом, из 13 лексических единиц данной группы вариативность демонстрируют 8. Однако пять из них были использованы только одним информантом. Следует отметить, что все данные варианты являются фонологическими, поэтому выбор определенной конфигурации для всех терминов родства может объясняться индивидуальными особенностями либо нормой, принятой в семье.

2.3.13. Тематическая группа «Фауна»

Тематическая группа «Фауна» включает в себя 20 лексических единиц: БАРАН, БЫК/КОРОВА, ВОЛК, КОЗА, КОМАР, КОШКА, КРЫСА, ЛИСА, ЛОШАДЬ, МЕДВЕДЬ, МУХА, МЫШЬ, ОРЕЛ, ПАУК, ПТИЦА, РЫБА, СВИНЬЯ, СОБАКА, СОВА, ТИГР. Отсутствуют фонологические и лексические варианты у следующих из них: ВОЛК, КОЗА, ЛОШАДЬ, МЫШЬ, ОРЕЛ, ПАУК, ПТИЦА, СОБАКА.

Жест БАРАН представлен рядом фонологических вариантов, которые различаются по параметру «конфигурация». Жест выполняется двумя руками,

расположенными справа и слева от головы. Руки двигаются в стороны по спиралеобразной траектории, изображая рога барана. Конфигурация может быть «1» (рис. 140а), «А» (рис. 140б), «Х» (рис. 140в).

Рис. 140. РЖЯ: БАРАН

Жесты БЫК/КОРОВА имеют три лексических варианта. Все данные варианты изображают рога. В первом жесте используется конфигурация «Ы» (рис. 141а), во втором – конфигурация «У» (рис. 141б). Исполнение третьего жеста начинается у головы в конфигурации «С», затем руки по дуге расходятся в стороны и вверх, по мере движения пальцы смыкаются в кулак (рис. 141в).

Рис. 141. РЖЯ: БЫК/КОРОВА

Лексема КОМАР представлена четырьмя жестами. Первый представляет собой одноручный жест в конфигурации «1», тыльная сторона ладони прикасается к носу (рис. 142а). Во втором также используется конфигурация «1», указательный палец касается тыльной стороны ладони пассивной руки (рис. 142б). Третий жест показывается в конфигурации «О», большой и указательный пальцы касаются левого плеча (рис. 142в). Четвертый жест является

имитацией крыльев, ладони при исполнении жеста двигаются вверх и вниз (рис. 142г).

а

б

в

г

Рис. 142. РЖЯ: КОМАР

Зафиксировано наличие четырех вариантов лексемы КОШКА. В первом жесте доминантная рука гладит тыльную сторону пассивной руки (рис. 143а). Во втором жесте кончики разъединенных пальцев доминантной руки проводят по правой щеке (рис. 143б). При исполнении третьего варианта руки принимают конфигурацию «О», кончики большого и указательного пальцев двигаются от рта к щекам (рис. 143в). В последнем жесте рука в конфигурации «С» ребром ладони проводит по нижней части правой щеки (рис. 143г).

а

б

в

г

Рис. 143. РЖЯ: КОШКА

Жест КРЫСА фонологически варьируется по параметру «локализация», более частотен вариант, представленный на рис. 144а.

а

б

Рис. 144. РЖЯ: КРЫСА

Лексема ЛИСА представлена четырьмя жестами. Первый эквивалентен одному из жестов КОШКА и отличается только артикуляцией (рис. 145а). В фонологическом варианте данного жеста используется конфигурация «Ч» (рис. 145б). Второй жест иконически изображает нос. Рука с разъединенными пальцами движется вперед от носа, пальцы постепенно соединяются (рис. 145г). Третий жест имеет фонологический вариант, отличающийся конфигурацией. Руки в данном жесте повернуты тыльной стороной к туловищу и асинхронно двигаются против часовой стрелки. Возможные конфигурации – «В» (рис. 145д) и «О» (рис. 145е). Последний жест был показан информантом из Абакана и представляет собой составной жест, который начинается с прикосновения указательным пальцем доминантной руки к правой стороне лба. Затем рука плавно и волнообразно опускается вниз, прямые пальцы соединяются (рис. 145в).

а

б

в

г

д

е

Рис. 145. РЖЯ: ЛИСА

Лексема МЕДВЕДЬ может быть показана двумя жестами, один из которых образует цикл вариантов. На рис. 146а представлен жест в конфигурации «В», руки плавно двигаются по кругу перед туловищем. Следующий вариант отличается от описанного по параметру «конфигурация» (рис. 146б). Третий вариант отличается от второго характером движения. Четвертый отличается от третьего конфигурацией (рис. 146в). Второй лексический вариант исполняется в конфигурации «Э», кисть руки находится рядом с ухом, а запястье совершает вращательные движения (рис. 146г).

Рис. 146. РЖЯ: МЕДВЕДЬ

Жест МУХА имеет два лексических варианта. Первый представляет собой иконическое изображение крыльев (рис. 147а). Во втором указательный и средний пальцы полусогнуты, рука двигается в сторону и вниз, параллельно совершая быстрые круговые движения (рис. 147б).

Рис. 147. РЖЯ: МУХА

Наиболее частотный жест РЫБА показывается двумя руками, пальцы доминантной руки имитируют движение плавников, обе руки плавно двигаются вперед (рис. 148а). Фонологический вариант данного жеста выполняется в конфигурации «П» (рис. 148б). Также распространен одноручный жест, в котором рука в конфигурации «В» движется вперед, в то время как запястье поворачивается из стороны в сторону (рис. 148в).

Рис. 148. РЖЯ: РЫБА

Лексема СВИНЬЯ представлена двумя равночастотными жестами. При исполнении первого пальцы доминантной руки в конфигурации «Ж» касаются носа, после чего проводят по ладони пассивной руки (рис. 149а). Во втором жесте используется конфигурация «А», рука совершает круговые движения возле носа (рис. 149б).

Рис. 149. РЖЯ: СВИНЬЯ

Большее количество респондентов лексему СОВА продактилировали. Однако удалось задокументировать два лексических варианта, которые показали информанты из г. Иркутск и Абакана. Данные жесты характеризуются высокой степенью иконичности, поскольку в первом жесте изображаются большие глаза (рис. 150а), а второй имитирует процесс открывания глаз посредством размыкания указательного и большого пальцев (рис. 150б).

Рис. 150. РЖЯ: СОВА

Лексема ТИГР может быть показана тремя жестами, один из которых имеет фонологический вариант. Первый жест представлен на рис. 151а: полусогнутые кисти рук с разъединенными пальцами находятся на уровне груди и совершают короткие движения в стороны. Фонологический вариант отличается от описанного локализацией (рис. 151б). Вторым жестом является имитация походки тигра. Руки плавно и поочередно двигаются вперед (рис. 151в). Третий жест также характеризуется высокой степенью иконичности, поскольку изображает процесс смыкания зубов: руки в конфигурации «Ы» соединяются и разъединяются, рот также открывается, зубы смыкаются (рис. 151г). Последний жест изображает усы тигра. В начальном положении скрещенные в запястьях руки находятся в конфигурации «А», затем безымянный, средний и указательный пальцы распрямляются (рис. 151д).

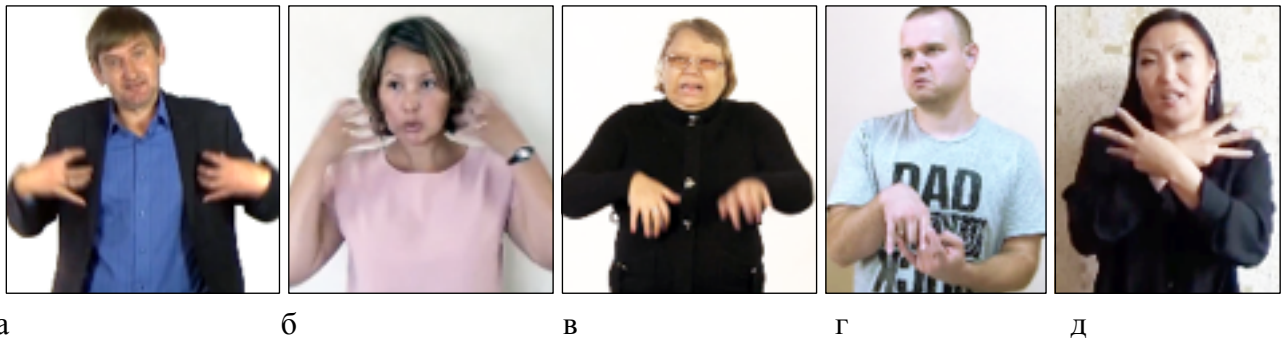

Рис. 151. РЖЯ: ТИГР

Таким образом, из 20 лексических единиц данной тематической группы вариативны 12, два из которых имеют только фонологические варианты. Следует отметить высокую степень иконичности жестов. По сравнению с другими тематическими группами заметно количественное преобладание лексических вариантов.

2.3.14. Тематическая группа «Цвета»

Тематическая группа «Цвета» включает в себя 8 лексических единиц: БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, ЗЕЛЕНый, КОРИЧНЕВый, КРАСНЫЙ, СЕРый, СИНИЙ, ЧЕРНЫЙ. Половина из них демонстрирует наличие вариативности.

Лексема БЕЛЫЙ может быть показана тремя жестами, которые распространены во всех регионах. В первом варианте кончики пальцев доминантной руки прикасаются к левой стороне груди, затем во время быстрого движения тыльной стороной ладони вперед пальцы распрямляются (рис. 152а). Второй лексический вариант воспроизводится в конфигурации «Р», соединенные средний и большой пальцы ритмично прикасаются к груди (рис. 152б). Третий жест представляет собой дактилему «Б», запястье двигается из стороны в сторону (рис. 152в).

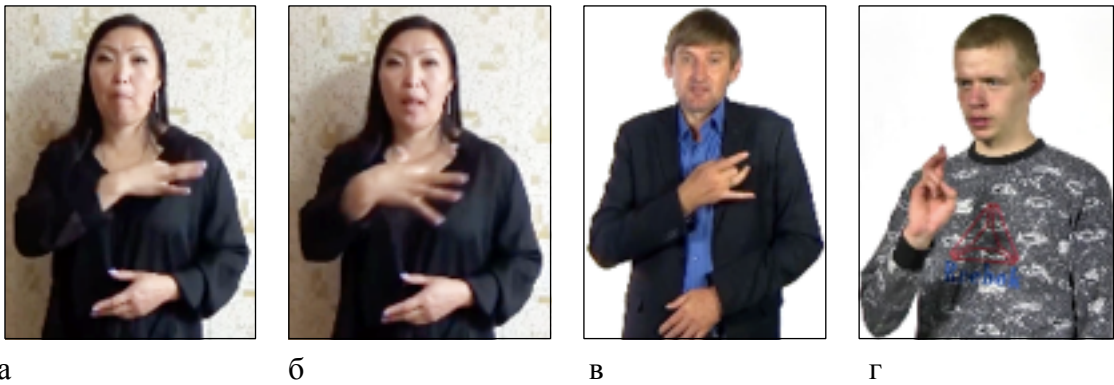

Рис. 152. РЖЯ: БЕЛЫЙ

Фонологические варианты жеста ЗЕЛЕНый дифференцируются по параметру «конфигурация»: в первом, более частотном варианте используется конфигурация «1», во втором – конфигурация «Э».

Фонологические варианты жеста СИНИЙ также отличаются конфигурацией. Возможно воспроизведение данного жеста в конфигурациях «Э» (рис. 154а) и «С» (рис. 154б). Остальные параметры не демонстрируют наличия вариативности.

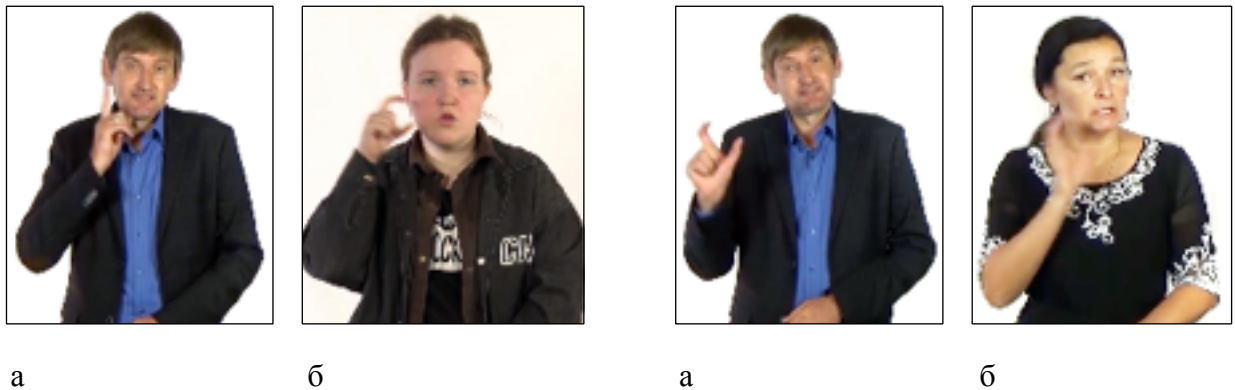

Рис. 153. РЖЯ: ЗЕЛЕНый

Рис. 154. РЖЯ: СИНИЙ

Жест ЧЕРНый (рис. 155) может быть показан с помощью конфигурации «С» с разведенными пальцами либо с использованием полусогнутых указательного и среднего пальцев.

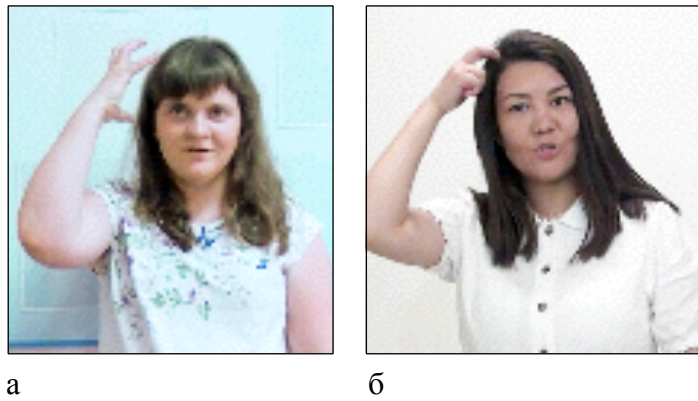

Рис. 155. РЖЯ: ЧЕРНЫЙ

Таким образом, три из четырех описанных жестовых единиц представлены фонологическими вариантами. Жест БЕЛЫЙ имеет три лексических варианта, которые распространены во всех регионах.

2.3.15. Тематическая группа «Фразы и слова для общения»

Тематическая группа «Фразы и слова для общения» включает в себя 31 лексическую единицу: БУДЕТ, ДА, ДАТА РОЖДЕНИЯ, ДО СВИДАНИЯ, ДО СЛЕДУЮЩЕЙ ВСТРЕЧИ, ЕСЛИ, ЖИТЬ, ЗДРАВСТВУЙТЕ, ИЗВИНИТЕ, ИМЯ, КАК ДЕЛА, ЛАДНО, МОЖНО, НЕ МОГУ, НЕ НУЖНО, НЕ ПОНИМАЮ, НЕ ХОЧУ, НЕЛЬЗЯ, НЕПРАВИЛЬНО, НЕТ, НУЖНО, ОТЧЕСТВО, ПОЖАЛУЙСТА, ПОНИМАЮ, ПРИЯТНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ, РОДИТЬСЯ, САМ, СПАСИБО, СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ФАМИЛИЯ. Ниже представлены три лексические единицы, которые демонстрируют наличие вариативности.

Жест НЕЛЬЗЯ (рис. 156а) в большинстве случаев был показан информантами в конфигурации «А». Однако также было зафиксировано использование данного жеста в конфигурации «В» (рис. 156б).

Рис. 156. РЖЯ: НЕЛЬЗЯ

Наиболее частотный жест НЕ.ХОЧУ представляет собой одноручный жест, во время исполнения которого рука в конфигурациях «Ф» (рис. 157а), «В» (рис. 157б) или «1» (рис. 157в) проводит вдоль шеи. Также распространен жест, начальная позиция которого локализуется у шеи, пальцы согнуты. Далее рука совершает резкое движение вперед, переходя в конфигурацию «В» (рис. 157г). Фонологический вариант данного жеста отличается локализацией у левого плеча (рис. 157д).

Рис. 157. РЖЯ: НЕ ХОЧУ

Наиболее распространенный жест НЕ.ПОНИМАЮ выполняется в конфигурации «Э», рука прикасается сначала носу, а затем к подбородку (рис. 158а). Также используется жест, состоящий из лексем ПОНИМАТЬ и НЕТ (рис. 158б). Двумя респондентами был показан жест, который из конфигурации «А» переходит в конфигурацию «Г». Данный жест начинается на уровне носа, а затем рука совершает движение назад, к правому виску (рис. 158в).

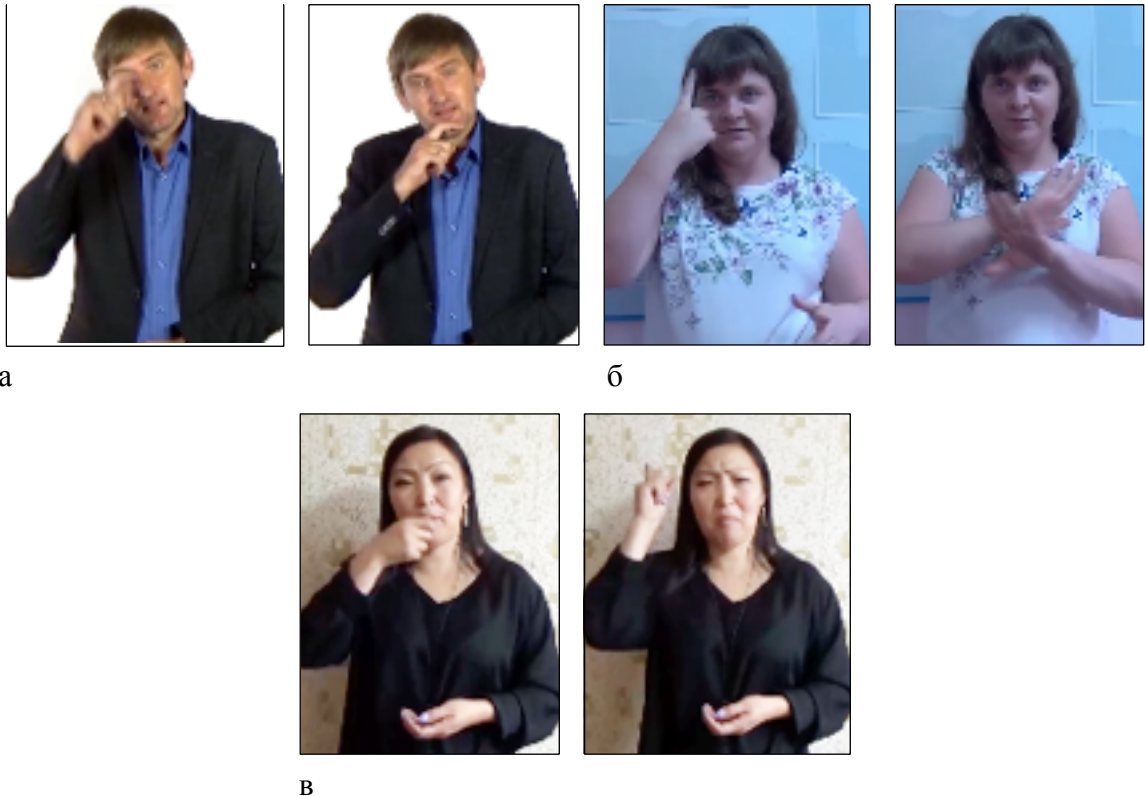

Рис. 158. РЖЯ: НЕ ПОНИМАЮ

Таким образом, данная тематическая группа наименее вариативна из всех представленных. Отсутствуют варианты, которые используются только в определенных городах.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

На территории Восточной Сибири существуют сообщества глухих и слабослышащих, которые коммуницируют на русском жестовом языке. Во всех регионах, где проводился сбор эмпирического материала, представлены специализированные учебные заведения и функционируют региональные отделения Всероссийского общества глухих.

Для участия в исследовании вариативности РЖЯ были привлечены носители жестового языка, проживающие в Красноярском крае, Иркутской области, Республике Хакасия и Республике Тыва. Возраст информантов, гендерная принадлежность, аудиальный статус, социальное положение и уровень образования отличаются. Интервьюирование респондентов осуществлялось на основе сформированного словника, лексические единицы которого были систематизированы в соответствии с тематическими группами. Из 376 анализируемых лексем 144 продемонстрировали наличие вариативности, что составляет 38,3 %. Всего было зафиксировано 424 фонологических и лексических варианта.

В таблице 1 представлены более подробные данные: приводится количество лексических единиц в рамках каждой тематической группы, процент общей вариативности и процент жестов, которые демонстрируют наличие лексической и фонологической вариативности. Важно отметить, что в графах «Лексическая вариативность» и «Фонологическая вариативность» представлено соотношение жестовых единиц в рамках тематических групп без учета случаев наличия фонологической вариативности у лексических вариантов. Например, жест ВОЗРАСТ имеет четыре лексических варианта, один из которых, в свою очередь, представлен двумя фонологическими вариантами. В таблице отражено, что жест ВОЗРАСТ демонстрирует лексическую вариативность. Жест ВОЛОСЫ представлен только фонологическими вариантами, что отражается в таблице в графе «Фонологическая вариативность». Таким образом, в табл. 1 показано

процентное соотношение лексических вариантов (которые в свою очередь могут обладать рядом фонологических вариантов) и количество жестов, имеющих только фонологические варианты. Из общего количества вариативных жестов фонологическая вариативность является более распространенной. Из четырех сопоставляемых параметров жеста наиболее подвержен изменениям параметр «конфигурация». Фонологическая вариативность по параметру «характер движения» также распространена, однако большая часть данных жестов относится к тематическим группам «Вопросительные жесты» и «Время».

Таблица 1

№	Тематическая группа	Количество жестов, включенных в исследование	Вариативность (общий%)	Лексическая вариативность (%)	Фонологическая вариативность (%)
1	Внешность	9	45,5	50	50
2	Вопросительные жесты	11	63,6	71,4	28,6
3	Время	36	50	27,7	72,3
4	Действия и состояния	70	25,7	77,7	22,3
5	Дом и обстановка	42	33,3	57	43
6	Досуг	29	31	55,5	44,5
7	Магазин и покупки	14	21,4	100	0
8	Одежда и обувь	8	50	50	50
9	Природа и погода	25	47	37,5	62,5
10	Продукты и питание	40	60	83,3	16,7
11	Профессии	20	40	75	25
12	Семья	13	61,5	12,5	87,5
13	Фауна	20	60	83,3	16,7
14	Фразы и слова для общения	31	9,7	66,6	33,4
15	Цвета	8	50	25	75

Из пятнадцати тематических групп самое большое количество вариантов было зафиксировано в следующих: «Вопросительные жесты», «Фауна»,

«Продукты и питание», «Семья». В тематической группе «Вопросительные жесты» вариативны 7 жестов из 11. Следует отметить, что в рамках данной группы более частотна лексическая вариативность. Отмечается влияние региона проживания, так как наибольшее количество данных вариантов были показаны информантами, проживающими на территории Республики Хакасия. Тематическая группа «Фауна» включает в себя 20 лексических единиц, 12 из которых вариативны. Очень высок процент лексической вариативности. В тематической группе «Продукты и питание» было проанализировано 40 лексических единиц, из них вариативность демонстрируют 24. Также отмечается большое количество лексических вариантов. Тематическая группа «Семья» представлена 14 лексемами. Из 8 вариантов жестов только один является лексическим. Важно отметить, что фонологические варианты в рамках данной группы были использованы одним носителем РЖЯ, проживающим в Республике Хакасия. Представляется возможным предположить, что данные варианты распространены в определенной семье или в населенном пункте, где проживает информант. Во всех описываемых вариантах применяется одинаковая конфигурация, отличная от более распространенной. Наименее вариативна тематическая группа «Фразы и слова для общения». Данный факт может быть связан с тем, что лексические единицы этой группы используются чаще прочих в повседневном общении и при контактах с представителями сообщества, проживающими в других регионах. Также невысока степень вариативности жестов тематических групп «Магазин и покупки» и «Действия и состояния».

Отмечается зависимость наличия лексической вариативности и иконичности. Так, тематические группы «Фауна» и «Продукты и питание» характеризуются высокой степенью иконичности жестов и демонстрируют самый высокий процент лексической вариативности. В других группах (например, «Профессии» и «Действия и состояния») также заметно наличие данной корреляции.

Выявлено наличие жестов, которые распространены только в одном из регионов. Частотны случаи, когда респонденты, проживающие в двух разных городах, используют жест, который не распространен в двух других городах.

Данный факт ставит под сомнение существование единого сибирского диалекта. Требуются дополнительные сопоставительные исследования с привлечением большего количества информантов и использованием данных, полученных в результате анализа жестов, распространенных в Москве, Санкт-Петербурге и других городах.

Влияние возраста респондентов на выбор варианта было замечено лишь в нескольких случаях. Также у представителей старшего поколения наблюдается тенденция к более частому использованию дактиля. Данный факт может являться следствием образовательной политики, которая проводилась во время их обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение жестовых языков в рамках языкознания приобрело в последние годы особую актуальность в связи с тем, что данные языки попали в сферу интересов исследователей-лингвистов относительно недавно. На становление и развитие жестовых языков оказывают влияние внешние и внутренние факторы, которые включают в себя социальные, политические, культурные и лингвистические аспекты. Кроме того, значимы личные характеристики носителей языка, поскольку их аудиальный статус, возраст овладения жестовым языком и степень интегрированности в сообщество глухих разнятся.

Своеобразие жестовых языков заключается в использовании визуальной модальности и отличным от звуковых языков набором артикуляторов. На ранних этапах становления лингвистики жестовых языков как научного направления большое внимание уделялось сопоставлению звуковых и жестовых языков, выделялись универсальные характеристики всех человеческих языков и универсалии, присущие только жестовым языкам. По мере накопления эмпирических данных стало возможно проводить кросс-лингвистические исследования, касающиеся в том числе вопросов принадлежности жестовых языков к определенным семьям и наличия региональной вариативности. В последние десятилетия наблюдается увеличение количества работ, посвященных различным аспектам функционирования жестовых языков, создаются корпуса и специализированные базы данных.

Функционирование жестовых языков в рамках сообществ, зачастую ограниченных учебным заведением или определенным регионом, способствует возникновению лексических и фонологических вариантов. Кроме того, существенное влияние на вариативность жестовых языков могут оказывать образовательная политика и государственное регулирование. Также в связи со сменой поколений жесты могут трансформироваться или создаваться. Фиксация и изучение вариативности различных жестовых языков является важной задачей, что подтверждается увеличением количества исследований, посвященных данной проблематике.

На вариативность жестов оказывают влияние лингвистические и социолингвистические факторы. Исследования вариативности различных жестовых языков позволили выявить такие лингвистические факторы, как значимость параметров жестов, смежных с анализируемым; грамматическая категория; влияние фонологических процессов. Социолингвистические факторы включают в себя гендерную принадлежность, возраст, регион проживания/обучения, аудиальный статус носителя, языковую политику и др.

Русский жестовый язык является одним из основных средств общения глухих и слабослышащих людей, проживающих на территории Российской Федерации. Зарождение русского жестового языка связано с основанием первого специализированного учебного заведения, наличие которого обусловило создание условий для формирования сообщества глухих. Лингвистические исследования русского жестового языка начались в 70-х гг. XX в. До этого времени описания русского жестового языка приводились в ряде сурдопедагогических работ, посвященных в основном вопросам методики обучения глухих и слабослышащих детей. В настоящее время существуют исследования грамматических аспектов и лексики русского жестового языка, представлен аннотированный корпус и ряд специальных словарей. Вариативность РЖЯ также описывалась в нескольких работах, где приводятся данные о существовании ряда диалектов русского жестового языка – московского, Санкт-Петербургского и Сибирского.

В рамках настоящего исследования были сопоставлены и проанализированы лексические единицы базового лексикона, которые используют представители сообщества глухих и слабослышащих, проживающие на территории Восточной Сибири. Документирование эмпирических данных осуществлялось в четырех административных центрах – г. Красноярске, г. Абакане, г. Кызыле и г. Иркутске. Важно отметить, что информанты проживают в разных населенных пунктах регионов, что позволяет делать обобщения, актуальные для более крупных территориальных единств.

Анализ полученных данных показал, что степень вариативности жестов в регионе довольно высока – 38,3 %. Однако следует подчеркнуть, что наибольшее

количество вариативных жестов дифференцируются по одному из параметров (чаще всего – конфигурации). Фонологическая вариативность, как правило, не затрудняет коммуникативный процесс, поскольку не препятствует узнаваемости жеста.

В рамках исследования был составлен тезаурус, включающий в себя 376 лексических единиц. Данные лексические единицы были сгруппированы соответственно их принадлежности к определенным темам: «Внешность», «Вопросительные жесты», «Время», «Действия и состояния», «Дом и обстановка», «Досуг», «Магазин и покупки», «Одежда и обувь», «Природа и погода», «Продукты и питание», «Профессии», «Семья», «Фауна», «Фразы и слова для общения», «Цвета». Количественный и качественный анализ позволил выделить тематические группы, которые содержат наибольшее и наименьшее количество вариантов. Кроме того, в работе представлены данные о процентном соотношении лексических и фонологических вариантов для каждой группы.

Тематические группы «Продукты и питание» и «Фауна» являются наиболее вариативными. Кроме того, указанные группы также продемонстрировали самый высокий процент наличия лексических вариантов. Примечательно, что данные варианты зачастую обладают высокой степенью иконичности. Наименее вариативна тематическая группа «Фразы для общения».

Выделяются случаи, когда ряд фонологических вариантов может быть рассмотрен в качестве связанных цепочек, которые отличаются по одному из параметров. Данные случаи представляют значительный интерес, так как могут быть рассмотрены в том числе в качестве потенциальных источников исследования трансформации жестов либо особенностей воспроизведения жестов, характерных для представителей разных гендеров, поколений и т.д.

На данном этапе можно заключить, что в целевых регионах не проявляется жестовая гомогенность, поскольку в результате изучения был зафиксирован определенный корпус жестов, используемых не во всех регионах. С другой стороны, также отсутствует ярко выраженное влияние региона на выбор варианта, поскольку частотны случаи использования некоего жеста в двух регионах из

четырёх (в том числе территориально отдалённых друг от друга). Отмечается некоторое влияние возрастного фактора. Так, в ряде случаев представители старшего поколения демонстрировали тенденцию к более частому использованию дактилирования.

Полученные результаты открывают широкие возможности для дальнейших исследований, в рамках которых представляется перспективным, как увеличить количество информантов, так и расширить территориальные границы. Привлечение большего числа носителей ЖЯ позволит обоснованнее говорить о влиянии экстралингвистических факторов. Анализ жестовых единиц в контексте их региональной вариативности и сопоставление анализируемых в данной работе лексических единиц с жёстами, которые распространены в других регионах Российской Федерации и в странах СНГ, расширит число зафиксированных вариантов. Кроме того, возможно привлечение дополнительных лексических единиц, относящихся, например, к сферам образования и современных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базоев, В.З. Словарь русского жестового языка / В.З. Базоев, Е.Н. Гаврилова, И.А. Егорова [и др.]. – М.: Флинта, 2009. – 525 с.
2. Басова, А.Г. История сурдопедагогики: учеб. пособие для студентов дефектол. фак-тов пед. ин-тов / А.Г. Басова, С.Ф. Егоров. – М.: Просвещение, 1984. – 295 с.
3. Батенёва, С.Г. Бытийное отрицание и способы его выражения в русском жестовом языке (на материале корпуса русского жестового языка) / С.Г. Батенёва // Наука. Технологии. Инновации. – 2020. – № 8. – С. 655–658.
4. Беликов, В.И. Социоллингвистика: учебник для вузов / В.И. Беликов – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с.
5. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: АСТ, 2009. – 608 с.
6. Бородулина, Д.А. Средства выражения возможности и необходимости в русском жестовом языке глухих / Д.А. Бородулина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1. – С. 92–95.
7. Боскис, Р.М. О развитии мимической речи глухонемого ребенка и ее роли в процессе обучения и воспитания глухонемых / Р.М. Боскис, Н.Г. Морозова // Вопросы учебно-воспитательной работы в школе для глухонемых. Бюллетень. – 1939. – № 7 (10). – С. 6–35.
8. Буркова, С.И. К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка / С.И. Буркова, О.А. Варинова // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 127–143.
9. Буркова, С.И. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык / С. И. Буркова, О.А. Варинова, Д.А. Заварицкий [и др.]. – Новосибирск: Новосиб. гос. технич. ун-т, 2019. – 356 с.
10. Бухаров, В.М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке / В.М. Бухаров. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. – 138 с.

11. Вербицкая, Л.А. Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). – Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1976. – 123 с.

12. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Печатный двор, 1947. – 784 с.

13. Гейльман, И.Ф. Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика. Ч. 1–4 [Словарь] / И.Ф. Гейльман. – Л.: ЛВЦ ВОГ, 1975–1979.

14. Горелов, И.Н. Вопросы теории речевой деятельности (Психолингвистические основы искусственного интеллекта) / И.Н. Горелов. – Таллинн: Валгус, 1987. – 196 с.

15. Давиденко, Т.П. Краткий очерк по лингвистике РЖЯ / Т.П. Давиденко, А.А. Комарова / Современные аспекты жестового языка. – М., 2006. – С. 146–161.

16. Драга, Д.В. Русский жестовый язык с дополненной реальностью / Д.В. Драга. – М., 2021. – 672 с.

15. Душкина, В. Влияние официального признания русского жестового языка на сообщество глухих / В. Душкина // Актуальные проблемы современного общества. – 2015. – С. 10–14.

16. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – 1960. – № 1. – С. 264–384.

17. Жирмунский, В.М. Национальный язык и социальные диалекты / В.М. Жирмунский. Гослитиздат, 1936. – 297 с.

18. Задорожная, И.А. Средства выражения иронии в русском жестовом языке / И.А. Задорожная // Наука. Технологии. Инновации. – 2020. – № 8. – С. 703–707.

19. Зайцева, Г.Л. Особенности жестового языка глухих при выражении пространственных отношений / Г.Л. Зайцева // Дефектология. – 1969. – № 4. – С. 15–21.

20. Зайцева, Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г.Л. Зайцева. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. –

192 с.

21. Зубкова, Л.Г. Орфоэпическая вариативность сквозь призму членораздельности / Л.Г. Зубкова // Вариативность в литературном произношении: борьба вокруг нормы. – М.: МГПУ, 2006. – С. 5–11.

22. Карпова, Г.А. Основы сурдопедагогики / Г.А. Карпова. – Екатеринбург: Издатель Калинина Г.П., 2008. – 353 с.

23. Копылова, В.А. Календарно-временная лексика в русском жестовом языке / В.А. Копылова // Наука. Технологии. Инновации. – 2016. – № 8. – С. 305–307.

24. Королькова, О.О. Русский жестовый язык: актуальные проблемы изучения, состояние, перспектива / О.О. Королькова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2020. – № 19 (9). С. 64–73.

25. Королькова, О.О. Лексика русского жестового языка : актуальные аспекты исследования / О.О. Королькова. – Новосибирск: НГУ, 2022. – 255 с.

26. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

27. Королькова, О.О. Лексика русского жестового языка. Актуальные аспекты исследования: монография / О.О. Королькова // – Новосибирск: НГУ, 2022. – 152 с.

28. Крысин, Л.П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – № 70 (4). – С. 3–8.

29. Кюсева, М.В. Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Кюсева. – М., 2018. – 222 с.

30. Лаговский, Н.М. История Санкт-Петербургского училища глухонемых (1810–1910). Исторический очерк / Н.М. Лаговский. – СПб.: Типография училища глухонемых, 1910. – 591 с.

31. Маринина, Р.Г. Книга жестов для неслышащих людей: дактиль, правила

дактилирования, язык жестов / Р.Г. Маринина. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004. – 317 с.

32. Микиртичан, Г.Л. Вклад императрицы Марии Федоровны в организацию помощи детям / Г.Л. Микиртичан // Вопросы современной педагогики. – 2013. – № 12 (2). – С. 115–122.

33. Приставка, К.В. Лингвоспецифическая лексика в русском жестовом языке / К. В. Приставка // Наука. Технологии. Инновации. – 2016. – № 8. – С. 313–315.

34. Прозорова, Е.В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Прозорова. – М., 2009. – 284 с.

35. Радищев, А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии / А.Н. Радищев. Полн. собр. соч. в 3 т. Т. 2. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – С. 39–145.

36. Сводеш, М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов / М. Сводеш // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 23-52.

37. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 605 с.

38. Скаличка, В. Асимметричный дуализм языковых единиц / В. Скаличка. – М.: Прогресс, 1967. – 120 с.

39. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.

40. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр [коммент. Туллио де Мауро]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 425 с.

41. Торсуев, Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе / Г.П. Торсуев. – М.: Наука, 1977. – 122 с.

42. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 372 с.

43. Филимонова, Е.В. Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Филимонова. – Новосибирск, 2015. – 313 с.

44. Флери, В.И. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию

и к способам образования, самым свойственным их природе / В.И. Флери. – СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835. – 306 с.

45. Фрадкина, Р.Н. Говорящие руки: Тематический словарь жестового языка глухих России / Р.Н. Фрадкина. – М.: «Сопричастность» ВОИ, 2001. – 402 с.

46. Харламенков, А.Е. Создание «Электронной справочно-аналитической системы “Русско-жестовый толковый словарь”» / А.Е. Харламенков. – М.: Изд-во Института непрерывного профессионального образования, 2016. – 89 с.

47. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 24–39.

48. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 102–117.

49. Якобсон, Р.О. О теории фонологических союзов между языками / Р.О. Якобсон // Якобсон Р.О. Избранные работы. – 1985. – С. 92–104.

50. Ahlgren, I., Bergman B. Papers from the First International Symposium on Sign Language Research / I. Ahlgren, B. Bergman. – Leksand: Sveriges Dövas Riksförbund, 1980. – 268 p.

51. Aldersson, R., McEntee-Atalianis, L. A lexical comparison of signs from Icelandic and Danish Sign Languages / R. Aldersson, L. McEntee-Atalianis // Sign Language Studies. – 2009. – Vol. 9 (1). – Pp. 45–87.

52. Aramburo, A. Sociolinguistic aspects of the Black Deaf community / A. Aramburo // The Sociolinguistics of the Deaf Community. – 1989. – Pp. 103–119.

53. Aronoff, M., Meir, I., Sandler, W. The paradox of sign language morphology / M. Aronoff, I. Meir, W. Sandler // Language. – Vol. 81 (2). – 2005. – Pp. 301–344.

54. Baker, A., Bogaerde, B. van den, Pfau, R., Schermer, T. The linguistics of sign languages: an introduction / A. Baker, B. van den Bogaerde, R. Pfau, T. Schermer. – Amsterdam: John Benjamins, 2016. – 378 p.

55. Battison, R. Lexical Borrowing in American Sign Language / R. Battison. – Silver Spring, MD: Linstok Press, 1978. – 240 p.

56. Bellugi, U., Fischer, S. A Comparison of Sign Language and Spoken Language / U. Bellugi, S. Fischer // *Cognition*. – 1972. – Vol. 1 (3). – Pp. 173–200.
57. Berent, I., Dupuis, A., Brentari, D. Amodal aspects of linguistic design: Evidence from sign language / S. Pinker. – Boston: Northeastern University. – 2013. – Vol. 8. – Pp. 1–17.
58. Bickford, J. A. The Signed Languages of Eastern Europe / J. A. Bickford. – North Dakota: SIL International, 2005. – 45 p.
59. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – New York: Henry Holt and Co., 1933. – 564 p.
60. Brennan M., Hayhurst A.B. The Renaissance of British Sign Language // M. Brennan, A.B. Hayhurst / *Sign Language and the Deaf Community: Essays in Honor of William C. Stokoe*. – 1980. – Pp. 233–244.
61. Brennan, M. Word Formation in British Sign Language. PhD dissertation. – University of Stockholm, 1990.
62. Brennan, M., Colville, M. A British Sign Language Research Project / M. Brennan, M. Colville // *Sign Language Studies*. – 1979. – Vol. 24 (1). – Pp. 253–272.
63. Brentari, D. *Sign Language Phonology* / D. Brentari. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019. – 333 p.
64. Brentari, D. A Prosodic Model of Sign Language Phonology / D. Brentari. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998. – 396 p.
65. Brentari, D. Introduction / D. Brentari // *Sign Languages*. – 2010. Pp. 1–17.
66. Brentari, D. Phonology / D. Brentari // *Handbook of Sign Language*. – 2012. – Pp. 21–53.
67. Brentari, D. Sign language phonology: ASL / D. Brentari // *Handbook of phonological theory*. – 1995. – Pp. 615–639.
68. Campos, A. de. The deaf social life in Brazil / A. de. Campos // *The Deaf way*. – 1994. – Pp. 114–16.
69. Chinchor, N. The structure of the NP in ASL / N. Chinchor. – Unpublished MS. Providence, RI: Brown University, 1978.

70. Chomsky, N. Lectures on Government and Binding / N. Chomsky // Studies in generative grammar. – 1981. – Vol. 9. – 371 p.
71. Clayton, V. Linguistics of American Sign Language: An Introduction / V. Clayton, L. Ceil. – Gallaudet University Press, 1995. – 446 p.
72. Crasborn, O. What does «Informed Consent» Mean in the Internet Age? Publishing Sign Language Corpora as Open Content / O. Crasborn // In: Sign Language Studies. – 2010. – Vol. 10 (2). – Pp. 276–290.
73. De Vos, C. The Time Depth and Typology of Rural Sign Languages / C. de Vos, V. Nyst // Sign Language Studies. – 2018. – Vol. 18. – Pp. 477–487.
74. Deuchar, M. Diglossia in British Sign Language / M. Deuchar // Working Papers in Sociolinguistics. – 1978. – Vol. 46. – Pp. 1–49.
75. Deuchar, M. British Sign Language / M. Deuchar. – London: Routledge, 1984. – 246 p.
76. Dyer, E. R. Sign language agglutination: A brief look at ASL and Turkish / E. R. Dyer // Sign Language Studies. – 1976. – Vol. 11 (1). – Pp. 133–148.
77. Ebling, S. Semi-Automatic Annotation of Semantic Relations in a Swiss German Sign Language Lexicon / S. Ebling, T. Katja, V. Martin // 8th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2012). – 2012. – Pp. 31–36.
78. Eichmann, H. Regional variation in German Sign Language: The role of schools (re-)visited / H. Eichmann, R. Rosenstock // Sign Language Studies. – 2014. – Vol. 14 (2). – Pp. 175–202.
79. Engberg-Pedersen, E. Some simultaneous constructions in Danish Sign Language / E. Engberg-Pedersen // Word-order Issues in Sign Language. – 1994. – Pp. 73–87.
80. Erting, C. Synchronic Variation and Historical Change in American Sign Language / C. Erting, J. Woodward // Language Sciences. – 1975. – Vol. 37. – Pp. 9–12.
81. Fauconnier, G. Mental Spaces. Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. –

190 p.

82. Fenlon J. Sign languages in the world / J. Fenlon, E. Wilkinson // *Sociolinguistics and Deaf Communities*. – 2015. – Vol. 1. – Pp. 5–28.

83. Fenlon, J. Comparing sign language and gesture: insights from pointing / J. Fenlon, K. Cooperrider, J. Keane, D. Brentari, S. Goldin-Meadow // *Glossa*. – 2019. – Vol. 4 (1). – Pp. 1–26.

84. Fenlon, J. Variation in handshape and orientation in British Sign Language: The case of the «1» hand configuration / J. Fenlon, A. Schembri, R. Rentelis, K. Cormier // *Language and Communication*. – 2013. – Vol. 33. – Pp. 69–91.

85. Fischer, S. Sign language field methods: Approaches, techniques, and concerns / S. Fischer // *Taiwan Sign Language and beyond*. – 2009. – Pp. 1–19.

86. Fishman, J. The Sociology of Language: an Interdisciplinary Social Science Approach in the Sociology of Language / J. Fishman // *Advances in the Sociology of Language*. – 1971. – Pp. 350–356.

87. Frishberg, N. Arbitrariness and iconicity: Historical change in American Sign Language / N. Frishberg // *Language*. – 1975. – Vol. 51. – Pp. 696–719.

88. Frishberg, N. Ghanaian Sign Language / N. Frishberg // *Gallaudet Encyclopedia of Deaf People and Deafness*. – 1987. – Vol. 3. – Pp. 778–779.

89. Geraci, C., Battaglia, K., Cardinaletti, A., Cecchetto, C., Donati, C., Guiduce, S., Mereghetti, E. The LIS corpus project: A discussion of sociolinguistic variation in the lexicon / C. Geraci, K. Battaglia, A. Cardinaletti, C. Cecchetto, C. Donati, E. Merghetti // *Sign Language Studies*. – 2011. – Vol. 11. – Pp. 328–374.

90. Gimson, A. C. Phonetic Change and the RP Vowel System / A. C. Gimson // *In Honour of Daniel Jones*. L. – 1964. – Pp. 131–136.

91. Goldin-Meadow, S., Brentari, D. Gesture, sign, and language: The coming of age of sign language and gesture studies / S. Goldin-Meadow, D. Brentari // *Behavioral and Brain Sciences*. – 2017. – Vol. 40. – Pp. 1–59.

92. Grenoble, L. An Overview of Russian Sign Language / L. Grenoble // *Sign Language Studies*. – 1992. – Vol. 21 (77). – P. 321–338.

93. Groce, N. Everyone here spoke sign language / N. Groce. – Cambridge, MA:

Harvard University Press, 1985. – 164 p.

94. Guerra Currie, A.-M. A crosslinguistic examination of the lexicons of four signed languages / A.-M. Guerra Currie, R. P. Meier, K. Walters // *Modality and Structure in Signed and Spoken Languages*. – 2002. – Pp. 224–236

95. Gumpers, J. J. *Language in Social Groups* / J. J. Gumpers. – Stanford: Sup., 1971. – 350 p.

96. Herreweghe, M. van. Handling sign language data / M. van Herreweghe, M. Vermeerbergen // *Sign language: An international handbook*. – 2012. – Pp. 1023–1045.

97. Hill, J. C. Data Collection in Sociolinguistics / J. C. Hill // *Research Methods in Sign Language Studies*. – 2015. – Pp. 193–207.

98. Hockett, C. F. The origin of speech / C. F. Hockett // *Scientific American*. – 1960. – Vol. 203. – Pp. 89–96.

99. Hoek, K. van. Conceptual Spaces and Pronominal Reference in American Sign Language / K. van Hoek // *Nordic Journal of Linguistics* – 1992. – Vol. 15. – Pp. 183–199.

100. Hurlbut, H. M. Philippine signed languages survey: A rapid appraisal. <https://www.sil.org/resources/archives/9211> (02.02.2022).

101. Hymes, D. *Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach* / D. Hymes. – J.: Tavistock, 1977. – 248 p.

102. Ingram, R.M. Theme, rheme, topic, and comment in the syntax of American Sign Language / R.M. Ingram // *Sign Language Studies*. – 1978. – Vol. 20 (1). – Pp. 193–218.

103. Isma, S. T. P. *Signing varieties in Jakarta and Yogyakarta: Dialects or separate languages?* MA thesis, CUHK, Hong Kong. – 2012.

104. Janzen, T. 2012. Lexicalization and grammaticalization / T. Janzen // *Sign languages*. – 2012. – Vol. 37. – Pp. 816–841.

105. Jepson, J. Urban and rural sign language in India / J. Jepson // *Language in Society*. – 1991. – Vol. 20. – Pp. 37–57.

106. Johnston, T.A. *Australian Sign Language (Auslan): An introduction to sign language linguistics* / T.A. Johnston, A. Schembri. – Cambridge, England:

Cambridge University Press, 2007. – 329 p.

107. Johnston, T. Auslan: The Sign Language of the Australian Deaf Community. Ph.D. diss. – University of Sydney, Sydney, 1989.

108. Johnston, T. BSL, Auslan and NZSL: Three signed languages or One? / T. Johnston // Cross-linguistic perspectives in sign language research. – 2003. – Pp. 47–69.

109. Johnston, T. Corpus linguistics and signed languages: no lemmata, no corpus / T. Johnston // 6th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2008). – 2008. – Pp. 82–87.

110. Johnston, T. From archive to corpus: Transcription and annotation in the creation of signed language corpora / T. Johnston // International Journal of Corpus Linguistics. – 2010. – Vol. 15 (1). – Pp. 106–131.

111. Jun Hui Yang. Sign language and oral/written language in deaf education in China / Jun Hui Yang. – Preston: University of Central Lancashire, 2008. – 300 p.

112. Kagirov, I., Ivanko, D., Ryumin, D., Axyonov, A., Karpov, A. TheRuSLan: Database of Russian Sign Language <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2020/pdf/2020.lrec-1.746.pdf> (10.01.2022).

113. Kendon, A. How Gestures Can Become Like Words / A. Kendon // Cross-Cultural Perspectives in Nonverbal Communication. – 1988. – Pp. 131–141.

114. Kimmelman, V. Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. – Amsterdam, 2014. – 267 p.

115. Kimmelman V., Komarova A., Luchkova L., Vinogradova V., Alekseeva O. Exploring networks of lexical variation in Russian Sign Language. *Frontiers in psychology* <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.740734/full> (02.04.2022).

116. Kisch, S. «Deaf Discourse»: The Social Construction of Deaf in a Bedouin Community / S. Kisch // *Medical Anthropology*. – 2008. – Vol. 27 (3). – Pp. 238–313.

117. Kisch, S. Negotiating (genetic) deafness in a Bedouin community / S. Kisch // *Genetics, disability and deafness*. – 2004. – Pp. 148–173.

- 118.Klima, E.S. *The Signs of Language* / E.S. Klima, U. Bellugi. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 432 p.
- 119.Kopf M., Schulder M., Hanke T. Overview of datasets for the sign languages of eu-rope. <https://www.fdr.uni-hamburg.de/record/9561#.Yzm0UZMzbSA> (25.11.2021).
- 120.Kyle, J. Deaf people and the community / J. Kyle, L. Allsop // *Journal of British Teachers of the Deaf*. – 1982. – Vol. 3. – Pp. 71–79.
- 121.Kyle, J.G. *Sign language: the study of deaf people and their language* / J.G. Kyle, B. Woll. – Cambridge, Cambridge University Press, 1985. – 318 p.
- 122.Labov, W. Locating the Frontier between Social and Psychological Factor in Linguistic Variations / W. Labov // *Individual Differences in Language Ability and Language Behaviour*. – 1979. – Pp. 327–348.
- 123.Laes, C. Learning from Silence: Disabled Children in Roman Antiquity / C. Laes // *Arctos*. – 2008. – Vol. 42. – Pp. 85–122.
- 124.Lane, H.L. *A journey into the deaf-world* / H.L. Lane, R. Hoffmeister, B.J. Bahan. – San Diego: CA Dawn Sign Press, 1996. – 560 p.
- 125.Lane, H. Preliminaries to distinctive feature analysis of handshapes in American Sign Language / H. Lane, P. Boyes Braem, U. Bellugi // *Cognitive Psychology*. – 1976. – Vol. 8. – Pp. 263–289.
- 126.Lane, H. Origins of the American Deaf World: Assimilating and Differentiating Societies and Their Relation to Genetic Patterning / H. Lane. R. Pillard, M. French // *The Signs of Language Revisited*. – 2000. – Pp. 77–100.
- 127.Leeson, L. To the lexicon and beyond: The effect of gender on variation in Irish Sign Language / L. Leeson, C. Grehan // *To the lexicon and beyond: Sociolinguistics in European deaf communities*. – 2004. – Pp. 39– 73.
- 128.Liddell, S.K. Head thrust in ASL conditional marking / S.K. Liddell // *Sign Language Studies*. – 1986. – Vol. 52 (1). – Pp. 244–262.
- 129.Liddell, S. *American Sign Language Syntax* / S. Liddell. – The Hague: Mouton de Gruyter, 1980. – 210 p.
- 130.Liddell, S. *Grammar, gesture and meaning in American Sign Language* / S.

Liddell. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 400 p.

131.Liddell, S.K. Four Functions of a Locus: Reexamining the Structure of Space in ASL / S.K. Liddell // *Sign Language Research: Theoretical Issues*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 1990. – Pp. 176–198.

132.Liddell, S.K. Real, Surrogate and Token Space: Grammatical Consequences in ASL / S.K. Liddell // *Language, Gesture, and Space*. – 1995. – Pp. 19–41.

133.Liddell, S. American Sign Language: The phonological base / S. Liddell, R.E. Johnson // *Sign Language Studies*. – 1989. – Vol. 64. – Pp. 197–277.

134.Lucas, C. Sociolinguistic Variation in American Sign Language: Sociolinguistics in Deaf Communities, Vol. VII / C. Lucas, R. Bayley, C. Valli. – Washington, DC: Gallaudet University Press, 2001. – 192 p.

135.Mandel, M. Iconic devices in American Sign Language / M. Mandel // *On the Other Hand: New Perspectives on American Sign Language*. – 1977. – Pp. 57–107.

136.Marsaja, I.G. Desa Kolok: A Deaf Village and its Sign Language in Bali, Indonesia / I.G. Marsaja. – Nijmegen: Ishara Press, 2008. – 262 p.

137.Maxwell, M.M. Chafe's generative semantics and the structure of American Sign Language / M.M. Maxwell // *Sign Language Studies*. – 1983. – Vol. 39 (1). – Pp. 169–187.

138.Maye, C. The use of signs in Switzerland: Projects in the Zurich and Geneva Schools / C. Maye, G. Ringli, P. Boyes Braem // *Sign and School: Using Signs in Deaf Children's Development*. – 1987. – Pp. 162–170.

139.McBurney S. History of sign languages and sign language linguistics / S. McBurney // *Sign Language, an international handbook*. – 2012. – P. 909–949.

140.McBurney, S. Pronominal reference in signed and spoken language: Are grammatical categories modality-dependent? / S. McBurney // *Modality and Structure in Signed and Spoken Languages*. – 2002. – Pp. 329–369.

141.McKee, D. Lexical comparisons of signs from American, Australian, British and New Zealand Sign Languages / D. McKee, G. Kennedy // *The Signs of Language Revisited: An Anthology to Honor Ursula Bellugi and Edward Klima*. –

2000. – Pp. 49–76.

142. McKee, D. Numeral variation in New Zealand Sign Language / D. McKee, R. McKee, G. Major // *Sign Language Studies* – 2011. – Vol. 12 (1). – Pp. 72–160.

143. Meier R.P. Language and modality / R.P. Meier // *Sign Language. An international handbook*. – 2012. – Pp. 574–601.

144. Meier, R.P. Deaf around the world: The impact of language (review) / R.P. Meier // *Language*. – 2012. – Vol. 2 (88). – Pp. 436–439.

145. Meier, R.P. Why Different, Why the Same? Explaining Effects and Non-Effects of Modality upon Linguistic Structure in Sign and Speech / R.P. Meier, K. Cormier, D. Quinto-Pozos // *Modality and Structure in Sign and Spoken Languages* Cambridge: Cambridge University Press. – 2002. – Pp. 1–26.

146. Meir, I.A. Cross-modality Perspective on Verb Agreement / I.A. Meir // *Natural Language and Linguistic Theory*. – 2002. – Vol. 20 (2). – Pp. 413–450.

147. Meir, I. *Language in Space: The Story of Israeli Sign Language* / I. Meir, W. Sandler. – New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2008. – 352 p.

148. Nakamura, K. *About Japanese Sign Language*. – 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.deaflibrary.org/jsl.html>.

149. Napier J. *Sign language in action* / J. Napier, L. Leeson. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire and New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016. – 339 p.

150. Neidle, C., Kegel, J., Maclaughlin, D., Bahan, B., Lee, R. The syntax of American Sign Language: functional categories and hierarchical structure. <http://www.nero.com/enu/> (24.04.2021).

151. Nespors, M., Sandler, W. Prosody in Israeli Sign Language / M. Nespors, W. Sandler // *Language and Speech*. – 1999. – Vol. 42 (2). – Pp. 143–176.

152. Neville, H.J. Cerebral organization for language in deaf and hearing subjects: Biological constraints and effects of experience / H.J. Neville, D. Bavelier, D. Corina, J. Rauschecker, A. Karni, A. Lalwani, A. Braun, V. Clark, P. Jezard, R. Turner // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 1998. – Vol. 95 (3). – Pp. 922–929.

153. Newport, E.L. Maturation constraints on language learning / E.L. Newport //

Cognitive Science, 1990. – Vol. 14. – Pp. 11–28.

154.Nyst, V. Shared Sign Languages / V. Nyst // Sign Language: An International Handbook. – 2012. – Pp. 552–574.

155.Nyst, V. Sign Language Fieldwork / V. Nyst // Research Methods in Sign Language Studies. – 2015. – Pp. 107–123.

156.Occhino C. Gesture or sign? A categorization problem [Электронный ресурс] / C. Occhino, S. Wilcox 2022 // The Behavioral and Brain Sciences. – 2017 – URL: https://www.researchgate.net/publication/317260820_Gesture_or_sign_a_categorization_problem (дата обращения: 25.07.2022).

157.Ozyurek, A. The influence of addressee location on spatial language and representational gestures of direction / A. Ozyurek // Language and Gesture. – 2000. – Pp. 64–83.

158.Padden C.A. Interaction of Morphology and Syntax in American Sign Language / C.A. Padden. – PhD Dissertation. – San Diego: University of California, 1983. – 262 p.

159.Padden, C. Sign language geography / C. Padden // Deaf Around the World: The Impact of Language. – 2011. – Pp. 19–37.

160.Padden, C. The Relation Between Space and Grammar in ASL Verb Morphology / C. Padden // Sign Language Research: Theoretical Issues. – 1990. – Pp. 118–132.

161.Parkhurst, S., Parkhurst, D. Variación de las Lenguas de Signos Usadas en España: Un Estudio Lingüístico. Revista Española de Lingüística de las Lenguas de Signos https://www.researchgate.net/publication/361410366_Las_lenguas_de_signos_en_Espana_desde_las_ideologias_linguisticas (10.11.2021).

162.Parks, E. Sociolinguistic Profile of the Peruvian Deaf Community / E. Parks, J.A. Parks // Sign Language Studies. – 2010. – Vol. 10:4. – Pp. 409–441.

163.Parks, E., Parks, J. Sociolinguistic Survey Report of the Deaf Community of Guatemala. <https://www.academia.edu/40077992/>

Sociolinguistic_Survey_Report_of_the_Ecuadorian_Deaf_Community (02.02.2022).

164.Pedersen, B.S. DanNet: the challenge of compiling a wordnet for Danish by reusing a monolingual dictionary / B.S. Pedersen, N. Sanni, A. Jørg, N.H. Sørensen, L. Trap-Jensen, H. Lorentzen // Language Resources and Evaluation. – 2009. – Vol. 43. – Pp. 269–299.

165.Penn, C. Dictionary of southern African signs for communicating with the deaf / C. Penn. – Pretoria, South Africa: Human Science, 1992. – 703 p.

166.Perniss, P. Collecting and analysing sign language data: Video requirements and use of annotation software / P. Perniss // Research methods in sign language studies: A practical guide. – 2015. – Pp. 55–73.

167.Petitto, L.A. Are signed languages «real» languages? Evidence from American Sign Language and Langue des Signes Québécoise / L.A. Petitto // Signpost (International Quarterly of the Sign Linguistics Association). – 1994. – Vol. 7 (3). – Pp. 1–10.

168.Pfau, R., Glück S. The pseudo-simultaneous nature of complex verb forms in German Sign Language / R. Pfau, S. Glück // Proceedings of the 28th WECOL. – 2000. – Pp. 428–442.

169.Pfau, R. On the Syntax of Negation and Modals in German Sign Language (DGS) and Catalan Sign Language (LSC) / R. Pfau, J. Quer // Visible Variation. Comparative Studies on Sign Language Structure. – 2007. – Pp. 129–161.

170.Poizner, H. What the Hands Reveal About the Brain / H. Poizner, E. Klima, U. Bellugi. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987. – 256 p.

171.Powell, D. Deaf Education in New Zealand: Where We have been and Where We Are Going. URL: https://www.researchgate.net/publication/256846189_Deaf_Education_In_New_Zealand_Where_We've_Been_and_Where_We're_Going (12.06.2019).

172.Quadros, R.M. Phrase Structure of Brazilian Sign Language / R.M. Quadros // Crosslinguistic perspectives in sign language research. Selected papers from TISLR 2000. – 2003. – Pp. 141–162.

173.Quinn, G. Schoolization: An account of the origins of regional variation in British Sign Language / G. Quinn // *Sign Language Studies*. – 2010. – Vol. 10 (4). – Pp. 476–501.

174.Radutzky, E.J. La lingua italiana dei segni: Historical Change in the Sign Language of Deaf People in Italy [PhD dissertation] / E.J. Radutzky. – New York: New York University, 1989.

175.Sandler W. Sign Language and Linguistic Universals / W. Sandler, D. Lillo-Martin. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 547 p.

176.Sandler, W. Phonological Representation of the Sign: Linearity and Nonlinearity in American Sign Language / W. Sandler. – Dordrecht: Foris, 1989. – 228 p.

177. Sapir, E. Totality / Sapir E. – Baltimore, 1930. – 28 p.

178.Schembri A., Fenlon J., Rentelis R., Cormier K. British Sign Language Corpus Project: A corpus of digital video data and annotations of British Sign Language 2008–2014 (Second Edition). <http://www.bslcorpusproject.org> (23.02.2021).

179.Schembri, A. Phonological variation and change in Australian and New Zealand sign languages: The location variable / A. Schembri, D. McKee, R. McKee, S. Pivac, T. Johnston, D. Goswell // *Language Variation and Change*. – 2009. – Vol. 21 (02). – Pp. 193–231.

180.Schermer, T. Lexical variation in Sign Language of the Netherlands / T. Schermer // *To the lexicon and beyond: Sociolinguistics in European deaf communities*. – 2004. – Pp. 91–110.

181.Schick, B.S. 1990. Classifier Predicates in American Sign Language / B.S. Schick // *International Journal of Sign Linguistics*. – 1990. – Vol. 1 (1). – Pp. 15–40.

182.Senghas, A. Children Creating Language: How Nicaraguan Sign Language Acquired a Spatial Grammar / A. Senghas, M. Coppola // *Psychological Science*. – 2001. – Vol. 12 (4). – Pp. 323–328.

183.Senghas, R.J., Monaghan, L. Sign of their times: Deaf communities and the culture of language / R.J. Senghas, L. Monaghan // *Annual Review of*

Anthropology. – 2002. – Vol. 31. – Pp. 69–97.

184. Shahin, H. Genetics of congenital deafness in the Palestinian population: Multiple connex in 26 alleles with shared origins in the Middle East / H. Shahin, T. Walsh, T. Sobe, E. Lynch, M. King, K. Avraham, M. Kanaan // *Human Genetics*. – 2002. – Vol. 110. – Pp. 284–289.

185. Singleton, J., Goldin-Meadow, S., McNeill, D. The cataclysmic break between gesticulation and sign: Evidence against a unified continuum of gestural communication / J. Singleton, S. Goldin-Meadow, D. McNeill // *Language, gesture and space*. – 1995. – Pp. 287–311.

186. Sørensen, R.K. Indications of regular syntax in deaf Danish school children's sign language. *Sign Language Studies*. – 1975. – Vol. 8 (1). – Pp. 257–263.

187. Stamp, R. Sociolinguistic variation, language change and dialect contact in the British Sign Language (BSL) lexicon / R. Stamp. – PhD dissertation, UCL, London. – 2013.

188. Stamp, R. Lexical variation and change in British Sign Language / R. Stamp, A. Schembri, J. Fenlon, R. Rentelis, B. Woll, K. Cormier // *PLoS One*. – 2014. – Vol. 9 (4). – Pp. 811–824.

189. Stokoe, W.C. Etics & emics and the facial aspect of sign language signs / W.C. Stokoe // *Sign Language Studies*. – 1981. – Vol. 33 (1). – Pp. 377–381.

190. Stokoe, W.C. *A Dictionary of American Sign Language on Linguistic Principles* / W.C. Stokoe, D. Casterline, C. Croneberg. – Washington, DC: Gallaudet College Press, 1965.

191. Stokoe, W. *Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf* / W. Stokoe // *Deaf Stud Deaf Educ*. – 1960. – Vol. 10 (1). – Pp. 3–37.

192. Stokoe, W. *field guide for sign language research* / W. Stokoe, R.A. Kuschel. – Silver Spring: Md. Linstok Press, 1979. – 32 p.

193. Su S-F. Lexical Comparison of Signs from Taiwan, Chinese, Japanese, and American Sign Languages: Taking Iconicity into Account / S-F. Su, J. H-Y. Tai // *Taiwan Sign Language and Beyond*. Taiwan: The Taiwan Institute for the Humanities.

– 2009. – Pp. 149–176.

194. Supalla, T. Structure and acquisition of verbs of motion and location in American Sign Language / T. Supalla. PhD dissertation, University of California, San Diego. – 1982. – 153 p.

195. Supalla, T. The Classifier System in American Sign Language / T. Supalla // Noun Classification and Categorisation. – 1986. – Pp. 181–214.

196. Supalla, T. How many seats in a chair? The derivation of nouns and verbs in ASL / T. Supalla, E. Newport // Understanding Language Through Sign Language Research. – New York: Academic Press, 1978. – Pp. 91–132.

197. Sutton-Spence, R. The linguistics of British Sign Language: an introduction / R. Sutton-Spence, B. Woll. – Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1999. – 324 p.

198. Tai, J. Taiwan Sign Language / J. Tai, J. Tsay // Sign Languages of the World. – 2015. – Pp. 771–809.

199. Takashi, T. Shuwa o Megutte: On the Nature of Sign Language / T. Takashi, F.C. Peng. – Hiroshima, Japan: Bunka Hyoron Shuppan, 1976. – 136 p.

200. Talmy, L. The Representation of Spatial Structure in Spoken and Signed Language / L. Talmy // Perspectives on Classifier Constructions in Sign Languages. – 2003. – Pp. 169–196.

201. Tervoort, B.T. Structurele analyse van visueel taalgebruik binnen een groep dove kinderen. [Structural analysis of visual language use within a group of deaf children] / B.T. Tervoort. – Doctoral dissertation. Universiteit van Amsterdam, 1953.

202. Vanhecke, E. Regional variation in Flemish Sign Language / E. Vanhecke, K. Weerdt // To the lexicon and beyond: Sociolinguistics in European deaf communities. – 2004. – Pp. 27–38.

203. Vasishta M., Woodward J., Wilson K.L. Sign Languages in India: Regional Variations Within the Deaf Populations // Indian Journal of Applied Linguistics. – 1978. – Vol. 4 (2). – Pp. 66–74.

204. Vogt-Svendsen, M. Norske døves tegnspråk: noen pedagogiske og

språkvitenskapelige aspekter [The sign language of Norwegian deaf people: some educational and linguistic aspects] / M. Vogt-Svendsen. – Trondheim: Tapir, 1983. – 167 p.

205. Volterra, V. La lingua italiana dei segni: La comunicazione visivo-gestuale dei sordi / V. Volterra. – Bologna: Il Mulino, 1987. – 288 p.

206. Vos, C. de. Sampling Shared Sign Languages / C. de Vos // Sign Language Studies. – 2016. – Vol. 16 (2). – Pp. 204–226.

207. Wähl, S. Hand in Hand – Using Data from an Online Survey System to Support Lexicographic Work / S. Wähl, G. Langer, A. Müller // 11th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2018). – 2018. – Pp. 199–206.

208. Wen, D.M. Sign language in China / D.M. Wen // Towards Better Communication, Cooperation and Coordination: 125 Proceedings of the 1st Asian-Pacific Regional Conference on Deafness. – Hong Kong: HK Society for the Deaf, 1986. – 301 p.

209. Wilbur, R. 1991. Intonation and focus in American Sign Language / R. Wilbur // ESCOL '90: Proceedings of the Seventh Eastern States Conference on Linguistics. – 1991. – Pp. 320–331.

210. Wilcox, S. Routes from gesture to language / S. Wilcox // Revista da ABRALI. – 2005. – Vol. 4 (1/2). – Pp. 11–45.

211. Woll, B. Deaf Communities / B. Woll, P. Ladd // Oxford Handbook of Deaf Studies, Language, and Education. – 2003. – Pp. 151–163.

212. Woodward, J.C. Historical Bases of American Sign Language / J.C. Woodward // In Understanding Language through Sign Language Research. – 1978. – Pp. 333–348.

213. Woodward, J.C. Signs of Change: Historical Variation in American Sign Language / J.C. Woodward // Sign Language Studies. – 1976. – Vol. 10. – Pp. 81–94.

214. Yau S.S. The Chinese Signs: Lexicon of the Standard Sign Language for the Deaf in China / S.S. Yau. – Hong Kong: Languages Croisés, 1977. – 122 p.

215.Zeshan, U, de Vos C. (eds.) Sign languages in village communities: Anthropological and linguistic insights / U. Zeshan, C. de Vos. Nijmegen, The Netherlands: De Gruyter Mouton, Ishara Press // Sign Language Typology Series No. 4, 2012. – 413 p.

216.Zeshan, U. Gebardensprachen des indischen Subkontinents [Sign languages of the Indian Subcontinent]. PhD dissertation. – Muenchen, 2000.

217.Zeshan, U. Interrogative constructions in signed languages / U. Zeshan // Crosslinguistic perspectives. Language. – 2004. – Vol. 80 (1). – Pp. 7–39.

218.Zeshan, U. Village Sign Languages: A Commentary / U. Zeshan // Deaf around the World: The Impact of Language. – 2011. – Pp. 221–230.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данные об информантах

Регион проживания	Гендер	Возраст	Степень потери слуха
Республика Тыва	Ж	31	глубокая (IV)
Республика Тыва	Ж	31	тяжелая (III)
Республика Тыва	Ж	44	CODA
Республика Тыва	Ж	56	легкая (I)
Республика Хакасия	Ж	60	умеренная (II)
Республика Хакасия	Ж	27	глубокая (IV)
Республика Хакасия	Ж	58	умеренная (II)
Республика Хакасия	Ж	25	умеренная (II)
Республика Хакасия	М	61	тяжелая (III)
Республика Хакасия	Ж	42	CODA
Республика Хакасия	М	26	тяжелая (III)
Республика Хакасия	М	62	глубокая (IV)
Иркутская область	Ж	50	глубокая (IV)
Иркутская область	Ж	30	тяжелая (III)
Иркутская область	Ж	31	умеренная (II)
Иркутская область	М	31	тяжелая (III)
Иркутская область	М	23	тяжелая (III)
Красноярский край	Ж	39	CODA
Красноярский край	Ж	52	глухота
Красноярский край	Ж	20	умеренная (II)
Красноярский край	М	55	тяжелая (III)
Красноярский край	М	35	умеренная (II)
Красноярский край	М	42	CODA
Красноярский край	М	19	глухота